

ВЕСТНИК
Сибирского юридического института
МВД России

№ 3 (44)
2021

ISSN 2542-1735

Научно-практический журнал

Подписной индекс «Пресса России» 33356
Выходит 4 раза в год
Учредитель и издатель
Сибирский юридический институт МВД России

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ПИ N ФС77-68860 от 28 февраля 2017 г.).

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей:

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки),

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки),

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки),

12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки),

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки),

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (юридические науки),

12.00.14 – Административное право; административный процесс (юридические науки).

Включен в систему РИНЦ (договор N 207-05/2017).

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов, точность цитат несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону.

Редакционный совет:

председатель – Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель председателя – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела – начальник отделения (редакторское отделение) Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционного совета:

Авакьян Сурен Адибекович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва) (по согласованию);

Адольф Владимир Александрович – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания и Сибирской академии наук высшей школы, действительный член Академии информатизации образования Российской Федерации, заведующий кафедрой педагогики, директор института физической культуры, спорта и здоровья имени И.С. Ярыгина Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева (г. Красноярск) (по согласованию);

Азаров Владимир Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (г. Омск) (по согласованию);

Бахта Андрей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, директор Омского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Омск) (по согласованию);

Безруков Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России (г. Москва) (по согласованию);

Гришаев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук, директор Красноярского филиала Академии труда и социальных отношений (г. Красноярск) (по согласованию);

Железняк Николай Семенович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Комлев Юрий Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России (г. Казань) (по согласованию);

Кондрашев Андрей Александрович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск) (по согласованию);

Кухта Андрей Андреевич – доктор юридических наук (г. Красноярск) (по согласованию);

Медведев Игорь Анатольевич – начальник Санкт-Петербургского суворовского военного училища МВД России (г. Санкт-Петербург) (по согласованию);

Чечётин Андрей Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России (г. Барнаул) (по согласованию);

Шабанов Вячеслав Борисович – доктор юридических наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь) (по согласованию);

Шеслер Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк);

Шишко Ирина Викторовна – доктор юридических наук, директор Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск) (по согласованию).

VESTNIK
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia

N 3 (44)
2021

ISSN 2542-1735

Scientific and practical journal

Subscription index "The Press of Russia" 33356

The journal is issued four times a year

Founder and publisher

Siberian Law Institute of the MIA of Russia

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) (Registration Certificate PI N FS77-68860 from February 28, 2017).

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific journals for publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Ph.D. (Doctor and Candidate of Sciences) on the following groups of specialties:

12.00.01 – Theory of State and Law; history of the studies on law and state (legal sciences),

12.00.02 – Constitutional Law; constitutional judicial process; municipal law (legal sciences),

12.00.08 – Criminal Law and Criminology; penal execution law (legal sciences),

12.00.09 – Criminal Procedure (legal sciences),

12.00.11 – Judge's Activity, prosecutor's activity, human rights and law enforcement activity (legal sciences),

12.00.12 – Criminalistics; forensic activities; operational-search activity (legal sciences),

12.00.14 – Administrative Law; administrative procedure (legal sciences).

Journal indexing: RINTS contract N 207-05/2017.

Authors are responsible for the contents of an article, the reliability of using facts and quotations. The opinion of the editors may differ from the authors' opinions.

The reproduction of the materials, complete or partial reprinting without the editors' permit will be prosecuted under the law.

Editorial Council:

Chairman – Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor, Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Chairman – Nikolay N. Tsukanov, Doctor of Law, Ass. Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (on Research Work) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Yuliya V. Leont'yeva, Deputy Head of Scientific-Research and Editorial-Publishing Department, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Editorial Council Members:

Suren A. Avakyan – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Department of Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow) (on agreement);

Vladimir A. Adolf – Doctor of Education, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History and Siberian Higher Education Academy of Sciences, Full Member of Academy of Computerization of Education of the Russian Federation, Head of the Department of Pedagogics, Director of Institute of Physical culture, sport and health named after I.S. Yarygin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astaf'yev (Krasnoyarsk) (on agreement);

Vladimir A. Azarov – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky (Omsk) (on agreement);

Andrey S. Bakhta – Doctor of Law, Professor, Director of the Omsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Omsk) (on agreement);

Andrey V. Bezrukov – Doctor of Law, Ass. Professor, chief research officer of the Department for Study of Strategic Management Problems, the Scientific and Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow);

Sergey V. Grishaev – Doctor of Sociology, Full Member of Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Krasnoyarsk branch of the Academy of Labor and Social Relations (Krasnoyarsk) (on agreement);

Nikolay S. Zheleznyak – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Operational-Search Activity, Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Yuriy Yu. Komlev – Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology, Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Kazan) (on agreement);

Andrey A. Kondrashev – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law of the Law Institute of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk) (on agreement);

Andrey A. Kukhta – Doctor of Law (Krasnoyarsk) (on agreement);

Igor A. Medvedev – Head of the St. Petersburg Suvorov Military School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (St. Petersburg) (on agreement);

Andrey Ye. Chechyotin – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Operational-Search Activity of the Internal Affairs Bodies, Barnaul Law Institute of the MIA of Russia (Barnaul) (on agreement);

Vyacheslav B. Shabanov – Doctor of Law, Professor, Full Member of Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics, Belarusian State University (Minsk) (on agreement);

Alexander V. Shesler – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kuzbass University of Federal Service for the Execution of Sanctions of Russia (Novokuznetsk) (on agreement);

Irina V. Shishko – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Siberian Federal University (Krasnoyarsk) (on agreement).

Содержание

Теория и практика правоохранительной деятельности

<i>Железняк Н.С.</i> О законодательной регламентации оперативного поиска пропавшего без вести лица	9
<i>Зиненко Ю.В., Картавский П.А.</i> Основные проблемы формулирования вопросов при назначении комиссионных судебно-медицинских экспертиз	15
<i>Павлов А.В.</i> Обеспечение надлежащего поведения лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении	24
<i>Бабенко С.В.</i> К вопросу о соотношении функций прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства	32
<i>Свинов Д.В.</i> К вопросу об оперативно-розыскных функциях руководителя территориального органа внутренних дел	37
<i>Шеслер В.А., Шеслер А.В.</i> Развитие нормы об уголовной ответственности за хищение предметов, имеющих особую ценность	46
<i>Миронова Г.Н.</i> Уголовная ответственность арбитра (третейского судьи)	52

Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения

<i>Давыдов В.О.</i> К вопросу о механизме незаконного оборота наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	57
<i>Бельский А.Е.</i> Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего незаконные производство, сбыт или пересылку наркотиков с использованием своего служебного положения	63
<i>Еремеева А.Н.</i> Сравнительный анализ тактики расследования сбыта наркотических средств контактным и бесконтактным (посредством использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет) способами	72

Зарубежный опыт

<i>Майоров В.И., Дунаева О.Н.</i> Сравнительный анализ мер противодействия коррупции в России и Китае	78
<i>Рахимова Г.Н.</i> Проблемы исполнения уголовных наказаний за совершение уголовных проступков	85
<i>Толочко А.Н.</i> Количественные исследования в юридических науках	90

Взгляд. Размышления. Точка зрения

<i>Шкаплеров Ю.П.</i> Правовая регламентация проведения осмотра при расследовании уголовных дел в уставе уголовного судопроизводства Российской империи	99
<i>Молюков В.В.</i> Тенденции и зависимости показателей преступности Сибирского федерального округа в условиях изменения факторов развития общества	107
<i>Гостев А.Н., Петрова О.В.</i> Системные конфликтогены непрерывного обучения сотрудников полиции с применением дистанционных технологий: социолого-управленческий аспект	114
<i>Сафронов В.В.</i> Парадигма правового сознания гражданина	126
<i>Корсун К.И.</i> Система единой публичной власти в Российской Федерации: конституционное толкование и реальная практика	132

Чернова Е.Г. К вопросу о государственных гарантиях федеральных государственных гражданских служащих	137
Рахматулин З.Р. Принципы правоприменительного усмотрения при индивидуальном регулировании правоотношений, возникающих в связи с исполнением уголовных наказаний без изоляции осужденного от общества	147
Пономарева В.В. Двойное гражданство Российской Федерации и Республики Абхазия: проблемы доктринального толкования и правоприменения (по материалам судебной практики)	153
Титова Е.А., Тяпкин М.О. Пропаганда лесной политики РСФСР на страницах журнала «Леса республики» (1918-1919 гг.)	163

Дискуссионная трибуна соискателей ученых степеней и званий

Анохин Ю.В., Красилова Е.В. К вопросу о правозащитных полномочиях Президента Российской Федерации	171
Кот Е.А. Тактика следственных действий по делам, связанным с побуждением несовершеннолетних в сети Интернет к совершению самоубийства	178
Сороколетова Н.Э. Правовые основы оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов»	185
Мельников М.В. Объяснение как источник доказательства в стадии возбуждения уголовного дела: постановка проблемы	191

Contents

Theory and Practice of Law Enforcement Activity

<i>Zheleznyak N.S.</i> On the legislative regulation of the operational search for a missing person	9
<i>Zinenko Yu.V., Kartavsky P.A.</i> The main problems of the formulation of questions in the appointment of commission forensic examinations	15
<i>Pavlov A.V.</i> Ensuring the proper conduct of the person against whom the report of the crime is being checked	24
<i>Babenko S.V.</i> On the question of the correlation of the functions of the prosecutor at the pre-trial stage of criminal proceedings	32
<i>Svinov D.V.</i> On the issue of operational-search functions of the head of the territorial body of internal affairs	37
<i>Shesler V.A., Shesler A.V.</i> Development of the norm on criminal liability for theft of items of special value	46
<i>Mironova G.N.</i> Criminal liability of an arbitrator (arbitrator)	52

Counteraction to Drug Treat: Problems and Ways of their Solution

---

<i>Davydov V.O.</i> To the question of the illicit traffic mechanism narcotic drugs, psychotropic and potent substances committed using information and telecommunications technologies	57
<i>Belsky A.E.</i> Criminological characteristics of the criminal person who commits the illegal production, sale or transfer of drugs using his official position	63
<i>Eremeeva A.N.</i> Comparative analysis of the tactics of investigating the sale of narcotic drugs contact and contactless (through the use of the information and telecommunication network Internet) methods	72

Foreign Experience

<i>Mayorov V.I., Dunaeva O.N.</i> Comparative analysis of corruption against measures in Russia and China.....	78
<i>Rakhimova G.N.</i> Problems of execution of criminal penalties for committing criminal offenses	85
<i>Tolochko A.N.</i> Quantitative research in legal sciences	90

Views. Reflections

<i>Shkaplerov Yu.P.</i> Legal regulation of the use of observation in the investigation of criminal cases in the statute of criminal proceedings of the Russian empire	99
<i>Molokov V.V.</i> Trends and dependences of crime indicators of the Siberian federal district in the conditions of changing factors of society development	107
<i>Gostev A.N., Petrova O.V.</i> Systemic conflictogens of continuous training of police officers with the use of remote technologies: socio-managerial aspect	114
<i>Safronov V.V.</i> The paradigm of the legal awareness of a citizen	126
<i>Korsun K.I.</i> The system of unified public authority in the Russian Federation: constitutional interpretation and real practice	132
<i>Chernova E.G.</i> To the question of state guarantees of federal state civil employees	137
<i>Rakhmatulin Z.R.</i> Principles of law enforcement discretion in individual regulation of legal relations arising in connection with execution of criminal penalties without isolation of convicted person from society	147
<i>Ponomareva V.V.</i> Dual citizenship of the Russian Federation and the Republic of Abkhazia: problems of doctrinal interpretation and law enforcement (based on the materials of judicial practice)	153

<i>Titova E.A., Tyapkin M.O.</i> Propaganda of the forest policy of the RSFSR on the pages of the journal «Forests of the republic» (1918-1919)	163
--	-----

Discussion Forum for Competitors for Academic Degrees and Academic Ranks

---

<i>Anokhin Yu.V., Krasilova E.V.</i> On the question of the human research powers of the President of the Russian Federation	171
<i>Kot E.A.</i> Tactics of investigative actions in cases related to initiating minors on the Internet to commit suicide	178
<i>Sorokoletova N.E.</i> Legal framework of the operational-search activity «research of objects and documents» in the operational-search activities	185
<i>Melnikov M.V.</i> Explanation as a source of evidence at the stage of initiation of a criminal case: statement of the problem	191

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.102

DOI 10.51980/2542-1735_2021_3_9

Николай Семенович ЖЕЛЕЗНЯК,

профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

zhns21@mail.ru

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОПЕРАТИВНОГО ПОИСКА ПРОПАВШЕГО БЕЗ ВЕСТИ ЛИЦА

ABOUT LEGISLATIVE REGULATION OPERATIONAL SEARCH FOR A MISSING PERSON

В статье рассматривается целесообразность введения в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» новой редакции статьи, регуливающей вопросы оперативного поиска без вести пропавших лиц. В связи с этим сопоставляются и исследуются предписания различных законодательных актов, отмечаются выявленные недостатки и возникающие в связи с этим проблемы, предлагается оптимальный вариант выхода из сложившегося положения, формулируется отредактированная автором норма.

The article considers the expediency of introducing a new version of the article regulating the issues of operational search for missing persons into the Federal Law «On Operational Search Activities». In this regard, the prescriptions of various legislative acts are compared and investigated, the identified shortcomings and problems arising in this regard are noted, the optimal way out of the current situation is proposed, the norm edited by the author is formulated.

Ключевые слова: закон, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, снятие информации с технических каналов связи, оперативный поиск, без вести пропавшие, несовершеннолетние.

Keywords: the law, operational search activity, operational search event, removal of information from technical communication channels, operational search, missing persons, minors.

Два года назад в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) была введена новая норма (ч. 7 ст. 8), согласно которой «в случае получения сообщения о без вести пропавшем¹ несовершеннолетнем и при наличии письменного согласия одного из родителей

несовершеннолетнего или лиц, их заменяющих, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, вынесенного в течение 24 часов с момента поступления сообщения о без вести пропавшем несовершеннолетнем, допуска-

1 Подробно о розыске без вести пропавших [2].

ется получение информации о соединениях абонентского устройства, находящегося у несовершеннолетнего, с иными абонентами и (или) их абонентскими устройствами, иным оборудованием, а также о местоположении данного абонентского устройства путем снятия информации с технических каналов связи с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов. В течение 48 часов с момента начала проведения оперативно-розыскного мероприятия орган, его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого оперативно-розыскного мероприятия либо прекратить его проведение»².

По своей форме рассматриваемое положение весьма напоминает предписание, закрепленное в ч. 3 ст. 8 ФЗ об ОРД, сформулированное следующим образом: «В случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, допускается проведение оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных частью второй настоящей статьи, с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов. В течение 48 часов с момента начала проведения оперативно-розыскного мероприятия орган, его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого оперативно-розыскного мероприятия либо прекратить его проведение».

Вместе с тем между ними имеются и отличия. Ниже мы будем сравнивать новое положение с нормой, содержащейся в ч. 3 ст. 8 ФЗ об ОРД, для краткости обозначив их соответственно аббревиатурами НП-7 и ИП-3³. Как мы увидим далее, без такого сопостав-

ления вряд ли представляется возможным понимание сопряженности анализируемого положения с предметом настоящего исследования.

Во-первых, НП-7 было обращено исключительно на поиск без вести пропавших несовершеннолетних, тогда как ИП-3 ориентировано на предотвращение тяжкого или особо тяжкого преступления или минимизацию угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Во-вторых, в НП-7 упомянуты два условия, позволяющие осуществить указанные в предписании действия: наличие сообщения о без вести пропавшем несовершеннолетнем и письменного согласия одного из его родителей или лиц, их заменяющих, тогда как в ИП-3 содержатся также два, но иных условия: возникновение случаев, не терпящих отлагательства и могущих привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также наличие данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации.

Первый вопрос, возникающий после ознакомления с предписанием, можно сформулировать следующим образом: зачем необходимо получать судебное разрешение на ограничение одного из прав несовершеннолетнего, если на это дали письменное согласие родители, которые в соответствии с ч. 1 ст. 64 Семейного кодекса РФ «являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий»? На наш взгляд, положение ст. 56 СК РФ: «Защита прав и законных интересов ребенка осуществляется родителями (лицами, их заменяющими)», хотя это прямо не указано в законе, означает возможность ограничения указанными лицами или с их письменного согласия компетентными органами некоторых прав ребенка с целью реализации его права на защиту (жизни,

2 О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Федеральный закон от 02.08.2019 N 311-ФЗ.

3 НП-7 – новое предписание, помещенное в ч. 7 ст. 8, ИП-3 – предписание, имеющееся в ч. 3 ст. 8 ФЗ об ОРД.

здоровья и т.п.). Оппоненты могут возразить против этого тезиса, аргументируя свою позицию содержанием предписания ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, в соответствии с которым «Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения». Вместе с тем в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ отмечается, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Таким образом, ответ на поставленный нами вопрос нормодателем не сформулирован.

Вторая проблема – определение сущности заменяющих родителей лиц (дословно – заменяющих их лиц), упомянутых в исследуемом предписании.

Поиск данного словосочетания в нормативной правовой материи позволяет судить, что в Конституции РФ оно упоминается единожды (наряду с родителями применительно к обеспечению получения детьми основного общего образования – ст. 43). Неоднократно встречается рассматриваемое понятие в СК РФ. Наиболее близка в этом контексте норма ч. 1 ст. 56 «Право ребенка на защиту», согласно которой «защита прав и законных интересов ребенка осуществляется родителями (лицами, их заменяющими), а в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, органом опеки и попечительства, прокурором и судом». Третьи эта идиома фиксируется в ст. 134, 135 и 142 УИК РФ.

К сожалению, в иных законодательных актах она не присутствует. Более того, ни в одном нормативном правовом документе такого уровня не разъясняется содержание этого выражения, а это является уже правовой проблемой, поскольку при возникновении указанных выше условий и при отсутствии одного или обоих родителей определить лицо, их заменяющее, правомочное давать письменное согласие на содержащиеся в предписании действия оперативного подразделения, достаточно проблематично. В связи с этим возникает ряд вопросов: является ли таким лицом, например, тетя без вести пропавшего ребенка, во время каникул проживавшего в другом городе с ней? может ли давать письменное согласие на осуществление указанных действий воспитатель стационарной группы детского сада, вожатый в лагере отдыха⁴, педагог, руководящий коллективом несовершеннолетних, пошедших в поход или уехавших в туристическое турне, тренер находящейся на выезде молодежной спортивной команды, врач стационара лечебного заведения?⁵ Этот список можно было бы продолжать, но и отмеченного вполне достаточно для вывода о небезупречности предложенной в норме закона формулировки.

Отсутствие в законе четкого описания предмета вызывает необходимость обратиться к решениям высших судов Российской Федерации. Так, в п. 14 Пленума Верховного Суда РФ⁶ содержатся следующие разъяснения: «Не могут быть лишены родительских прав лица, заменяющие ребенку родителей (усыновители, опекуны, попечители, приемные родители, патронатные воспитатели).

Таким образом, выражение «лица, их (родителей – Н.Ж.) заменяющие» к таковым от-

4 Исследование типового договора об организации отдыха и оздоровления ребенка позволило обнаружить в нем обязанность исполнителя «обеспечить безопасность жизни и здоровья ребенка во время его пребывания» в детском оздоровительном лагере и его «ответственность за пребывание ребенка в организации, его жизнь и здоровье в соответствии с законодательством Российской Федерации».

5 Пилотный опрос преподавателей семейного и гражданского права о наличии или отсутствии нормативных документов, регламентирующих указанные отношения, положительных результатов не принес.

6 О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 N 44.

носит усыновителей, опекунов, попечителей, приемных родителей, патронатных воспитателей⁷, а поэтому вопросы, сформулированные нами в этой части работы, к сожалению, остались без ответа.

Вероятно, следовало бы в представленную в ФЗ об ОРД норму внести дополнение о возможности причисления к указанным категориям субъектов - инициаторов временного ограничения прав человека, отраженных в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, лиц, несущих ответственность за жизнь и здоровье ребенка в период временного отсутствия его связи с родителями и лицами, их заменяющими. Однако стоит ли в принципе посторонним людям давать такую возможность?⁸

Иной путь решения этой проблемы (и, по нашему мнению, наиболее продуктивный) вытекает из положения ч. 4 ст. 16 ФЗ об ОРД, согласно которому «при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств *допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность* (здесь и далее курсивом выделяются наиболее значимые фразы и словосочетания – Н.Ж.), либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга».

Применительно к исследуемой норме это положение оперативно-розыскного закона, на наш взгляд, ради защиты жизни и здоровья

ребенка позволяет при отсутствии в данный момент возможности контакта с уполномоченными этим законом фигурантами (родителями и лицами, их заменяющими) начать ОРМ «Снятие информации с технических каналов связи» на основании постановления руководителя органа, уполномоченного на осуществление ОРД, с последующим получением соответствующего судебного решения⁹.

В-третьих, НП-7 ориентировано на проведение лишь одного ОРМ «Снятие информации с технических каналов связи», включающего в себя в данном случае получение сведений о соединениях абонентского устройства¹⁰, находящегося у несовершеннолетнего, с иными абонентами и (или) их абонентскими устройствами, иным оборудованием, а также о местоположении данного абонентского устройства. Напротив, ИП-3 охватывает осуществление любых ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан¹¹.

В-четвертых, в НП-7 основанием для осуществления рассматриваемых действий выступает сообщение о без вести пропавшем несовершеннолетнем, тогда как ИП-3 регламентирует проведение ОРМ при наличии информации (в интересующем нас контексте) о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно, и причастных к нему лиц.

В-пятых, в соответствии с НП-7 проведение ОРМ «Снятие информации с технических каналов связи» возможно без судебного ре-

7 Патронат – одна из разновидностей возмездной опеки над несовершеннолетним в России в соответствии с п. 1 ст. 14 Федерального закона от 24.04.2008 N 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве». Этот вид опеки устанавливается региональным законодательством и сейчас существует в ряде регионов России как форма семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, при которой ребенок помещается на воспитание в семью патронатного воспитателя на возмездную опеку с заключением специального договора. Патронатный воспитатель является опекуном ребенка, то есть его законным представителем.

8 Вместе с тем мы передаем им наших детей, лелея надежду, что с ними ничего не случится.

9 Нечто подобное упоминали отдельные авторы. См., например, [1].

10 На самом деле это не совсем так, поскольку получить сведения о соединениях абонентского устройства можно и иным путем – например, проведением ОРМ «наведение справок».

11 Проведение оперативно-розыскных мероприятий (включая получение компьютерной информации), которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища.

шения с уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов и последующим получением такого решения в течение 48 часов с момента начала проведения ОРМ. Аналогичная процедура содержится и ИП-3. Вместе с тем если в ИП-3 речь идет просто о вынесении соответствующего постановления руководителем органа, осуществляющего ОРД, то в НП-7 представлен временной период (24 часа), в который это постановление должно быть вынесено. В связи с этим возникает закономерный вопрос: можно ли будет вынести такое постановление по миновании 24 часов, например, на 25 часу или 26 часу с момента поступления сообщения о без вести пропавшем?¹² А если нельзя, то это реально может привести к нормативно закреплённой негативной ситуации, в которой оперативные подразделения не смогут использовать максимально доступные средства для обнаружения пропавшего и, возможно, нуждающегося в неотложной помощи лица.

Предложенные выше размышления позволяют сделать некоторые выводы.

1. Включение в ст. 8 ФЗ об ОРД предписания, описывающего возможность проведения отдельных элементов ОРМ «Снятие информации с технических каналов связи» и процедуру получения на это разрешения в случае поступления сообщения о без вести пропавшем несовершеннолетнем, представляется социально значимым и тактически оправданным.

2. Имеющиеся в анализируемой формулировке и отмеченные нами недостатки нуждаются в дополнительном исследовании и более глубокой правовой оценке.

В связи с этим следует отметить, что мы достаточно часто и, на наш взгляд, заслуженно критикуем законодательную власть за несвоевременное и некачественное нормотворчество. Но ведь существуют и исключения из этого правила. Так, через два года после принятия прежнего варианта рассматриваемого положения (видимо, с учетом возникающих

правоприменительных проблем) принята его новая редакция¹³, сформулированная следующим образом: «В случае получения сообщения о без вести пропавшем лице на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, вынесенного в течение 24 часов с момента поступления сообщения о без вести пропавшем лице, допускается получение информации о соединениях абонентского устройства, находящегося у без вести пропавшего лица, с иными абонентами и (или) их абонентскими устройствами, иным оборудованием, а также о местоположении данного абонентского устройства путем снятия информации с технических каналов связи с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов. При получении сообщения о без вести пропавшем несовершеннолетнем либо лице, признанном в установленном законом порядке недееспособным или ограниченно дееспособным, получение соответствующей информации осуществляется при наличии письменного согласия законного представителя такого без вести пропавшего лица. В течение 48 часов с момента начала проведения оперативно-розыскного мероприятия орган, его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого оперативно-розыскного мероприятия либо прекратить его проведение».

Краткий анализ предписания вызывает двойное впечатление. С одной стороны, законодатель, помимо несовершеннолетних, распространил норму и на иных пропавших лиц, что, безусловно, является значительным шагом вперед в решении одной из задач ОРД и формально минимизирует возможные тяжкие последствия факта пропажи без вести. С другой – он оставил без изменения критикованное нами выше положение, согласно которому «при получении сообщения о без вести пропавшем несовершеннолетнем либо лице, признанном в установленном законом

¹² Конечно же, речь идет о ситуации, связанной с отсутствием на месте судьи, полномочного на выдачу соответствующего разрешения (допустим, выходные или праздничные дни в муниципальном образовании, расположенном в малонаселенной местности).

¹³ О внесении изменения в статью 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Федеральный закон от 01.07.2021 N 252-ФЗ.

порядке недееспособным или ограниченно дееспособным, получение соответствующей информации осуществляется при наличии письменного согласия законного представителя такого без вести пропавшего лица».

Представленная выше характеристика законодательной новеллы позволяет сформулировать некоторые идеи, имеющие прямое отношение к предмету нашего исследования¹⁴. В частности, следовало бы предложить новую редакцию ч. 7 ст. 8 ФЗ об ОРД: «В случае получения сообщения о без вести пропавшем по решению одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, на основании его мотивированного постановления допускается получение информации о соединениях абонентского устройства, находящегося у

пропавшего без вести, с иными абонентами и (или) их абонентскими устройствами, иным оборудованием, а также о местоположении данного абонентского устройства путем снятия информации с технических каналов связи, обследование последнего места его пребывания (жилища) с обязательным уведомлением об этом суда (судьи) в течение 24 часов. В течение 48 часов с момента начала проведения оперативно-розыскного мероприятия орган, его осуществляющий, обязан получить соответствующее судебное решение либо прекратить его проведение».

Такой подход независимо от желания субъектов инициации розыска без вести пропавших уже в обозримом будущем позволил бы обеспечивать максимально возможную защиту рассматриваемых лиц.

14 Кстати, отдельные авторы в целом поддерживают нашу позицию. См., например, [3].

Библиографический список

1. Буряков, Е.В. Организационные и правовые вопросы раскрытия преступлений по фактам безвестного исчезновения Е.В. Буряков // Алтайский юридический вестник. – 2019. – N 1(25). – С. 97-100.
2. Буряков, Е.В. Розыскная деятельность оперативных подразделений полиции : дис. ... докт. юрид. наук / Е.В. Буряков. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2020.
3. Лузько, Д.Н. Розыск военнослужащих, уклоняющихся от прохождения военной службы: правовые и практические аспекты / Д.Н. Лузько // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – N 2 (14). – С. 138-144.

Юлия Васильевна ЗИНЕНКО,

доцент кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), кандидат медицинских наук

afrodita0601@mail.ru

Павел Анатольевич КАРТАВСКИЙ,

преподаватель кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)

kartavskiy69@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ КОМИССИОННЫХ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

THE MAIN PROBLEMS OF THE FORMULATION OF QUESTIONS IN THE APPOINTMENT OF COMMISSION FORENSIC EXAMINATIONS

Авторами изучены постановления следователей и материалы отдела сложных экспертиз Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы за 2016-2020 гг. по уголовным делам в части оценки вопросов, задаваемых следователями при назначении комиссионных судебно-медицинских экспертиз (СМЭ). Зачастую следователи назначают комиссионные СМЭ по вопросам, не входящим в компетенцию судебно-медицинского эксперта и экспертного учреждения в целом. Рассмотрены проблемы формулировки вопросов на комиссионные СМЭ, предложены пути решения выявленных проблем.

The authors studied the decisions of the investigators and the materials of the department of complex examinations of the KGBUZ of the Krasnoyarsk Regional Bureau of Forensic Medical Examination for 2016-2020 in criminal cases in terms of evaluating the questions asked by the investigators when appointing the commission of the CME. Often, the investigators appoint a commission of the CME on issues that are not within the competence of the forensic medical expert, and the expert institution as a whole. Thus, issues of the quality of medical care are the competence of the administration of the health care facility, the TFOMS, and Roszdravnadzor. The problems of the formulation of questions on the commission SME are considered and the ways of solving these problems are proposed.

Ключевые слова: постановление, компетенция эксперта, заключение эксперта, комиссионная судебно-медицинская экспертиза, экспертиза качества медицинской помощи.

Keywords: resolution, expert's competence, commission forensic medical examination, expert opinion, examination of the quality of medical care.

В последние годы возрастает количество проводимых сложных многообъектных комплексных судебных экспертиз [5, с. 86; 6, с. 85].

Судебно-медицинская экспертиза (СМЭ) – мощный инструмент сбора и закрепления доказательств по делу [4, с. 112]. Правильная

организация экспертного сопровождения обеспечивает полноту, качество и эффективность предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел [5, с. 86].

От умения следователя правильно поставить вопросы в постановлении, от четкости

их логических предпосылок зависят в конечном итоге выводы, которые смогут научно обоснованно сформулировать врачи судебно-медицинские эксперты.

Причинами необоснованной постановки судебно-медицинским экспертам некорректных вопросов и вопросов, не относящихся к их компетенции, являются недостаточные знания следователями Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и других нормативных документов, регламентирующих деятельность специалистов в области судебной медицины и здравоохранения.

Статья 58 указанного закона предусматривает следующее. «1. Медицинской экспертизой является проводимое в установленном порядке исследование, направленное на установление состояния здоровья гражданина, в целях определения его способности осуществлять трудовую или иную деятельность, а также установления причинно-следственной связи между воздействием каких-либо событий, факторов и состоянием здоровья гражданина.

2. В Российской Федерации проводятся следующие виды медицинских экспертиз:

- 1) экспертиза временной нетрудоспособности;
- 2) медико-социальная экспертиза;
- 3) военно-врачебная экспертиза;
- 4) судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы;
- 5) экспертиза профессиональной пригодности и экспертиза связи заболевания с профессией;
- 6) экспертиза качества медицинской помощи.

3. Граждане имеют право на проведение независимой медицинской экспертизы в порядке и в случаях, которые установлены положением о независимой медицинской экспертизе, утверждаемым Правительством Российской Федерации».

Комиссионная судебно-медицинская экспертиза – это разновидность медицинских

экспертиз по исследованию трупов, живых лиц, вещественных доказательств, иных материальных объектов, а также материалов уголовного дела. От других видов экспертиз отличается тем, что проводится только региональными ГБУЗ БСМЭ¹, либо ФГБУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения» и соответствующими специализированными подразделениями Министерства обороны Российской Федерации. Остальные виды медицинских экспертиз проводятся в иных учреждениях.

Комиссионные судебно-медицинские экспертизы по вопросам, не входящим в компетенцию судебно-медицинского эксперта, по нашему мнению, могут быть назначены и проведены для выяснения вопросов, которые не разрешены при проведении иных видов первоначальных экспертиз по установлению причинно-следственных связей между деяниями проверяемых лиц и наступившими уголовно наказуемыми последствиями. В данной ситуации материалы, полученные в ходе проведения иных видов первоначальных экспертиз, должны быть предоставлены комиссии судебно-медицинских экспертов для установления причинно-следственной связи «воздействия каких-либо событий, факторов и состояния здоровья гражданина».

В последние годы проблема качественно оказанной медицинской помощи не утратила актуальности, притягивает к себе повышенное внимание общественности. Сохраняется направленность ежегодного значительного роста обращений граждан, недовольных качеством оказанной медицинской помощи, в правоохранительные органы [подр.: 8, с. 120].

Как следствие этого отмечается тенденция к росту судебно-медицинских экспертиз, проводимых по делам о профессиональных нарушениях медицинских работников по материалам уголовных и гражданских дел [3, с. 1; 9, с. 227]. Такая ситуация объясняется активной позицией судебных и следственных органов (проведение плановых проверок в случаях летальных исходов в медицинских

1 Государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Бюро судебно-медицинской экспертизы».

учреждениях), а также активностью населения, повышением ответственности медицинских работников за ненадлежащее оказание медицинской помощи и жалобами граждан в следственные органы [1, с. 18].

Данная тенденция характерна для Красноярского края и видна в соотношении об-

щего количества проведенных комиссионных СМЭ и количества проведенных СМЭ по вопросам оценки ненадлежащего оказания медицинской помощи за 2016-2020 гг. в отделе сложных экспертиз Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы (ККБСМЭ) (рис.).

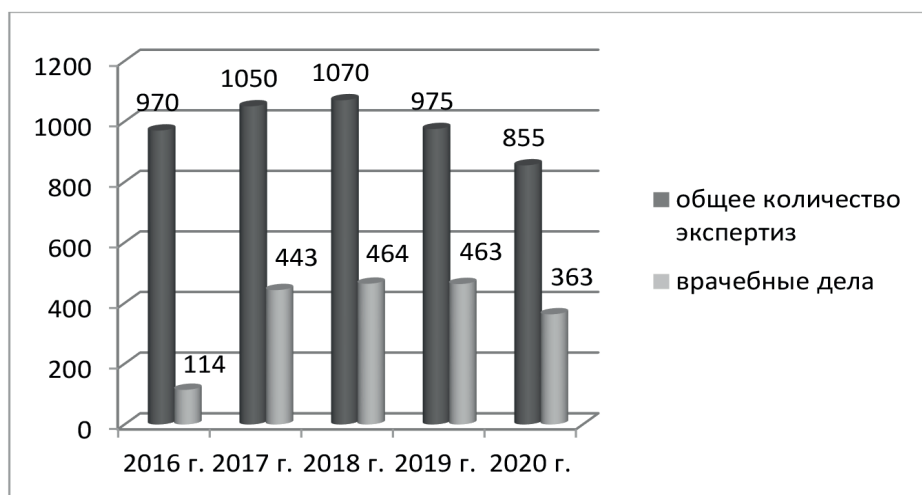

Рисунок. Соотношение общего количества проведенных комиссионных СМЭ и количества проведенных СМЭ по вопросам оценки ненадлежащего оказания медицинской помощи за 2016-2020 гг. в отделе сложных экспертиз Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы

По нашему мнению, данная тенденция связана с научно не обоснованной организацией работы следователей, назначающих данный вид СМЭ. Нами были проанализированы годовые отчеты ККБСМЭ, архивные материалы отдела сложных экспертиз ККБСМЭ, в том числе постановления о назначении комиссионных судебно-медицинских экспертиз, за период 2016-2020 гг. Зачастую следователями ставятся некорректные вопросы о стандартах оказанной медицинской помощи (услуги). Между тем стандарт является документом, который используется организаторами здравоохранения для планирования и экономических расчетов.

Отдел сложных экспертиз является одним из самых важных структурных подразделений ККБСМЭ. В нем проводится комплекс-

ный вид экспертиз, в которых участвуют несколько экспертов, проводятся несколько видов исследований, разрешаются наиболее сложные вопросы, пристальное внимание уделяется вопросам оценки ненадлежащего оказания медицинской помощи и установлению причинно-следственных связей между деяниями проверяемых на причастность к совершению преступлений лиц и наступлением преступных последствий.

Из рисунка следует, что в отделе сложных экспертиз ККБСМЭ ежегодно проводятся около 1 тысячи комиссионных СМЭ. По наблюдениям начальника ККБСМЭ А.В. Донского, ни в одном регионе Сибирского федерального округа не проводится такое огромное количество комиссионных СМЭ². Анализ постановлений о назначении

2 Из доклада начальника КГБУЗ ККБСМЭ А.В. Донского в 2019 году на заседании профильной комиссии Экспертного совета в сфере здравоохранения Министерства здравоохранения Российской Федерации по специальности «Судебно-медицинская экспертиза» в Российском центре судебно-медицинской экспертизы Минздрава России.

комиссионных судебно-медицинских экспертиз за 2016-2020 гг. указывает, что у следователей очень часто возникают сложности с формулированием вопросов, которые необходимо поставить перед экспертом.

Анализ вопросов, сформулированных следователями в постановлении о назначении комиссионных СМЭ в отдел сложных экспертиз ККБСМЭ, позволил разделить их на две категории:

1) следователем неверно выбрано экспертное учреждение (вопросы не входят в компетенцию экспертного учреждения ККБСМЭ);

2) экспертное учреждение следователем выбрано верно, но сформулированные следователем вопросы не входят в компетенцию врача судебно-медицинского эксперта.

В первую категорию вопросов, которые не входят в компетенцию экспертного учреждения (ККБСМЭ), вошли следующие:

1) вопросы «о качестве и безопасности медицинской помощи (медицинской услуги), об исполнении нормативных документов лечащими врачами, возможностях лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ) [подр.: 2, с. 42];

2) вопросы о наличии у подозреваемого или потерпевшего психического заболевания, о вменяемости и т.д. Это компетенция судебно-психиатрической экспертизы, которая проводится в других экспертных учреждениях;

3) вопросы профессиональной пригодности и связи заболевания с профессией. Экспертиза проводится врачебной комиссией медицинской организации с привлечением врачей-специалистов по результатам предварительных и периодических медицинских осмотров. По результатам экспертизы профессиональной пригодности врачебная комиссия выносит медицинское заключение о пригодности или непригодности работника к выполнению отдельных видов работ;

4) вопросы по утрате профессиональной трудоспособности (это компетенция медико-социальной экспертной комиссии);

5) вопросы по состоянию здоровья осужденных для освобождения от наказания.

В данном случае назначение СМЭ вообще не требуется, так как вопрос решается проведением освидетельствования комиссией Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний.

Кроме этого следует отметить необоснованную постановку вопросов, которые не требуют специальных познаний для их разрешения.

Примеров некорректной постановки вопросов, сформулированных следователем, множество, рассмотрим некоторые из них более подробно.

«Кем конкретно из медицинских работников допущены действия или бездействия, повлекшие ненадлежащее оказание медицинской помощи?». Эксперт не может устанавливать конкретное лицо – это не его компетенция. «Конкретного работника» может установить только следователь, суд или администрация ЛПУ.

«Какие действия должен был предпринять медицинский работник на каждом этапе оказания медицинской помощи?» Это вопрос для допроса организатора здравоохранения – непосредственного руководителя лечащего врача. Следователям рекомендуется перед назначением комиссионной СМЭ затребовать результаты экспертизы качества медицинской помощи (ЭКМП) фонда обязательного медицинского страхования (ФОМС), администрации ЛПУ или Росздравнадзора – результаты разбора клинического случая и акт или протокол внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности администрации ЛПУ; допросить руководителей ЛПУ, у которых выяснить, какие действия должен был предпринять лечащий врач. А затем предоставить собранные материалы комиссии экспертов. Подчеркнем, что приказы Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. N 785н «Об утверждении требований к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности» и от 10 мая 2017 г. N 203н «Критерии оценки качества медицинской помощи» регулируют все необходимые обследования и объем лечения.

К этой же категории вопросов можно отнести следующие:

– «Обладал ли лечащий врач достаточной профессиональной квалификацией для лечения заболевания, имевшегося у потерпевшего?». Считаем, что квалификацию врача определяет квалификационная комиссия;

– «Могло ли применение конкретного лекарственного препарата привести к смерти потерпевшего, предотвратить наступление осложнений?». Нет научно обоснованных методик оценки предположений;

– «Могло ли назначение надлежащих антибиотиков предотвратить летальный исход, причинение вреда здоровью потерпевшего?». На сегодняшний день отсутствуют научно обоснованные методики, позволяющие оценить предполагаемые последствия не произошедших событий. Подобные вопросы можно задать специалисту, но не эксперту;

– «Должен ли был лечащий врач установить врожденные особенности пациента, последствия прививок перед проведением операции?». Все что должен врач – написано в его должностной инструкции или трудовом договоре. Вопрос можно сформулировать следующим образом: «Какие индивидуальные особенности организма (аллергические реакции, перенесенные заболевания, врожденная патология) не были учтены лечащим врачом, но оказали влияние на исход оперативного вмешательства?»;

– «Правильной ли была тактика лечения пациента? Если нет, то в чем именно, и состоит ли ее нарушение в прямой причинно-следственной связи с причинением вреда здоровью потерпевшего?». Целесообразно сформулировать вопрос следующим образом: «Имеется ли прямая причинно-следственная связь между ненадлежащим оказанием медицинской помощи, нарушениями или недостатками, допущенными в ходе ее оказания, и наступлением неблагоприятного исхода?». Тактика избирается лечащим врачом в соответствии с его знаниями и умениями, т.е. врачи разного уровня будут избирать разную тактику ведения одного и того же пациента;

– «Соответствовало ли оказание медицинской помощи требованиям качества и безо-

пасности, стандартам оказания медицинской помощи?». Стандарты – это технологические карты, разработанные на основе клинических рекомендаций, представляющие собой перечень услуг, лекарств, медицинских изделий и других компонентов лечения, которые могут использоваться при конкретном заболевании. Стандарты не могут использоваться лечащим врачом: это документы, используемые организаторами здравоохранения для планирования и экономических расчетов, в частности при подготовке программы государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи. Установление соответствия оказанной медицинской помощи стандартам является медико-экономическим контролем качества медицинской помощи и осуществляется в рамках экспертизы качества оказания медицинской помощи (Федеральные законы «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», от 29 ноября 2010 г. N 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»; письмо Министерства здравоохранения РФ от 30 апреля 2013 г. N 13-2/10/2-3113 «О применении стандартов и порядков оказания медицинской помощи»; приказ МЗ РФ «Об утверждении требований к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности», в соответствии с которым контроль качества и безопасности медицинской помощи возлагается на руководителя медицинской организации). Данные вопросы не входят в компетенцию судебно-медицинской экспертной комиссии.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать выводы, что вопросы, напрямую не относящиеся к компетенции судебно-медицинских экспертов, ставятся следователями часто для выяснения различных обстоятельств, имеющих значение для принятия законного и обоснованного решения по уголовному делу. Эксперт вправе на них ответить, поскольку они относятся к области специальных медицинских знаний. Некорректный вопрос эксперт вправе интерпретировать на основе специальных знаний, которыми он обладает. Вопросы, явно выходящие за пределы его

компетенции, эксперт вправе оставить без ответа.

Производство комиссионной судебной экспертизы регламентировано в ст. 200 УПК РФ и в ст. 21, 22 Федерального закона от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ ГСЭД). Комиссионная СМЭ имеет следующие особенности: она производится не менее чем двумя экспертами одной специальности (ст. 200 УПК, ст. 21 ФЗ ГСЭД); каждый из них проводит исследования в полном объеме, и они совместно анализируют полученные результаты (ст. 22 ФЗ ГСЭД).

В соответствии со ст. 64 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и приказом Министерства здравоохранения РФ от 16 мая 2017 г. N 226н экспертиза качества медицинской помощи проводится аттестованными экспертами, привлекаемыми Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения или территориальным Фондом обязательного медицинского страхования. ГБУЗ БСМЭ не является подразделением Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения, не имеет в штате аттестованных экспертов соответствующего профиля, соответственно, ответ на вопрос о качестве оказания медицинской помощи не входит в компетенцию судебно-медицинской экспертизы.

В соответствии с приказом Министерства здравоохранения РФ «Об утверждении требований к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности» ответственность за контроль качества и безопасность медицинской помощи возлагается на руководителя медицинской организации (главного врача больницы). Вопросы возможностей различного уровня медицинских учреждений в лечении, диагностике заболеваний, их оснащенности и укомплектованности персоналом – это компетенция Росздравнадзора (органа, выдающего лицензию на тот или иной вид деятельности). Вопросы возможностей того или иного специалиста проводить диагностику и лечение конкретного пациента или заболева-

ния находятся в компетенции аттестационной комиссии. Полагаем, что если медицинская помощь оказана в рамках ОМС – ее качество оценивает ФОМС; если медицинская услуга оказана по договору – Росздравнадзор; деятельность ЛПУ при неблагоприятных исходах, осложнениях и т.д. оценивают администрация ЛПУ, ФОМС, Росздравнадзор.

Рассмотрим подробно вторую категорию вопросов, когда экспертное учреждение выбрано следователем верно, но сформулированные вопросы не входят в компетенцию судебно-медицинского эксперта. Некомпетентно формулировать вопросы, имеющие юридический, правовой характер, например о неизгладимом обезображивании лица, что не входит в компетенцию судебно-медицинского эксперта (это компетенция следователя и суда). Судебно-медицинский эксперт в данном случае решает только вопрос об изгладимости или неизгладимости повреждения.

Не должны формулироваться вопросы определения условий возникновения повреждений: «Мог ли Н. получить кровоподтек в заушной области при падении на бетонный пол лестничной площадки подъезда или при ударе кулаком в область головы сзади?». Определение тех или иных условий не входит в компетенцию судебно-медицинского эксперта, устанавливается органами следствия по данным ситуационных исследований (экспертиз), которые проводятся в совокупности с другими следственными действиями (осмотрами, допросами, проверкой показаний на месте, следственными экспериментами и др.).

В компетенцию судебно-медицинского эксперта не входят вопросы бытового характера: «С какой силой нанесен удар – малой, большой?». Ответ эксперта будет однозначным и не информативным для следователя: «с достаточной для образования обнаруженных повреждений силой».

В ряде случаев имеет место некорректная формулировка вопросов: «При каких обстоятельствах возможно причинение повреждений?» – то есть следователь предлагает эксперту придумать и перечислить все возможные ситуации, при которых возможно получить все возможные повреждения. В

данном случае вопрос должен быть сформулирован следующим образом: «При таких-то (конкретных) обстоятельствах возможно получение такого-то (конкретного) повреждения?». В материалах дел встречаются по 2-3 и более версий произошедших событий, поэтому вопрос должен быть максимально конкретизирован: какие именно повреждения и при каких именно обстоятельствах. Если следователь не конкретизировал вопрос, ответ судебно-медицинского эксперта может звучать так: «в компетенцию судебно-медицинского эксперта не входит определение возможности возникновения повреждения при тех или иных обстоятельствах».

Нередко следователем формулируются вопросы, на которые невозможно ответить, так как в деле отсутствуют необходимые материалы. Например, на вопрос: «Какие нормативные документы (приказы, рекомендации и т.д.) нарушены при оказании медицинской помощи?» ответить не представляется возможным, так как следователем в распоряжение эксперта не предоставлены нормативные документы, которыми руководствовался лечащий врач и нормативные документы ЛПУ, которые регулируют деятельность лечащего врача. В ст. 16 ФЗ ГСЭД указано: «Эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы». А ст. 19 устанавливает, что «лица, назначившие судебную экспертизу, представляют объекты исследований и материалы дела, необходимые для проведения исследований и дачи заключения эксперта».

К этой же группе относятся вопросы о возможности избежать смерти при оказании медицинской помощи в другом ЛПУ или другим врачом, то есть эксперту предлагается оценить ненаступивший исход в зависимости от событий, которые не происходили.

Разделяя мнение ученых, считаем, что «формирование логически правильных вопросов при назначении комиссионных судебно-медицинских экспертиз требует дальнейшего изучения и совершенствования, что имеет важное значение для практической работы следователей, судей, экспертов, адвокатов» [6, с. 109].

До 2018 г. наблюдался стабильный рост количества производства комиссионных СМЭ в отделе сложных экспертиз ККБСМЭ. В 2019-2020 гг. руководителям ККБСМЭ удалось незначительно уменьшить общее количество их производства (рис.). Это было вызвано объективной необходимостью.

Во-первых, от должностных лиц, назначающих повторные СМЭ (в рамках ч. 2. ст. 207 УПК РФ), стали требовать указывать основания для их назначения. Зачастую назначались комиссионные СМЭ для «подтверждения ранее сделанных выводов» по требованию прокурора и иных заинтересованных участников уголовного процесса при отсутствии противоречий в первичной экспертизе.

Во-вторых, часть назначаемых комиссионных СМЭ в отдел сложных экспертиз ККБСМЭ были направлены для их производства в районные подразделения ККБСМЭ, так как их производство не требовало привлечения узких специалистов, состоящих в штате ККБСМЭ, и СМЭ могла быть проведена комиссионно экспертами районных отделений. Так, руководителем ККБСМЭ принято решение часть комиссионных экспертиз поручить экспертам Лесосибирского и Ачинского межрайонных судебно-медицинских отделений.

Несмотря на то, что в 2019-2020 гг. виден незначительный спад общего количества производства комиссионных СМЭ в отделе сложных экспертиз ККБСМЭ, на общей картине для г. Красноярска это по-прежнему огромные цифры, что требует разработки комплексных решений по дальнейшему уменьшению общего количества производства комиссионных СМЭ до цифр, положенных по нормам.

По нашим наблюдениям, большое количество комиссионных СМЭ проводится по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи – 42,5-47,5% от общего количества производства СМЭ в ККБСМЭ (рис.). Полагаем, что вопросы о качестве и безопасности медицинской помощи (медицинской услуги) не входят в компетенцию ККБСМЭ, а являются компетенцией администрации ЛПУ, ФОМС, Росздравнадзора, поэтому в

ККБСМЭ проводиться не должны. Данное обстоятельство приводит к неоправданному увеличению нагрузки на экспертов отдела, к снижению качества экспертиз и колоссальным финансовым затратам ККБСМЭ, к увеличению сроков исполнения комиссионных СМЭ и, самое главное, к необоснованному использованию интеллектуальных ресурсов и знаний высококвалифицированных врачей экспертных комиссий ККБСМЭ.

Необходимость их проведения обусловлена тем, что в иных экспертных учреждениях отсутствует штат специалистов, которые обладают надлежащими системными знаниями в области медицинской экспертной деятельности. Сотрудники ККБСМЭ необходимыми знаниями обладают.

Отметим, что вопросы, которые относятся к компетенции судебно-медицинского эксперта по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи, должны касаться установления причинно-следственных связей между деяниями конкретных медицинских работников и наступившими неблагоприятными последствиями. Во многих других случаях назначение комиссионной СМЭ вообще не требуется.

Для оптимизации работы следователей, экспертных комиссий и сокращения сроков расследования уголовных дел предлагаем следующие пути решения выявленных нами проблем:

1) следователю необходимо определить цель назначения и задачи комиссионной СМЭ (в соответствии со следственной ситуацией по конкретному уголовному делу), выбрать экспертное учреждение и

2) с учетом конкретной цели и задач сформулировать вопросы;

3) при формулировании вопросов эксперту необходимо соблюдать ряд правил: вопросы должны быть сформулированы четко, просто и однозначно; вопросы должны соответствовать компетенции как конкретного эксперта, так и экспертного учреждения в целом; перечень вопросов в постановлении должен иметь логическую последовательность;

4) при сложности в формулировании вопросов следует обратиться за консультацией к заведующему отделом сложных экспертиз ККБСМЭ или заместителю начальника бюро по экспертной работе;

5) следователям всегда необходимо помнить, что судебно-медицинская экспертиза – это всего лишь одна из разновидностей медицинских экспертиз. Вопросы «качества оказания медицинской помощи» не входят в компетенцию судебно-медицинского эксперта – это является компетенцией Росздравнадзора и страховых компаний; вопросы о психическом состоянии потерпевшего, подозреваемого – это компетенция судебно-психиатрической экспертизы, которая проводится в другом учреждении;

6) при назначении повторных комиссионных экспертиз следует указывать конкретные основания для их назначения в соответствии со ст. 207 УПК РФ;

7) необходимо повышать квалификацию должностных лиц, назначающих комиссионные СМЭ, по дополнительным образовательным программам.

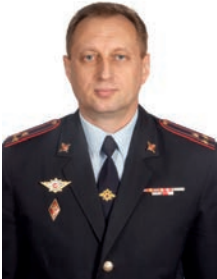
Библиографический список

1. Анализ комиссионных судебно-медицинских экспертиз по делам в отношении медицинских работников / О.А. Быховская, А.И. Филатов, И.Е. Лобан [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. – 2018. – N 61(5). – С. 18-20.

2. Зиненко, Ю.В. О проблемах, связанных с производством комиссионных судебно-медицинских экспертиз (по архивным материалам отдела сложных экспертиз КГБУЗ Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы) / Ю.В. Зиненко, В.Ф. Моисеев, В.В. Черный // Дневник науки. – 2019. – N 12 (36). – С. 40-46.

3. Ковалев, А.В. Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи : методические рекомендации. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ФГБУ «РЦСМЭ», 2017. – 29 с.
4. Маслов, А.В. Проблемы назначения и производства судебно-медицинских экспертиз / А.В. Маслов, Е.И. Прониченко, А.А. Теньков // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. – 2012. – N 12. – С 112-117.
5. Мишин, А.В. Актуальные проблемы назначения и производства судебной экспертизы / А.В. Мишин, П.Н. Мазуренко // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – N 1. – С. 86-89.
6. Спиридонов, В.А. Проблемы формулировки вопросов при назначении комиссионных судебно-медицинских экспертиз неблагоприятных исходов оказания медицинской помощи // Судебная медицина. – 2019. – Т. 5. – N 15. – С. 109.
7. Сарычева Н.В. Некоторые процессуальные проблемы назначения судебной экспертизы // Инновации в науке: научный журнал. – 2018. – N 5(81). – С. 85-86.
8. Сергеева, О.В. Некоторые аспекты проведения судебно-медицинской экспертизы в случаях ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей медицинскими работниками / О.В. Сергеева, Ю.В. Зиненко // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – N 6(4). – С. 120-125.
9. Шульга, И.П. Особенности проведения судебно-медицинской экспертизы в случае ненадлежащего оказания медицинской помощи / И.П. Шульга, В.В. Баляев // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. – 2018. – N 17. – С. 227-231.

Антон Васильевич ПАВЛОВ,

заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

pavlov_oma@mail.ru

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАДЛЕЖАЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЦА,
В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ПРОВОДИТСЯ ПРОВЕРКА
СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ**

**ENSURING THE PROPER CONDUCT OF THE PERSON AGAINST
WHOM THE REPORT OF THE CRIME IS BEING CHECKED**

С момента начала официальной обвинительной деятельности лицо наделяется необходимым комплексом процессуальных прав. Эта точка соприкосновения преследуемого лица и правоохранительных органов переместилась на стадию возбуждения уголовного дела. Нормы, регламентирующие данный этап уголовного судопроизводства, не предусматривают процессуальных средств обеспечения надлежащего поведения лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Автор обосновывает необходимость дозированного дозирования применения принудительных средств на первоначальной стадии уголовного судопроизводства.

From the moment of the beginning of the official prosecution activity, a person is endowed with the necessary set of procedural rights. This point of contact between the persecuted person and law enforcement agencies has moved to the stage of initiating a criminal case. The rules governing this stage of criminal proceedings do not provide for procedural means to ensure the proper conduct of the person against whom the report of the crime is being checked. The author substantiates the need for a metered authorization of the use of coercive means at the initial stage of criminal proceedings.

Ключевые слова: лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, проверка сообщения о преступлении, стадия возбуждения уголовного дела, ненадлежащее поведение, доставление.

Keywords: *the person in respect of whom the verification of the crime report is being carried out, the verification of the crime report, the stage of initiating a criminal case, improper behavior, delivery.*

Федеральный закон от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» не только ознаменовал введение сокращенного дознания, но существенно повлиял на содержание стадии возбуждения уголовного дела. Эти изменения коснулись разных аспектов данного этапа уголовного судопроизводства: системы средств проверки сообщения

о преступлении, правового положения участников, доказательственного значения полученных материалов и др. Осмысление этих нововведений позволяет сделать ряд принципиальных выводов, которые оказали влияние на современное состояние стадии возбуждения уголовного дела, ее роль и место в досудебном производстве.

Достаточно важным следует признать введение в ч. 3 ст. 49 УПК РФ пункта 6, предусматривающего участие защитника в уголов-

ном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ. Обращение к положениям п. 58 ст. 5 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, несмотря на то что оно не упоминается в разделе 2 УПК РФ, является участником уголовного судопроизводства. Выяснение его правового положения следует начать с определения фактических и юридических оснований надления его соответствующим статусом.

Данный участник вступает в правоотношения с момента проведения в отношении него процессуальных действий и принятия процессуальных решений, затрагивающих его интересы. Первоначальные сведения о причастности лица к совершенному противоправному деянию могут содержаться в заявлении о преступлении, в котором указано конкретное лицо, быть получены при обращении лица с явкой с повинной, в отношении лица могло проводиться оперативно-розыскное мероприятие (проверочная закупка, оперативный эксперимент), лицо могло быть схвачено в момент совершения преступления и др. Каждый из названных примеров характеризуется определенной совокупностью данных, указывающих на причастность конкретного лица к совершенному деянию. Эти сведения образуют основания для производства в отношении него проверочных действий. Итогом процессуальной деятельности является констатация в постановлении о возбуждении уголовного дела наличия признаков преступления и начала уголовного преследования по подозрению в совершении преступления. Подозрение не возникает одновременно, оно формируется по мере получения следователем изобличающих сведений. Важно своевременно решить вопрос о надлении преследуемого лица необходимым комплексом прав, чтобы оно получило возможность противостоять обвинительной деятельности. В юридической литературе предлагается наделять данное лицо еще на

стадии возбуждения уголовного дела статусом подозреваемого посредством его уведомления о подозрении [5, с. 30-31; 6, с. 95, 98]. Данный шаг, полагают авторы, позволит решить проблему расширения перечня оснований для признания лица подозреваемым [6, с. 100].

Подобный вариант, на наш взгляд, не позволяет выделить качественно новый этап обвинительной деятельности, предшествующий уголовному преследованию по подозрению. Его уместно использовать в ситуации, когда органы расследования обладают достаточными сведениями о причастности лица к совершенному правонарушению. Кроме того, формирование правового статуса подозреваемого на данном этапе обостряет проблему признания права преследуемого лица на реабилитацию. Итогом проверки сообщения о преступлении в отношении лица является решение о возбуждении уголовного дела, в котором констатируется начало уголовного преследования по подозрению. Именно с этого момента подозреваемый наделяется правом на реабилитацию. Предшествующая обвинительная деятельность была направлена на обоснование подозрения, в условиях неопределенности этот первоначальный контакт лица и правоохранительных органов реализуется посредством проверки имеющейся информации. Наличие отдельных элементов обвинительной деятельности, имеющих место на стадии возбуждения уголовного дела, не должно формировать оснований для реабилитации. Данный вывод обусловлен незначительной интенсивностью обвинительной деятельности (ограниченность в производстве следственных действий, запрет на применение мер процессуального принуждения), а также ознaменованиeм ее начала интересами самого преследуемого лица.

Мы полагаем, что момент начала обвинительной деятельности следует связывать с наличием изобличающих лицо в совершении преступления фактических данных для производства в отношении него процессуальных действий. В этом подходе проявляется отличие оснований для постановки лица в статус подозреваемого и лица, в отношении которого

го проводится проверка сообщения о преступлении. Если в первом случае востребована совокупность данных для постановки лица в статус подозреваемого, то во втором случае достаточно того, что имеются сведения для производства процессуального действия в отношении данного лица.

В УПК РФ не предусмотрен процессуальный документ, которым констатируется начало обвинительной деятельности в ходе проверки сообщения о преступлении. В отсутствие достаточных сведений, обосновывающих подозрение, в качестве формального основания наделения данным статусом будет выступать сам факт проведения в отношении такого лица процессуальных действий. Следовательно, предвзялая реализация права преследуемого лица на участие защитника в стадии возбуждения уголовного дела, обязан сообщить ему о том, что в отношении него будут проводиться процессуальные действия в связи с проверкой сообщения о преступлении. Данный факт должен быть отражен в протоколе процессуального действия (если он составляется), в объяснении и др.

Изложенное свидетельствует о необходимости пересмотра спектра задач, решаемых на стадии возбуждения уголовного дела. Есть предпосылки для включения в их число установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Это не означает, что мы ранее исключали наличие подобной задачи. Мы отмечаем, что она из факультативной (необязательной) перешла в разряд необходимых.

Констатация данного положения обуславливает необходимость переосмысления содержания деятельности следователя (дознавателя) на данной стадии. Коль скоро имеются объективные предпосылки для постановки вышеуказанной задачи, необходимо определиться и с системой средств ее решения.

В юридической литературе [2, с. 14-18; 4, с. 18-22], а также в диссертационных исследованиях правовое положение преследуемого лица в ходе проверки сообщения о преступлении преимущественно рассматривается в контексте обеспечения его интересов (комплекс прав и гарантии их реализации) [1; 10]. Законодатель, наделив процессуальными возможностями данного участника, обошел вниманием его обязанности и процессуальные средства обеспечения его надлежащего поведения. Вместе с тем в правоприменительной практике не исключены ситуации отказа от добровольного участия преследуемого лица в следственных действиях, имеющих ярко выраженный принудительный характер (освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования). Трудноразрешимой представляется ситуация с доступом в жилище для его осмотра как места происшествия в ситуации, когда проживающие в нем граждане сами совершают противоправные деяния и в последующем отказывают в даче согласия на производство данного следственного действия¹. Эти преступления могут быть связаны с незаконным оборотом наркотических средств (например, оснащение в жилищах нарколабораторий, наркопритонов), незаконной экономической деятельностью (например, осуществление незаконной банковской деятельности) или хранением оружия. Противодействию в форме препятствования проникновению должностным лицам органов предварительного расследования в жилище может сопровождаться сокрытием находящихся там следов преступления (уничтожаются документы, наркотические средства, выводится из строя техника).

Вопрос о правомерности производства осмотра жилища в качестве места происшествия на стадии возбуждения уголовного дела неоднократно становился предметом

1 До возбуждения уголовного дела нормами УПК РФ прямо не предусмотрено право органов предварительного расследования на производство осмотра жилища, в том числе осмотра жилища как места происшествия. Вместе с этим УПК РФ не содержит и прямого запрета на осмотр жилища как места происшествия до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 12).

рассмотрения Конституционного Суда РФ². Так, рассматривая жалобу гражданина Никитина А.Ю., оспаривавшего нормы УПК РФ, которые, по его мнению, позволяют до возбуждения уголовного дела проводить осмотр жилища и изымать находящиеся там вещи без согласия его владельца и без судебного решения, Конституционный Суд РФ отметил: «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части первой статьи 12, части второй статьи 29 и части пятой статьи 177 прямо закрепил, что осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения, за исключением случаев, предусмотренных частью пятой статьи 165 УПК РФ, которая допускает в случаях, не терпящих отлагательства, проведение данного следственного действия и без получения судебного решения, на основании постановления следователя или дознавателя с последующим уведомлением судьи и прокурора о его производстве; при этом осмотр места происшествия, предметов и документов производится в том числе до возбуждения уголовного дела в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела»³.

Правовая неопределенность в вопросе о правомерности принудительного производства в отношении данного лица следственных действий не позволяет органам предварительного расследования проявлять наступательность и эффективно решать задачи стадии возбуждения уголовного дела. В юридической литературе полный отказ от принуждения на данной стадии признан непродуктивным, авторы не исключают принуждения в

определенных ситуациях. Так, в случае фактического задержания лица, т.е. когда имеет место одна из ситуаций, предусмотренных ст. 91 УПК РФ, освидетельствование возможно с применением физического принуждения [7, с. 128]. Этот подход следует признать верным. Уголовно-процессуальное принуждение на данном этапе может проявляться в конкретных ситуациях в виде частных приемов, способствующих решению задач уголовного судопроизводства [3, с. 94].

Конституционный Суд РФ, рассматривая пределы действия права не свидетельствовать против себя самого, отметил, что данное положение не исключает возможности проведения, независимо от того, согласен на это подозреваемый или обвиняемый либо нет, различных процессуальных действий с его участием (осмотр места происшествия, опознание, получение образцов для сравнительного исследования), а также использования документов, предметов одежды, образцов биологических тканей и пр. в целях получения доказательств по уголовному делу⁴.

Полагаем, что правозащитная функция стадии возбуждения уголовного дела ограничивается, но полностью не исключает применение принудительного потенциала. Предусмотренные в УПК РФ гарантии участников проверки сообщения о преступлении позволяют обеспечить реализацию их прав и интересов.

В ходе проверки сообщения о преступлении преследуемое лицо как потенциальный подозреваемый (обвиняемый) может оказывать органам предварительного расследования незаконное противодействие, в том числе и посредством уклонения. С уведом-

2 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Поддубной Галины Ивановны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 29, 125, 176 и 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 20.03.2007 N 218-О-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Р.В. Ядришенского на нарушение его конституционных прав статьей 176 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2010 N 1658-О-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никитина Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 7, статьей 12, пунктами 4 и 5 части второй статьи 29, статьей 176, частями 1-4 и 6 статьи 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 21.05.2015 N 1054-О.

3 Определение Конституционного Суда РФ от 21.05.2015 N 1054-О.

4 Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 46 и пункта 3 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2004 N 448-О.

лением лица о начале осуществления в отношении него обвинительной деятельности существенно повышается вероятность его ненадлежащего поведения. Однако меры процессуального принуждения, предусмотренные в разделе 4 УПК РФ, могут применяться только после возбуждения уголовного дела. Следует выяснить, какие процессуальные средства могут быть использованы для вызова и доставления преследуемого лица в орган дознания или к следователю, а также обеспечения его надлежащего поведения в ходе проведения в отношении него проверки сообщения о преступлении.

В УПК РФ не регламентирован порядок вызова участника проверки сообщения о преступлении к следователю (дознавателю). В правоприменительной практике он осуществляется, как правило, по телефону. Данный способ не предусматривает гарантий реализации интересов вызываемого лица. Могут возникнуть трудности с установлением факта и обстоятельств вызова этого лица в правоохранительный орган (кем был осуществлен вызов, причины вызова, время вызова, место прибытия и др.). В связи с этим при соблюдении некоторых ограничений и определенной корректировке содержания повестки мы не исключаем возможности воспользоваться для этого процедурой, предусмотренной в ст. 188 УПК РФ («Порядок вызова на допрос»). Во-первых, по очевидным причинам, исключается предупреждение о возможности привода либо применения иных мер процессуального принуждения в случае неявки без уважительных причин. Во-вторых, в повестке следует сделать ссылку на ч. 1 ст. 144 УПК РФ, в которой указывается на возможность получения объяснений и производства следственных действий. В-третьих, отмечается, что лицо вызывается к следователю (дознавателю) в связи с проведением в отношении него проверки сообщения о преступлении.

Учитывая, что в соответствии с ч. 2 ст. 21 УПК РФ следователь, дознаватель в каждом

случае обнаружения признаков преступления принимает предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления, его право на получение объяснения при наличии для этого достаточных оснований трансформируется в его обязанность. Полномочию следователя (дознавателя) на получение объяснений, производство следственных действий корреспондирует обязанность преследуемого лица принять участие в их производстве. Нет прав без обязанностей, как и обязанностей без прав [11, с. 229]. В соответствии с ч. 2 ст. 1 УПК РФ порядок уголовного судопроизводства, установленный УПК РФ, является обязательным не только для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, но также для иных участников уголовного судопроизводства. Однако обязанность дать объяснение не равнозначна обязанности явиться в служебное помещение. Следователь (дознаватель) не уполномочен осуществлять вызов участников стадии возбуждения уголовного дела, на которых, в свою очередь, не возложена обязанность не уклоняться от явки по их вызовам, как это предусмотрено в отношении свидетеля (п. 1 ч. 6 ст. 56 УПК РФ), эксперта (п. 6 ч. 3 ст. 57 УПК РФ) и других участников уголовного судопроизводства. Данное обстоятельство исключает применение процессуальных санкций в случае неприбытия лица к следователю (дознавателю)⁵.

В контексте нашего исследования интерес представляет положение п. 3 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции», согласно которому полиция наделена правом вызывать граждан и должностных лиц в связи с проверкой зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений о преступлениях, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, получать по таким материалам необходимые объяснения. Соответственно, если лицу было разъяснена его обя-

5 В отдельных случаях для получения сведений, которыми обладает преследуемое лицо, следователь (дознаватель) вправе направить органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Должностные лица органа дознания самостоятельны в выборе средств при исполнении данного поручения следователя (дознавателя).

занность в соответствии с указанным законом явиться к дознавателю для дачи объяснений и оно данное требование не выполнило, правомерно ставить вопрос о привлечении его к административной ответственности в соответствии с ст. 17.7 КоАП РФ. Тем не менее эта мера без внесения соответствующих изменений в УПК РФ в силу ее ограниченности (например, следователи не наделены полномочиями, предусмотренными для сотрудников полиции) и сложности процедуры ее применения является малоэффективной и не способной разрешить проблему с обеспечением явки участников проверки сообщения о преступлении к следователю (дознавателю). Нам представляется, что в ч. 1 ст. 144 УПК РФ следует возложить на участников проверки сообщения о преступлении обязанность являться по вызову следователя (дознавателя), а также предусмотреть негативные правовые последствия в случае невыполнения данного требования.

В правоприменительной практике возникают существенные сложности, связанные с определением правовых оснований и порядка доставления преследуемого лица в правоохранительный орган. Такая необходимость может возникнуть в случае, когда это лицо застигнуто при совершении деяния, содержащего признаки преступления, или непосредственно после его совершения.

Обращение к понятию момента фактического задержания позволяет предположить, что в УПК РФ должен быть регламентирован процессуальный порядок фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления. Тем не менее в ч. 1 ст. 92 УПК РФ лишь указано на необходимость после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов составления протокола задержания. Данный тезис позволяет выделить такую форму ограничения свободы передвижения преследуемого лица, как доставление, определить некоторые параметры срока его исчисления, а также указать на то,

что оно реализуется не субъектом, правомочным принять решение о задержании подозреваемого. Вместе с тем сам порядок непосредственного лишения свободы преследуемого лица в УПК РФ не регламентирован. Данный этап в определенной степени урегулирован в Федеральном законе «О полиции». В соответствии с п. 4. ч. 3 ст. 28 данного закона сотрудники полиции вправе требовать от лиц, подозреваемых в совершении преступления, оставаться на месте до прибытия представителей правоохранительных органов, а также доставлять лиц, подозреваемых в совершении преступления, в служебное помещение. Согласно п. 13 ч. 1 ст. 13 закона доставление осуществляется в целях решения вопроса о задержании гражданина при невозможности его производства на месте. Задержание на месте представляется возможным лишь в ходе производства по уголовному делу на основании постановления следователя. Во всех иных случаях на этапе захвата и доставления возможность констатации факта состоявшегося задержания весьма сомнительна. Факт доставления в служебное помещение оформляется протоколом, составленным в порядке, установленном чч. 14 и 15 ст. 14 закона «О полиции». Дальнейшее ограничение свободы лица осуществляется в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 92 УПК РФ, в соответствии с которой после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания.

Лиц, подозреваемых в совершении преступления⁶, вправе задерживать до передачи в полицию военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии⁷. Задержанное лицо подлежит доставлению в ближайший орган внутренних дел в кратчайший срок, но не позднее трех часов с момента задержания. Срок задержания исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения задержанного лица. В данном случае фактически осуществляется доставление лица в служебное помещение и по сути оно

6 Следует обратить внимание на несостоятельность вывода о правомерности задержания лица военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии исключительно в статусе подозреваемого [9]. Данный подход исключает возможность задержания на стадии возбуждения уголовного дела.

7 О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федеральный закон от 03.07.2016 N 226-ФЗ.

не отличается от доставления, осуществляемого сотрудниками полиции. Срок задержания подозреваемого исчисляется с момента принятия решения субъектом, указанным в ч. 1 ст. 91 УПК РФ. Мы полагаем, что трехчасовой срок задержания военнослужащими войск национальной гвардии не входит в 48-часовой срок, исчисляющийся с момента задержания подозреваемого в порядке ч. 2 ст. 94 УПК РФ.

Не во всех случаях представляется возможным после доставления лица незамедлительно принять решение в порядке, предусмотренном ст. 145 УПК РФ, что не позволяет применить меру процессуального принуждения и исключает дальнейшее удержание преследуемого лица в служебном помещении. Перед следователем (дознавателем) встает задача по обеспечению надлежащего поведения лица в ходе дальнейшей проверки сообщения о преступлении. В отсутствие возможности применения мер процессуального принуждения следует обращаться к такому методу воздействия на личность, как убеждение, и стремиться сформировать мотивацию соответствующего образа действий. Данная форма влияния на личность реализуется посредством разъяснения необходимости надлежащего поведения, а также негативных последствий уклонения от органов предварительного расследования. В частности, лицу может быть доведена информация о том, что факты его ненадлежащего поведения будут в последующем учитываться при выборе меры пресечения. Кроме того, преследуемому лицу сообщается о том, что в случае его уклонения от органов предварительного расследования оно может быть объявлено в розыск в порядке, предусмотренном ст. 210 УПК РФ. Причем оно будет объявлено в розыск как лицо, которое скрывается от органов предварительного расследования. Данный вывод основан на понимании сущностных признаков «скрывающегося обвиняемого». Названное понятие имеет два смыслообразующих признака: наличие у лица юридической обязанности, наступающей в момент официального уведомления о начале уголовного преследования, и совершение умышленных действий,

направленных на уклонение от уголовного преследования в совершении инкриминируемого ему преступления. Только совокупность данных обстоятельств может свидетельствовать о том, что обвиняемый скрывается. Как в первом, так и во втором случае нужно исходить из субъективной установки преследуемого лица. Оно должно осознавать, что в отношении него осуществляется уголовное преследование и что оно целенаправленно совершает действия по уклонению от органов предварительного следствия [подр.: 8, с. 47-48]. Уведомление лица о начале проведения в отношении него проверки сообщения о преступлении свидетельствует о том, что оно проинформировано о начале в отношении него обвинительной деятельности.

Полагаем, содержащиеся в действиях следователя (дознавателя) элементы несущественного психического воздействия допустимы, так как они не связаны с наложением на преследуемое лицо каких-либо обязательств, ограничиваются разъяснением неблагоприятных последствий, о наступлении которых ему может быть неизвестно, но которые зависят от его возможного неправомерного поведения.

В заключение акцентируем внимание на необходимости сохранения в уголовном судопроизводстве баланса гарантий защиты прав и законных интересов личности и гарантии решения задач уголовного судопроизводства. Совершенствование правового положения лица, в отношении которого на стадии возбуждения уголовного дела начинается обвинительная деятельность, позволяет создать дополнительные гарантии своевременной защиты его интересов. Оценивая данный шаг законодателя положительно, следует обратить внимание на необходимость пересмотра отношения к системе средств данного этапа досудебного производства. Полный запрет на применение уголовно-процессуального принуждения ставит под сомнение эффективное решение задач уголовного судопроизводства. В современных условиях есть предпосылки для дозированного дозирования использования на первоначальной стадии уголовного судопроизводства принудительных средств.

Библиографический список

1. Абраменко, А.А. Процессуальные гарантии участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела (по уголовно-процессуальному законодательству России и Украины) : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Абраменко. – М., 2019.
2. Агабеков, К.С. О начале уголовного преследования в условиях охранительного правосудия / К.С. Агалбеков // Мировой судья. – 2019. – N 1.
3. Буторин, Л.А. Процессуальные гарантии прав личности и принуждение в стадии возбуждения уголовного дела / Л.А. Буторин // Уголовно-процессуального принуждения и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования : сб. науч. статей. – Волгоград, 1987.
4. Гусейнов, Н.А. Получение объяснений в стадии возбуждения уголовного дела как средство доказывания (применительно к сокращенной форме дознания) / Н.А. Гусейнов // Российский следователь. – 2016. – N 7.
5. Давлетов, А.А. Уведомление о подозрении – процессуальная форма признания лица подозреваемым в стадии возбуждения уголовного дела / А.А. Давлетов, И.А. Федорова // Российская юстиция. – 2016. – N 12.
6. Деришев, Ю.В. Процессуальное положение лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении / Ю.В. Деришев, Е.И. Земляничин // Юридическая наука и правоприменительная практика. – 2014. – N 3 (29).
7. Кальницкий, В.В. Следственные действия : учебное пособие / В.В. Кальницкий, Е.Г. Ларин. – Омск, 2015.
8. Павлов, А.В. Задержание обвиняемого, находящегося в розыске (теоретический и прикладной аспекты) : монография / А.В. Павлов. – М., 2015.
9. Тушев, А.А. О задержании лиц, подозреваемых в совершении преступления, войсками национальной гвардии Российской Федерации / А.А. Тушев, П.М. Малин, А.В. Пивень // Российская юстиция. – 2018. – N 12. – С. 63-65
10. Филимоненко, И.А. Процессуальный статус личности в стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук / И.А. Филимоненко. – Екатеринбург, 2020.
11. Хропанюк, В.Н. Теория государства и права : учебное пособие / В.Н. Хропанюк. – М., 1993.

Светлана Владимировна БАБЕНКО,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Ростовского института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста
России) (г. Ростов-на-Дону), кандидат юридических наук
babenkoosokina@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ФУНКЦИЙ ПРОКУРОРА НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

ON THE QUESTION OF THE CORRELATION OF THE FUNCTIONS OF THE PROSECUTOR AT THE PRE-TRIAL STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

В статье рассматриваются отдельные аспекты соотношения функций прокурора на досудебной стадии уголовного процесса, в частности анализируются точки зрения различных авторов по вопросу тождественности функций уголовного преследования и прокурорского надзора. Усиление надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и расширение круга полномочий при осуществлении уголовного преследования с учетом внесения в законодательство предложенных автором изменений позволит прокурору реализовывать предусмотренную ст. 37 УПК РФ функцию уголовного преследования в полном объеме.

В рамках статьи внимание автора обращено и на такую форму надзора, как проверка законности содержания задержанных в изоляторах временного содержания и следственных изоляторах. Анализ действующего законодательства и статистические данные о состоянии законности в сфере защиты прав граждан, содержащихся под стражей по подозрению в совершении преступлений, и при избрании меры пресечения в виде заключения под стражей позволили автору прийти к выводу о необходимости совершенствования законодательства в названной сфере.

The article considers certain aspects of the correlation of the prosecutor's function at the pre-trial stage of the criminal process, in particular, analyzes the points of view of various authors on the question of the identity of the functions of criminal prosecution and prosecutor's supervision. Strengthening the supervision of the procedural activities of the preliminary investigation bodies and expanding the scope of powers in the implementation of criminal prosecution, taking into account the amendments proposed by the author to the legislation, will allow the prosecutor to implement the provisions of art. 37 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the function of criminal prosecution, in full.

Within the framework of the topic under study, the author's attention is also drawn to such a form of supervision as checking the legality of the detention of detainees in temporary detention centers and pre-trial detention centers. Analysis of the current legislation and statistical data on the state of legality in the field of protection of the rights of citizens detained on suspicion of committing crimes and when choosing a preventive measure in the form of detention, allowed the author to come to the conclusion that it is necessary to improve the legislation in this area.

Ключевые слова: прокурорский надзор, уголовное преследование, уголовное судопроизводство, досудебная стадия, предварительное расследование, подозреваемый, мера пресечения, законность задержания.

Keywords: prosecutor's supervision, criminal prosecution, criminal proceedings, pre-trial stage, preliminary investigation, suspect, preventive measure, legality of detention.

Среди участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения определяющая роль в процессе реализации процессуальной деятельности отведена прокурору, на которого в соответствии со ст. 1 закона о прокуратуре¹ помимо надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на ее территории, а также осуществления уголовного преследования возложено выполнение и иных функций, в значительной мере выходящих за пределы правоотношений, регулируемых уголовно-процессуальным законодательством, и охватывающих иные сферы государственной деятельности [4].

Очевидно, именно по этой причине вопрос о соотношении функций уголовного преследования и прокурорского надзора (которые нашли отражение в ст. 37 УПК РФ) в деятельности прокурора в рамках уголовного процесса продолжает оставаться одним из дискуссионных в юридической науке.

Так, многие правоведы считают, что функция уголовного преследования является производной по отношению к функции надзора. Сторонники данной концепции аргументируют свою точку зрения тем, что надзорная деятельность лежит в основе функционирования органов прокуратуры в целом. Процессуальная же функция по осуществлению уголовного преследования лиц, совершивших преступления, реализуется в процессе выполнения надзорной деятельности.

Между тем функция уголовного преследования нашла прямое отражение в ст. 129 Конституции РФ наряду с надзорной деятельностью. Кроме того, не в пользу вышеупомянутого мнения свидетельствует внесение изменений 9 ноября 2020 г. в закон о прокуратуре, где законодатель, закрепляя уголовное преследование в ч. 1 ст. 1, тем самым определяет его в качестве самостоятельной функции органов прокуратуры. Подобный шаг указывает на нормативное закрепление паритета в аспекте соотношения прокурорского надзора за исполнением за-

конов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, и уголовного преследования лиц, совершивших преступления.

Положительный результат деятельности в рамках данных направлений напрямую зависит от предоставленных прокурору полномочий. Однако за последние годы законодательные изменения в области уголовного процесса направлены в сторону радикального уменьшения объема полномочий прокурора на стадии досудебного производства как в рамках уголовного преследования лиц, совершивших преступления, так и в сфере надзора за исполнением законов иными органами, уполномоченными осуществлять данную деятельность [6]. Подобная тенденция, вызывающая дискуссии в отечественной юридической науке, по-разному оценивается среди теоретиков и правоприменителей.

В первую очередь следует обратить внимание на мнение руководителей надзорного ведомства относительно вышеуказанных законодательных изменений.

В докладе Федеральному собранию Совета Федерации о состоянии законности и правопорядка за 2017 г. Генпрокурор России достаточно критично охарактеризовал работу следственных органов. В частности, Юрий Чайка отметил такую проблему, как рост количества выявленных органами прокуратуры нарушений закона на досудебной стадии уголовного процесса при общем снижении нагрузки по количеству направленных в суд уголовных дел, и это при том, что непосредственно в правоохранительных органах имеется собственная многоступенчатая система контроля. Генпрокурор России также обратил внимание на увеличение количества уголовных дел, по которым следствие ведется с превышением установленных законом сроков. Рост подобных негативных предпосылок отмечается при общем снижении количества регистрируемых преступлений. В заключение данной части доклада Юрий Чайка сделал вывод, что только полноценный прокурорский

¹ О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 30.12.2020) // СПС КонсультантПлюс.

надзор за процессуальной деятельностью органов следствия, а также наличие у прокурора полномочий возбуждать уголовные дела и расследовать их, в том числе в отношении следователей, будет способствовать снижению роста допускаемых ими нарушений.

Аналогичная ситуация продолжала иметь место и в последующие годы. При этом в интервью газете «Коммерсантъ» действующий Генпрокурор России, указывая на сохраняющуюся тенденцию увеличения числа выявленных нарушений, считает достаточными имеющиеся в настоящий момент у органов прокуратуры полномочия в рамках надзора за процессуальной деятельностью следственных органов.

Так, приведенные в выступлении статистические данные за 2009-2018 гг. свидетельствуют о росте нарушений со стороны следствия в два с половиной раза при общем снижении зарегистрированных преступлений в полтора раза.

За 10 месяцев 2020 г. надзорным ведомством были выявлены более 1,3 миллиона нарушений закона со стороны органов расследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства, что на 100 тысяч превышает аналогичные показатели 2019 г.

С другой стороны, справедливости ради следует отметить, что приведенные данные (с учетом сужения круга полномочий прокуратуры) демонстрируют планомерное улучшение качества надзора в данной области, что, в свою очередь, подтверждает и глава ведомства И. Краснова.

И все же, как нам представляется, усиление надзора за процессуальной деятельностью органов расследования и расширение полномочий прокурора в области уголовного преследования лиц, совершивших преступления, при должной законодательной регламентации могло бы еще более позитивно сказаться на работе органов прокуратуры, поскольку именно в названной сфере наиболее весомая часть проверяемых прокурором решений по уголовному делу по существу являются итоговыми. Поэтому, обладая усеченными полномочиями, прокурор не всегда своевременно в достаточной мере ознакомлен с ходом

расследования, что, в свою очередь, не позволяет на ранних стадиях производства по уголовному делу выявить нарушения закона и предотвратить их допущение в дальнейшем.

Именно поэтому полагаем необходимым закрепить в главе 21 УПК РФ норму, устанавливающую обязанность следователя, дознавателя предоставлять находящиеся у них в производстве уголовные дела прокурору, с определением конкретного срока, который должен исчисляться с момента возбуждения уголовного дела, в целях своевременной реализации прокурором надзорных полномочий. Данный шаг в первую очередь позволит усилить текущий надзор за процессуальной деятельностью органов расследования, что положительно скажется на динамике допускаемых нарушений и позволит снизить их количество на итоговом этапе производства по делу.

Еще одним возможным моментом усиления надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования является внедрение и законодательное закрепление в положениях УПК РФ полномочий участия прокурора в следственных действиях.

Так, в соответствии с п. 5.3 приказа Генпрокуратуры России от 16 июля 2010 г. N 284 «О порядке представления специальных донесений и иной обязательной информации» в случаях совершения особо тяжких преступлений, а также при получении данных о нарушении закона при производстве первоначальных следственных действий прокурор обязан лично выезжать на место происшествия с целью осуществления надзора за законностью их проведения.

Положительный эффект данной практики подтверждает имевший место в ноябре 2020 г. случай освобождения прокурором Колпинского района г. Санкт-Петербург шестерых детей, взятых в заложники их отцом. В связи с этим очевидно закономерным будет дополнение статьи 37 УПК РФ положениями, закрепляющими за прокурором право принимать непосредственное участие в проведении, причем не только первоначальных, следственных действий по преступлениям

любой степени тяжести, осуществляя при этом как надзорную деятельность, так и координационную.

Принятие предложений по наделению прокурора полномочиями возбуждения и расследования уголовных дел, как нам представляется, позволит реализовать функцию уголовного преследования, предусмотренную ст. 37 УПК РФ в полном объеме, что, по мнению ряда авторов, будет противоречить общей тенденции законодателя по разделению полномочий органов расследования и прокуратуры [2, с. 137-141].

В связи с этим отметим, что право прокурора возбуждать уголовные дела можно было бы закрепить как альтернативу, косвенно, т.е. путем внесения изменений в п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Тогда выносимое в рамках данной нормы постановление следует наделить императивным характером, обязывающим следователя (дознателя) возбудить уголовное дело по переданным прокурором материалам.

Интеграция следствия в систему прокуратуры, на наш взгляд, возможна только с целью расследования преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, перечисленных в п.п. «б», «в» ч. 2 ст. 151 УПК РФ, поскольку их деятельность является одной из составляющих предмета прокурорского надзора, что на самом деле позволило бы наделить прокурора возможностью полноценно осуществлять уголовное преследование.

В рамках заявленной темы отметим, что надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия (в рамках которого прокурор проверяет вопросы законности задержания и избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении граждан, подозреваемых в совершении преступления) неразрывно связан, а во многом пересекается с осуществлением прокурором полномочий по надзору за исполнением законов администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу [1, с. 54].

В связи с этим отметим, что в 2019 г. администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу и их должностными лицами допускались случаи использования недозволенных методов в отношении участников уголовного процесса при собирании доказательств по уголовному делу, а также злоупотребления мерой пресечения в виде заключения под стражу к лицам, совершившим ненасильственные преступления. Так, число жалоб по вопросам содержания в изоляторах временного содержания и следственных изоляторах увеличилось на 34%, с 152 в 2018 г. до 364 в 2019 г. увеличился рост количества жалоб на применение физической силы и специальных средств в отношении указанной категории граждан².

Решение названных проблем, связанных с осуществлением правозащитной функции прокуратуры, требует совершенствования законодательной основы ее деятельности, а также практики прокурорского надзора [3, с. 127-128].

В связи с этим, как нам представляется, в системе надзорной деятельности прокурора, исходя из содержания гл. 4 закона о прокуратуре, законодатель непоследователен, поскольку, рассматривая деятельность прокурора в названной сфере как самостоятельное направление прокурорского надзора (со свойственной данному направлению надзорной деятельности спецификой предмета и полномочий), одновременно рассматривает его не только как форму надзора за процессуальной деятельностью, но и как форму надзора за исполнением уголовных наказаний.

Полагаем, что было бы логичным рассматривать названный в ч. 2 ст. 32 закона о прокуратуре предмет надзора за законностью содержания задержанных в ИВС и СИЗО в рамках осуществления надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования [5].

Таким образом, стоит отметить, что в настоящее время процессуальные полномочия прокурора на досудебной стадии уголовного процесса не имеют абсолютный характер. Их

² Москалькова Т. Отчетный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 г. URL: <https://rg.ru/2020/04/14/tatiana-moskalkova-predstavila-prezidentu-otchetnyj-doklad-po-pravam-cheloveka.html> (дата обращения: 10.03.2020).

дальнейшая законодательная регламентация должна происходить с учетом динамически развивающихся общественных отношений в

области уголовного судопроизводства и, возможно, с учетом предложений, выдвинутых в рамках нашего исследования.

Библиографический список

1. Артемьев, Н.С. Прокурорский надзор за соблюдением законности в следственных изоляторах / Н.С. Артемьев, Ю.А. Морозова // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – N 2. – С. 52-55.
2. Гурдин, С.В. Процессуальное положение прокурора на досудебных стадиях современного уголовного судопроизводства / С.В. Гурдин, А.А. Ключенева // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – N 4. – С. 137-141.
3. Ендольцева, А.В. Прокурорский надзор за исполнением законов администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу / А.В. Ендольцева // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – N 5. – С. 127-128.
4. Жук, О. Соотношение уголовного преследования и прокурорского надзора в досудебных стадиях уголовного процесса / О. Жук // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – N 12. – С. 112-116.
5. Крюков, В.Ф. Прокурор в уголовном судопроизводстве России (история и современность) / В.Ф. Крюков. – Специально для системы ГАРАНТ. 2012. – URL: <https://studfile.net/preview/6707677/> (дата обращения: 04.03.2020).
6. Чурикова, А.Ю. Осуществление прокурором уголовного преследования в досудебном производстве // Юридическая наука. – 2019. – N 9. – С. 74-78.

Дмитрий Вячеславович СВИНОВ,
начальник УМВД России по Курганской области
(г. Курган)

dsvinov@mvd.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ФУНКЦИЯХ РУКОВОДИТЕЛЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ON THE ISSUE OF OPERATIONAL-SEARCH FUNCTIONS OF THE HEAD OF THE TERRITORIAL BODY OF INTERNAL AFFAIRS

В статье на основе анализа трудов ученых и исследователей, занимающихся изучением оперативно-розыскной науки, представлены результаты исследований, в рамках которых изучены и определены оперативно-розыскные функции руководителя территориального органа внутренних дел. Автор приходит к выводу, что руководитель территориального органа внутренних дел является участником оперативно-розыскной деятельности.

Based on the analysis of the works of scientists and researchers engaged in the study of operational-search science, the article presents the results of research, in which the operational-search functions of the head of the territorial body of internal affairs are studied and defined. The author comes to the conclusion that the head of the territorial body of internal affairs is a participant in operational search activities.

Ключевые слова: функция, оперативно-розыскная деятельность, руководитель, территориальный орган внутренних дел, оперативно-розыскное мероприятие.

Keywords: function, operational-search activity, head, territorial body of internal affairs, operational-search event.

Актуальность рассматриваемого вопроса связана с наличием в оперативно-розыскной науке неразрешенной полемики о роли и месте руководителя территориального органа внутренних дел (далее – ОВД) в оперативно-розыском процессе, существованию которой способствует отсутствие нормативного закрепления оперативно-розыскного статуса руководителя территориального ОВД, в том числе степени его участия в организации и проведении оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД).

Ни в одном нормативно-правовом акте, регламентирующем ОРД, не обозначен четкий круг полномочий и функций руководи-

теля территориального ОВД в данной сфере деятельности.

Изучение функций руководителя, по мнению многих исследователей сферы управленческой деятельности, имеет основополагающее значение в решении проблемы совершенствования руководства любой организации [1, с. 172; 6, с. 401].

Применительно к рассматриваемому вопросу полагаем, что исследование оперативно-розыскных функций руководителя территориального ОВД будет способствовать уточнению его статуса в оперативно-розыском процессе и внесет свою лепту в теорию ОРД в части решения вопроса о месте и роли

данного руководителя в процессе организации ОРД.

Исходя из того, что в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) в перечне субъектов ОРД не указан руководитель территориального ОВД, а в п. 2 приказа МВД России от 19 июня 2012 г. № 608 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности» (далее – Приказ МВД России № 608-2012 г.) рассматриваемый руководитель упоминается только как лицо, допущенное к ОРД, ряд исследователей [2, с. 88; 17, с. 49] делают попытку обосновать, что он не является субъектом ОРД.

Другие, наоборот, исходя, например, из того, что решение на проведение ряда оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) принимает только руководитель территориального ОВД, обосновывают, что он является субъектом данной деятельности, либо отождествляют понятия «участник ОРД» и «субъект ОРД» [4, с. 9; 10, с. 142-143].

Ряд известных ученых, например Г.К. Синилов, К.К. Горяинов [14, с. 188], исходя из того, что в ч. 1 ст. 5 Закона об ОРД понятия «орган» и «должностное лицо, осуществляющее оперативно-розыскную деятельность» по смысловому содержанию применяются как синонимы, делают вывод, что все должностные лица оперативных органов, перечисленных в ст. 13 данного закона, являются субъектами ОРД.

В.А. Галушко и И.А. Вормсбехер сделали вывод о том, что «участники оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел – это субъекты оперативно-розыскных правоотношений, возникающих в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности» [9, с. 9].

Признавая данное мнение, предполагаем, что место и роль руководителя территориального ОВД в процессе ОРД возможно обозначить, раскрыв его функции в данной сфере.

Руководитель территориального ОВД, который хоть и не принимает непосредственного участия в проведении конкретного ОРМ, является лицом, осведомленным в деталях

его организации и исполнения, а также в ряде случаев санкционирует его проведение.

Данные обстоятельства, а также его последующая очевидная осведомленность о проводимых мероприятиях дают нам основания считать руководителя территориального ОВД участником ОРД.

Еще одним очевидным фактом, аргументирующим включение руководителя территориального ОВД в состав участников ОРД, является то обстоятельство, что в соответствии с ведомственными нормативными правовыми актами МВД России ряд подразделений УМВД, осуществляющих ОРД, подчиняются непосредственно руководителю территориального ОВД.

Приказы МВД России, регламентирующие деятельность данных подразделений, предоставляют руководителю территориального ОВД дополнительные права, а также обязывают руководителя территориального ОВД организовать работу данных подразделений, что, в свою очередь, предполагает организацию проведения ими ОРД.

Полагаем, что данное обстоятельство является единственным неоспоримым аргументом, позволяющим утверждать, что руководитель территориального ОВД является непосредственным руководителем и организатором работы оперативного подразделения, которое в соответствии с ст. 13 Закона об ОРД является органом, осуществляющим ОРД.

Таким образом, учитывая обозначенные выше позиции о месте руководителя в процессе организации ОРД и мнения большинства исследователей, которые относят руководителя территориального ОВД к субъектам данной деятельности, полагаем возможным определить его роль как участника ОРД через призму осуществляемых функций.

Несмотря на то, что понятие функций руководителя является достаточно известным научным понятием, существуют различные подходы как к определению его дефиниции, так и формированию классификации.

Не вдаваясь в детали существующих в науке дискуссий о понятии функций руководителя, отметим, что, по мнению большинства

ученых, в общем виде функции руководителя представляют собой отдельные направления его деятельности в рамках исполняемых обязанностей, обеспечивающих функционирование организации и достижение целей [1, с. 175; 6, с. 399].

При этом заметим, что функции руководителя, сформулированные более 100 лет назад классиком менеджмента Анри Файо́лем, по мнению современных ученых, не утратили актуальности.

Основываясь на его выводах, суть которых он отразил в фразе «управлять – значит прогнозировать и планировать, организовывать, руководить командой, координировать и контролировать» [16, с. 17], в теории управления обобщенно выделяют пять основных классических функций руководителя: прогнозирования (или планирования), организации, руководства, координации и контроля.

Учитывая мнение ряда авторитетных ученых о том, что элементы управленческого цикла присутствуют при проведении любых сколько-нибудь сложных и объемных ОРМ и операций [13, с. 105; 14, с. 98], согласимся, что руководители территориальных ОВД также реализуют весь управленческий цикл, в ходе которого намечаются цели, определяются пути их достижения, подбираются соответствующие исполнители, ставятся конкретные задачи, проводится обучение порядку их выполнения, оказывается необходимая помощь, а на заключительном этапе – проводится контроль исполнения, корректируются первоначальное решение или меры по его реализации.

Следуя данной логике, можно предположить, что оперативно-розыскные функции руководителя территориального ОВД находятся в тесной взаимосвязи с элементами организации ОРД.

А.Д. Ульянов и Б.Е. Власов также пришли к выводу о том, что именно функции определяют содержание труда деятельность руководителя ОВД [15, с. 63]. При этом специфическими для такого рода деятельности они выделяют информационно-аналитические, координирующие, организационно-оценочные и контрольные функции.

Следовательно, рассматривая вопросы реализации должностного регламента руководителя территориального ОВД в сфере ОРД, как мы полагаем, можно утверждать, что основные его оперативно-розыскные функции лежат в плоскости организационного обеспечения деятельности подчиненного территориального органа и направлены на эффективное достижение обозначенных в законодательстве целей и решение задач ОРД.

Полагаем, что оперативно-розыскные функции руководителя территориального ОВД сосредоточены в его должностном регламенте и нормативных правовых актах, регламентирующих его деятельность в сфере организации ОРД.

Не раскрывая сути данных документов и не перечисляя многочисленные элементы их содержания, отметим, что ряд задач и обязанностей руководителя территориального ОВД по организации и контролю ОРД содержатся как в Указе Президента РФ от 21 декабря 2016 г. N 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации», так и в различных ведомственных приказах МВД России.

Из сути содержания указанных документов, а также известных в науке управления постулатов о роли руководителя в процессе организации деятельности мы можем констатировать, что руководитель территориального ОВД, реализуя задачи организации ОРД и осуществляя личный контроль за данной деятельностью, по сути, является участником процесса ОРД и тем самым реализует оперативно-розыскные функции.

Подводя итог сказанному и соглашаясь с изложенными взглядами и выводами известных ученых, отметим, что, на наш взгляд, оперативно-розыскные функции руководителя территориального ОВД представляют собой систему воздействия рассматриваемого руководителя на процесс ОРД, а также подчиненных подразделений и сотрудников с применением специальных приемов, способов для

достижения целей и решения задач данной деятельности.

Кроме того, проведенный анализ нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность ОВД и ОРД, позволил нам обратить внимание, что данные акты в основном содержат полномочия (задачи, обязанности), адресованные организации (в частности, ОВД, в том числе полиции, а также другим органам, осуществляющим ОРД), но не их руководителю. Однако по смысловому содержанию, как мы понимаем, законодатель адресует их руководителю организации, то есть руководителю ОВД.

В таком случае полагаем, что нормативные правовые акты, наделив руководителя ОВД рядом специфических полномочий в сфере ОРД, вытекающих, в частности, из основных направлений деятельности полиции и содержащихся в ст. 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции», создают основания для реализации им специфических оперативно-розыскных функций.

Данные функции, на наш взгляд, в общем виде выражены в том, что руководитель территориального ОВД:

- является организатором ОРД;
- в ряде случаев сам участвует в проведении ОРМ и тем самым является субъектом ОРМ;
- является организатором и участником работы с лицами, оказывающими содействие ОВД на конфиденциальной основе;
- выступает должностным лицом, утверждающим постановления о проведении ОРМ, в том числе ограничивающих права граждан;
- является организатором ресурсного обеспечения ОРД и осуществляет функции получателя и распределителя бюджетных ассигнований на такую деятельность.

Рассмотрим каждую из обозначенных выше функций более подробно.

1. Руководитель территориального ОВД является организатором ОРД.

По мнению ряда известных ученых и исследователей сферы организации управления в ОВД [3, с. 163; 11, с. 201], сутью деятельности руководителя территориального ОВД является руководство и управление как

подчиненными службами, подразделениями и сотрудниками с использованием различных методов, способов, приемов на основе определенных правил, так и различными присущими им видами деятельности (одним из которых является ОРД) для достижения соответствующих целей.

В частности, В.Г. Булавчик и Т.А. Грищенко, отмечая концентрацию всех компонентов управленческой и руководящей деятельности на высших руководящих должностях в организации деятельности, выделяют ключевую роль наделенного соответствующими полномочиями руководителя территориального ОВД [3, с. 163].

Выступая в роли субъекта управления процессом организации ОРД, руководитель территориального ОВД с помощью методов управления и определенных ему специальных полномочий, входящих в его компетенцию, воздействует на объект управления процессом организации ОРД (личный состав оперативных подразделений и иные субъекты ОРД) для достижения обозначенной цели такой деятельности.

Организаторскую роль руководителя территориального ОВД обозначает в первую очередь то обстоятельство, что в соответствии с нормативными правовыми актами МВД России начальник территориального ОВД является прямым, а по ряду служб и непосредственным руководителем структурных подразделений подчиненного органа.

Следовательно, ОРД, осуществляемая данными структурными подразделениями (в частности, оперативными подразделениями), реализуется под его руководством и подотчетна ему.

Необходимо подчеркнуть, что руководитель территориального ОВД выступает в роли не только организатора самого процесса ОРД, но и организатора процесса взаимодействия подразделений специальных технических мероприятий и оперативно-поисковых подразделений с другими оперативными службами в ходе ОРД.

Как мы понимаем, являясь организатором деятельности оперативных подразделений, руководитель территориального ОВД осу-

шествляет не только оперативное управление по решению ежедневных (текущих) задач, но и реализует вопросы тактического и стратегического управления.

В частности, руководитель территориального ОВД является должностным лицом, утверждающим планы основных организационных работ как самого территориального ОВД, так и его структурных подразделений (в том числе оперативных подразделений), в которых содержатся не только вопросы организации деятельности и взаимодействия служб тактического уровня, но и способы достижения перспективных целей на стратегическом уровне.

2. Руководитель территориального ОВД в ряде случаев сам участвует в проведении ОРМ и тем самым является субъектом таких мероприятий.

Интересней для целей настоящего исследования представляется содержащаяся в ст. 6 Закона об ОРД позиция законодателя, касающаяся обязанностей руководителя территориального ОВД, которая гласит, что «должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, решают ее задачи путем личного участия в организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий».

В результате проведенного исследования мы выяснили, что данная обязанность по факту реализуется в практической деятельности руководителя территориального ОВД.

При этом отметим, что в нормативных и правовых актах мы не встретили прямого упоминания об обязанности руководителя лично участвовать в проведении ОРД.

В то же время необходимо, на наш взгляд, учитывать ряд складывающихся в конкретной ситуации обстоятельств, вынуждающих руководителя территориального ОВД становиться участником ОРМ.

Например, принимая во внимание, что вопросы, касающиеся собственной безопасности ОВД, находятся в прямой компетенции руководителя такого органа, и решаются они, как обозначено в ст. 8 Закона об ОРД, «исключительно в пределах полномочий» ОВД, он априори участвует в проведении ОРМ,

проводимых в отношении подчиненных сотрудников ОВД, особенно из числа руководителей служб и подразделений.

Вывод о необходимости участия руководителя территориального ОВД в проведении ОРМ актуализируется с учетом его особого личного статуса в правоохранительной и административной системе региона. Раскрываемость ряда преступлений зависит от консолидации сил и средств различных правоохранительных и иных органов. Нередко только личный контакт руководителей данных структур позволяет оперативно реагировать на складывающуюся ситуацию и, организовывая должное взаимодействие соответствующих служб и сотрудников, достигать поставленной цели ОРД. В частности, сложность составов и квалификации преступлений, предусмотренных ст. 209 и 210 УК РФ зачастую требуют личного и непосредственного участия руководителя территориального ОВД в их раскрытии и расследовании. В основном данное обстоятельство проявляется в необходимости установления личного контакта с руководителями смежных структур, принимающих участие в их раскрытии и расследовании (в частности, ФСБ России, СК России, Росгвардии).

Соответственно, будучи фактически вынужденным принимать участие в ряде ОРМ, руководитель ОВД становится их субъектом.

3. Руководитель территориального ОВД является организатором и участником работы с лицами, оказывающими содействие ОВД на конфиденциальной основе.

Анализ нормативных и правовых актов, регламентирующих деятельность руководителя территориального ОВД и организацию оперативно-розыскной работы, позволяет нам утверждать, что данный руководитель является как организатором работы с лицами, оказывающими содействие ОВД на конфиденциальной основе (в первую очередь в силу своего должностного регламента), так и сотрудником полиции, имеющим право лично проводить такую работу и устанавливать связи.

Участие руководителя территориального ОВД в проведении ОРМ объясняется пре-

имущественно тем, что, обладая высоким статусом в иерархии властных структур региона, он в силу своего должностного положения находится в формальном и неформальном личном контакте с соответствующими его уровню руководителями региональной власти и представителями бизнес-элиты. И в ряде случаев некоторые из числа руководителей властных структур и хозяйствующих структур становятся источниками получения информации для руководителя территориального ОВД, тем самым вовлекая его в процесс личного участия в ОРМ.

Историко-сравнительный метод исследования позволил нам установить, что в прошлом имело место быть нормативное закрепление обязанности руководителя территориального ОВД лично работать с гражданами в этой сфере. В частности, в период существования СССР в системе МВД СССР действовал приказ, который предписывал руководителям территориальных ОВД лично работать с лицами, оказывающими содействие ОВД на конфиденциальной основе, подавая пример подчиненным в высоком профессионализме. К сожалению, в дальнейшем в приказах МВД России, регламентирующих организацию ОРД, данная обязанность руководителя территориального ОВД была исключена. По нашему мнению, ошибочность данного решения очевидна в силу выводов ученых в области социологии, менеджмента, психологии, педагогики, а также практических работников о том, что личный пример руководителя, являясь одним из ведущих методов индивидуального воздействия, служит залогом успеха всего коллектива и мотивацией совершенствования деятельности [7, с. 42; 8, с. 70]. Данный вывод подтверждается также многолетним опытом практической деятельности автора.

4. Руководитель территориального ОВД является должностным лицом, утверждающим постановления о проведении ОРМ, ограничивающих права граждан.

Статьей 9 Закона об ОРД определено, что к ОРМ, ограничивающим права человека и гражданина, относятся обследования помещений, зданий и сооружений, участков мест-

ности, транспортных средств (при обследовании жилых помещений); контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи.

Анализ правоприменительной практики оперативных подразделений ОВД позволяет нам констатировать, что руководитель территориального ОВД, утверждая постановления о проведении данных ОРМ, априори становится их участником. Данное право такого руководителя определено указанным законодательством и ведомственными нормативными правовыми актами.

В частности, негласное обследование жилища граждан, как и проведение других перечисленных выше ОРМ, допускается только на основании судебного решения. В то же время судья принимает такое решение только на основании постановления, утверждаемого руководителем территориального ОВД либо другим уполномоченным должностным лицом данного органа.

Кроме того, в ряде случаев (например, при возникновении угрозы жизни, здоровью, собственности, государственной, военной, экономической и экологической безопасности и не терпящих отлагательств) ч. 4 ст. 8 Закона об ОРД уполномочила руководителя территориального ОВД утверждать постановления о проведении таких ОРМ, как прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических узлов связи без судебного решения, но с обязательным уведомлением судьи.

Таким образом, полагаем, что руководитель ОВД, санкционирующий проведение данных ОРМ, в силу своих должностных обязанностей априори становится их участником ввиду информированности об их сути.

5. Руководитель территориального ОВД выступает должностным лицом, утверждающим постановления о проведении ОРМ, не ограничивающих права граждан.

Оперативно-розыскное законодательство не устанавливает отдельный перечень ОРМ, не ограничивающих права граждан. Однако смысловой анализ текста ст. 8 Закона об ОРД

позволяет нам сделать вывод, что к таким мероприятиям можно отнести ОРМ, на проведение которых нет необходимости получения судебного решения, но в то же время требующих ведомственного санкционирования.

В частности, проверочная закупка или контролируемая поставка предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, оперативный эксперимент и оперативное внедрение должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, а равно лиц, оказывающих им содействие, проводятся только на основании постановления, утвержденного руководителем территориального ОВД. При этом, как известно, к руководителям данных органов ведомственными нормативными правовыми актами отнесены их начальники и заместители начальников.

Некоторые исследователи, на наш взгляд, совершенно справедливо считают, что эффективность таких мероприятий в значительной степени зависит от наличия целенаправленного плана ее проведения [12, с. 66], который готовится на основании анализа данных о намерениях подозреваемых лиц совершить преступление, оценки оперативной обстановки, наличия необходимых возможностей для ее осуществления и в котором отражаются содержание оперативного замысла, оперативно обоснованная и конкретизированная цель, место и время проведения, расчет необходимых сил и средств, а также меры по обеспечению безопасности исполнителя.

Наличие и составление такого плана не носит обязательный характер, однако анализ результативности подразделений ОВД показывает, что те подразделения, где ОРМ проводятся на плановой основе и с детальной подготовкой, достигают лучшего эффекта.

В данном случае мы видим, что практический аспект обоснования участия руководителя ОВД в проведении таких мероприятий заключается в том, что такой план утверждается только им либо лицом, его замещающим.

Соответственно, по аналогии с ранее обозначенным можно сделать вывод, что руководитель территориального ОВД, утверждая

постановления о проведении таких мероприятий и будучи информированным об их сути, деталях событий и обстоятельствах, одновременно является участником их проведения.

6. Руководитель территориального ОВД является организатором ресурсного обеспечения ОРД и осуществляет функции получателя и распределителя бюджетных ассигнований на такую деятельность.

Сделать данное предположение нам позволило детальное изучение сути нормативных и правовых актов, регламентирующих исследуемую нами сферу деятельности, а также материалы прикладного исследования, проведенного нами среди руководителей территориальных ОВД и сотрудников оперативных служб. В частности, ведомственные приказы МВД России предоставили право руководителям территориальных ОВД на расходование денежных средств, выделяемых на осуществление ОРМ, полномочия на осуществление функций получателя и распределителя бюджетных ассигнований, обязали его обеспечивать эффективное использование бюджетных ассигнований федерального бюджета, в том числе, как мы понимаем, денежных средств, выделяемых на расходы при проведении ОРМ и работу с лицами, оказывающими содействие ОВД на конфиденциальной основе. Одновременно данными нормативными и правовыми актами руководитель территориального ОВД наделен функцией организатора иных видов ресурсного обеспечения, в частности материально-технического и кадрового.

На основании всего вышеуказанного, как мы считаем, можно резюмировать, что руководитель территориального ОВД, реализуя функции получателя и распределителя бюджетных средств, выделяемых бюджетом Российской Федерации на функционирование всего территориального органа в целом, одновременно осуществляет функции распределителя бюджетных ассигнований на ОРД.

Более того, являясь головным организатором процесса ресурсного обеспечения ОВД в регионе, руководитель рассматриваемого территориального органа может своевременно и целенаправленно перераспределять

ресурсы между службами и подразделениями в пользу решения конкретных задач и целей ОРД, а также отдельных ОРМ.

Приведенные аргументы, как мы полагаем, позволяют утверждать, что, являясь организатором и участником процесса ресурсного обеспечения ОРД, руководитель ОВД одновременно является участником такой деятельности.

Таким образом, рассмотрев вопрос об оперативно-розыскных функциях руководителя территориального ОВД, мы приходим к следующим выводам.

1. Под оперативно-розыскными функциями руководителя территориального ОВД понимается система воздействия данного руководителя на процесс ОРД, а также подчиненные подразделения и сотрудников с применением специальных приемов, способов для достижения целей и решения задач такой деятельности.

2. Оперативно-розыскные функции руководителя территориального ОВД в общем виде выражены в том, что он является орга-

низатором ОРД, в ряде случаев непосредственно сам участвует в проведении ОРМ, является организатором и участником работы с лицами, оказывающими содействие ОВД на конфиденциальной основе, выступает должностным лицом, утверждающим постановления о проведении ОРМ, ограничивающих и не ограничивающих права граждан, является организатором ресурсного обеспечения ОРД и осуществляет функции получателя и распределителя бюджетных ассигнований на такую деятельность.

3. Руководитель территориального ОВД является должностным лицом, де-юре не обозначенным в числе субъектов ОРД, но де-факто осведомленным в деталях проводимых ОРМ и в ряде специально оговоренных нормативными и правовыми актами случаев санкционирующим их проведение и принимающим участие в проведении значимых из них. С учетом данного обстоятельства авторская позиция заключается в том, что руководитель территориального ОВД является участником ОРД.

Библиографический список

1. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления : курс лекций / Г.В. Атаманчук. – Изд. 2-е, доп. – М.: Омега-Л, 2004.
2. Бакланов, Л.А. Гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : монография / Л.А. Бакланов. – Тюмень: ТИПК МВД России, 2015.
3. Болдырев, У.К. Начальник территориального органа МВД России на районном уровне как организатор правоохранительной деятельности: правовой и организационный аспект : дис. ... канд. юрид. наук / У.К. Болдырев. – М., 2018.
4. Бондарь, Т.И. Определение субъекта оперативно-розыскных мероприятий – залог соблюдения принципа законности в оперативно-розыскной деятельности / Т.И. Бондарь // Оперативно-розыскная работа. – 2013. – N 4 (210).
5. Булавчик, В.Г. Основы управления в органах внутренних дел : учебник / В.Г. Булавчик, Т.А. Грищенко. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2009.
6. Веснин, В.Р. Менеджмент : учебник / В.Р. Веснин. – М.: ТК Велби, 2006.
7. Веснин, В.Р. Практический менеджмент персонала : пособие / В.Р. Веснин. – М.: Юрист, 1998.
8. Виханский, О.С. Менеджмент : учебник / О.С. Виханский, А.И. Наумов. – М.: Гардарика, 1998.
9. Галушко, В.А. Участники оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : учебное пособие / В.А. Галушко, И.А. Вормсбехер. – Омск: Омская академия МВД России, 2019.
10. Дубоносов, Е.С. Оперативно-розыскная деятельность : учебник для вузов / Е.С. Дубоносов. – М.: Юрайт, 2012.

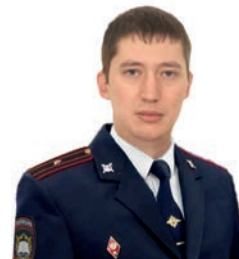

11. Маркушин, А.Г. Основы управления в органах внутренних дел : учебник для вузов / А.Г. Маркушин, В.В. Казаков. – М.: Юрайт, 2018.
12. Михайлов, В.И. Контролируемая поставка как оперативно-розыскная операция : учебно-практ. пособие / В.И. Михайлов ; под ред. А.Ю. Шумилова. – М.: Изд. Шумилова И.И., 1998.
13. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / под ред. А.Е. Чечётин. – 3-е изд., доп. и перераб. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2007.
14. Синилов, Г.К. Правовые, информационные и тактические основы оперативно-розыскной деятельности советской милиции / Г.К. Синилов. – М., изд. ВНИИ МВД СССР, 1975.
15. Ульянов, А.Д. Организация труда руководителя территориального органа (подразделения) МВД России А.Д. Ульянов, Б.Е. Власов // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – N 1 (49).
16. Файоль, А. Общая промышленная администрация. 1916 / А. Файоль. – СПб.: «Петрополис», 2000.
17. Чечётин, Е.А. Обеспечение прав личности при проведении при проведении оперативно-розыскных мероприятий : дис. ... докт. юрид. наук / А.Е. Чечётин. – Омск, 2016.

Александр Викторович ШЕСЛЕР,

профессор кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), доктор юридических наук, профессор
sofish@inbox.ru

Виктор Александрович ШЕСЛЕР,

преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности ОВД Сибирского
юридического института МВД России (г. Красноярск)
victor444@inbox.ru

РАЗВИТИЕ НОРМЫ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ, ИМЕЮЩИХ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ

DEVELOPMENT OF THE NORM ON CRIMINAL LIABILITY FOR THEFT OF ITEMS OF SPECIAL VALUE

В статье на основе анализа норм УК РСФСР и УК РФ рассмотрены тенденции развития уголовно-правового запрета на хищение предметов, имеющих особую ценность. Обращено внимание на то, что законодатель не всегда рассматривал такие хищения как специальные. До издания в 1994 г. отдельной нормы, устанавливающей уголовную ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность, такие посягательства квалифицировались как хищения личной или социалистической собственности, что препятствовало их корректной правовой оценке. Отражено, что за период существования этого запрета изменялись его наказуемость, квалифицирующие признаки и возраст, с которого наступает ответственность за его совершение.

Based on the analysis of the norms of the Criminal Code of the RSFSR and the Criminal Code of the Russian Federation, the article considers the trends in the development of the criminal law prohibition on the theft of items of special value. Attention is drawn to the fact that the legislator did not always consider such embezzlement as special. Prior to the publication in 1994 of a separate rule establishing criminal liability for the theft of items of special value, such attacks were classified as the theft of personal or socialist property, which prevented their correct legal assessment. It is reflected that during the period of the existence of this ban, its punishability, qualifying characteristics, and the age at which responsibility for its commission begins changed.

Ключевые слова: история, уголовная ответственность, хищение, предмет, особая ценность.
Keywords: history, criminal liability, theft, object, special value.

В настоящее время законодатель дифференцирует уголовную ответственность за хищения исходя из особенностей предмета преступления. Так, если предметом хищения выступает обычное имущество, то такое деяние влечет наказуемость по ст. 158-162 главы 21 (преступления против собствен-

ности) УК РФ. Если похищенное имущество обладает особой ценностью, ответственность наступает по ст. 164 УК РФ. Ответственность за хищение предметов, представляющих угрозу общественной безопасности или здоровью населения, предусмотрена другими нормами глав УК РФ. Хищение ядерных материа-

лов или радиоактивных веществ карается по ст. 221 УК РФ, хищение оружия – по ст. 226 УК РФ, хищение наркотических средств или психотропных веществ – по ст. 229 УК РФ.

Вместе с тем законодатель не всегда дифференцировал уголовную ответственность за хищения, исходя из специфики его предмета. В первоначальной редакции УК РСФСР 1960 г. специальные виды хищений не выделялись. Уголовная ответственность за хищение предметов, обладающих особыми свойствами (оружие, наркотические средства, ядерные материалы), наступала по тем же нормам, что и за хищение предметов, такими свойствами не обладающих (деньги, продукты питания), а именно по нормам главы 2 (преступления против социалистической собственности) или главы 5 (преступления против личной собственности граждан) УК РСФСР, исходя из принадлежности похищенных предметов государству или гражданам.

Однако с 1967 г. отечественный законодатель стал обращать внимание на то, что хищения предметов, обладающих специфическими свойствами, посягают не только, а в отдельных случаях и не сколько на отношения, обеспечивающие охрану социалистической или личной собственности граждан, но и на иные отношения, оценка посягательств на которые нормами главы 2 или главы 5 УК РСФСР не позволяла учесть повышенную общественную опасность таких хищений.

Так, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 июня 1967 г. «О внесении дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» в главу 10 (преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения) УК РСФСР была введена ст. 218.1, предусматривающая наказуемость хищения огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ. Это было связано с тем, что хищение предметов, указанных в ст. 218.1 УК РСФСР, посягало как на отношения собственности, так и на общественную безопасность, необходимость уголовно-правовой охраны которой от таких деяний была социально обусловлена [5, с. 40].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июля 1974 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РСФСР» была установлена уголовная ответственность за хищение наркотических веществ (ст. 224.1 УК РСФСР). До введения этой статьи в действие хищения наркотических веществ квалифицировались как преступления против социалистической или личной собственности. Это приводило к тому, что уголовные дела по факту хищения наркотических веществ не возбуждались, а возбужденные уголовные дела прекращались за малозначительностью деяния в связи с незначительной их стоимостью [7, с. 72]. Получалось, что от таких хищений общественные отношения, обеспечивающие безопасность здоровья населения от немедицинского потребления наркотических веществ, не охранялись [подр.: 10, с. 6-32], что и обусловило необходимость криминализации хищения наркотических веществ как специального вида хищения.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 марта 1988 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» в УК РСФСР была введена ст. 223.3, устанавливающая наказуемость хищения радиоактивных материалов. Введение этой нормы в УК РСФСР было связано с тем, что в 1980 г. Организация Объединенных Наций обязала государства создавать надежные преграды противоправному использованию радиоактивных материалов: принимать меры по предотвращению возможного их хищения, утери или неконтролируемого использования [3, с. 13].

До 1994 г. уголовная ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность, в виде специальной нормы не предусматривалась. Однако законодатель в уголовном законе обращал внимание на ценность некоторого имущества для государства, организаций и граждан. Так, в ст. 97 УК РСФСР устанавливалась ответственность за присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного ценного имущества, заведомо

принадлежащего государству или общественной организации. Под ценным имуществом понималось имущество, обладающее относительно большой стоимостью либо имеющее историческое или художественное значение [4, с. 456]. В приложении к УК РСФСР предусматривался запрет конфискации у граждан по приговору суда предметов, имеющих художественную ценность.

До установления отдельной нормы, предусматривающей ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность, такие деяния квалифицировались как преступления против социалистической или личной собственности граждан. Такая квалификация не позволяла отражать повышенную общественную опасность посягательства на отношения, обеспечивающие сохранность исторического, научного, художественного и культурного наследия [8, с. 19], которым неизбежно причинялся вред в результате этого хищения. И это несмотря на невозможность ущерба, наносимого такими посягательствами культуре и общественной нравственности [1, с. 4; 9, с. 11]. Кроме того, отсутствие специального уголовно-правового запрета на хищение предметов, имеющих особую ценность, препятствовало исполнению обязательств по охране «достояния, состоящего из культурных ценностей от опасностей кражи и тайных раскопок», предусмотренных Конвенцией от 14 ноября 1970 г. «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности», ратифицированной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1988 г. N 8423-XI.

На эти обстоятельства законодатель обратил внимание только 1 июля 1994 г., введя Федеральным законом N 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» в УК РСФСР ст. 147.2, устанавливающую уголовную ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность. В этой статье предусматривалась наказуемость хищения предметов или документов, имеющих особую историческую, научную или культурную ценность, независимо от спо-

соба хищения. В примечании к ст. 144 УК РСФСР (кража) указывалось, что в ст. 147.2 УК РСФСР под хищением понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Соответственно, такие признаки, как корыстная цель, противоправность, безвозмездность и имущественный ущерб, выступали конструктивными признаками хищения, предусмотренного ст. 147.2 УК РСФСР.

Рассматриваемая норма отличалась законодательной компактностью. Такие квалифицирующие признаки, как, например, сопряженность хищения с незаконным проникновением в жилище, совершение хищения группой лиц по предварительному сговору и др., в данной норме не предусматривались, что препятствовало дифференциации уголовной ответственности за хищения при указанных обстоятельствах. Наличие определенных отягчающих обстоятельств, перечисленных в ст. 39 УК РСФСР, могло быть учтено при индивидуализации наказания. Ведь, как справедливо отмечается в специальных исследованиях, «дифференциация уголовной ответственности и наказания является средством законодательной оценки общественной опасности преступлений определенного вида» [6, с. 48].

Хищение предметов, имеющих особую ценность, наказывалось лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой. Это хищение характеризовалось умышленной формой вины и в силу того, что представляло повышенную общественную опасность, относилось к тяжким преступлениям (ст. 7.1 УК РСФСР). До введения этой нормы в действие хищения предметов, имеющих особую ценность, совершенные в форме кражи, грабежа, мошенничества, присвоения или растраты, при отсутствии отягчающих обстоятельств тяжкими преступлениями не признавались.

В силу ст. 10 УК РСФСР уголовная ответственность за такое хищение наступала с 14 лет, то есть законодатель понизил воз-

растной порог уголовной ответственности за это хищение в форме мошенничества. Ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность, в форме мошенничества до введения ст. 147.2 УК РСФСР наступала с 16 лет (ст. 10 УК РСФСР в редакции от 27 августа 1993 г.).

25 апреля 1995 г. в постановлении N 5 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности» Пленумом Верховного Суда РФ было дано разъяснение о том, что особая историческая, научная и культурная ценность похищенных предметов или документов (ст. 147.2 УК РСФСР) определяется на основании экспертного заключения с учетом не только их стоимости в денежном выражении, но и значимости для истории, науки, культуры. Другие разъяснения по поводу практического применения этой статьи высшим судебным органом не давались.

Федеральным законом от 13 июня 1996 г. N 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» уголовная ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность, установлена в ст. 164 УК РФ. В ч. 1 этой статьи предусматривалась наказуемость хищения предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, независимо от способа хищения. Совершение этого преступления влекло наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой, в связи с чем такое хищение признавалось тяжким преступлением (ч. 4 ст. 15 УК РФ).

С введением в действие УК РФ законодатель усилил ответственность лиц, совершивших хищение предметов, имеющих особую ценность, при определенных обстоятельствах. В ч. 2 ст. 164 УК РФ введены такие квалифицирующие признаки хищения, как его совершение группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а» ч. 2 ст. 164 УК РФ), неоднократно (п. «б» ч. 2 ст. 164 УК РФ). В п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ усиливалась наказуемость хи-

щения, повлекшего уничтожение, порчу или разрушение похищенных предметов или документов. Хищение при наличии квалифицирующих признаков наказывалось лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с обязательной конфискацией имущества и признавалось особо тяжким преступлением (ч. 5 ст. 15 УК РФ).

К числу преступлений, ответственность за которые наступает с четырнадцатилетнего возраста, законодатель хищение, предусмотренное ст. 164 УК РФ, не отнес. Уголовная ответственность за совершение этого преступления наступала с 16 лет (ст. 20 УК РФ). Вместе с тем в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ уголовная ответственность за кражу (ст. 158 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ) и разбой (ст. 162 УК РФ) наступала с 14 лет. Думается, что, предусматривая общий возраст уголовной ответственности за хищение, предусмотренное ст. 164 УК РФ, законодатель исходил из того, что недостижение лицом шестнадцатилетнего возраста не позволяет осознавать им общественную опасность своих действий (бездействий) и препятствует предвидению возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий в виде ущерба исторической или духовной памяти в результате хищения предметов, имеющих особую ценность. Однако такой подход законодателя не только привел к ослаблению уголовно-правовой охраны предметов, имеющих особую ценность, но и ослабил охрану жизни и здоровья граждан от таких посягательств, сопряженных с насилием. Так, к примеру, лицо в возрасте 15 лет, совершившее хищение ценных предметов путем угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья, не подлежало уголовной ответственности. Это при том, что хищение культурных ценностей нередко сопровождается посягательствами на жизнь [2, с. 64]. Вместе с тем такое же лицо, совершившее хищение продуктов питания путем угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья, к уголовной ответственности привлекалось (ст. 162 УК РФ). Укажем, что и в действующем УК РФ установлен общий возраст уголовной ответственности за хище-

ние предметов, имеющих особую ценность, поэтому обозначенная проблема остается актуальной.

27 декабря 2002 г. Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» дано разъяснение о том, что особая историческая, научная, художественная или культурная ценность похищенных предметов или документов (ст. 164 УК РФ) (независимо от способа хищения) определяется на основании экспертного заключения с учетом не только их стоимости в денежном выражении, но и значимости для истории, науки, искусства или культуры. Другие разъяснения по этому преступлению высшим судебным органом не давались.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» такой квалифицирующий признак, как хищение предметов, имеющих особую ценность, совершенное неоднократно, из ст. 164 УК РФ исключен. Это было связано с отказом законодателя от использования института неоднократности в уголовном законе. Также указанным законом внесены изменения в санкции ст. 164 УК РФ. Наказание в виде конфискации имущества исключено, а санкции ч. 1 и ч. 2 ст. 164 УК РФ дополнены наказанием в виде штрафа в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового. Срок наказания в виде лишения свободы не изменился и составил по ч. 1 ст. 164 УК РФ от шести до десяти лет, по ч. 2 ст. 164 УК РФ – от восьми до пятнадцати лет.

С 11 декабря 2003 г. диспозиция ст. 164 УК РФ и его квалифицирующие признаки не изменялись.

Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. N 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» ч. 1 ст. 164 УК

РФ дополнена альтернативным наказанием в виде ограничения свободы на срок до одного года, ч. 2 ст. 164 УК РФ – ограничения свободы на срок до двух лет.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. N 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» ч. 1 ст. 164 УК РФ дополнена наказанием в виде принудительных работ на срок до пяти лет. Более до настоящего времени изменения в санкцию ст. 164 УК РФ не вносились.

Таким образом, по результатам рассмотрения истории развития нормы о хищении предметов, имеющих особую ценность, можно сделать следующие выводы:

- до 1994 г. хищение предметов, имеющих особую ценность, в качестве специального вида хищения не выделялось, ответственность за такое посягательство наступала по нормам главы 2 (преступления против социалистической собственности) или главы 5 (преступления против личной собственности граждан) УК РСФСР, исходя из принадлежности предмета хищения и формы хищения;

- введение в 1994 г. в УК РСФСР ст. 147.2, предусматривающей ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность, позволило наиболее полно оценивать характер посягательства на отношения, обеспечивающие охрану культурных, исторических и духовных ценностей, которым причинялся вред при таком хищении и уголовно-правовая оценка посягательств на которые по общим нормам о хищении была неполной;

- с введением в действие в 1994 г. ст. 147.2 УК РСФСР законодатель понизил возрастной порог ответственности за это хищение в форме мошенничества, установив его с четырнадцатилетнего возраста; до 1994 г. уголовная ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность, совершенное в форме мошенничества, наступала с 16 лет;

- в 1996 г. законодатель повысил возраст, с которого наступает уголовная ответственность за хищение предметов, имеющих

особую ценность, до шестнадцати лет, что привело к ослаблению не только уголовно-правовой охраны предметов, имеющих особую ценность, но и ослабило охрану жизни и здоровья граждан, которым мог причиняться вред такими посягательствами;

– в УК РФ законодатель усилил ответственность лиц, совершивших хищение предметов, имеющих особую ценность, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а» ч. 2 ст. 164 УК РФ), неоднократно (п. «б» ч. 2 ст. 164 УК РФ), и ответственность лиц, совершивших хищение, повлекшее уничтожение, порчу или разрушение похищенных предметов или документов (п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ); впослед-

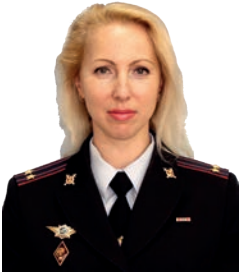
ствии признак неоднократности был исключен из ст. 164 УК РФ;

– в 2003 г. наказание за хищение, предусмотренное ст. 164 УК РФ, в виде конфискации имущества исключено, в санкцию этой нормы добавлено наказание в виде штрафа, в 2009 г. – в виде ограничения свободы, в 2011 г. – в виде принудительных работ;

– с 2003 г. по настоящее время диспозиция ст. 164 УК РФ и квалифицирующие признаки деяния не изменялись, с 2011 г. по настоящее время в эту статью изменения и дополнения не вносились, что указывает на относительную стабильность уголовно-правового запрета на хищение предметов, имеющих особую ценность.

Библиографический список

1. Дербог, С.Г. Специальные виды хищения и вымогательства: проблемы криминализации и перспективы оптимизации их законодательного описания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / З.И. Дербог. – Краснодар, 2015. – 28 с.
2. Клебанов, Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей / Л.Р. Клебанов ; под науч. ред. А.В. Наумова. – М.: Норма : ИНФРА. М, 2011. – 352 с.
3. Ковалева, Р.Р. Уголовная ответственность за преступления, связанные с оборотом ядерных материалов и радиоактивных веществ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Р.Р. Ковалева. – Казань, 2004. – 26 с.
4. Курс советского уголовного права. Часть Особенная : в 6 т. Т. 3. – М.: Издательство «Наука», 1970. – 835 с.
5. Мальков, С.М. Уголовная ответственность за хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : монография / С.М. Мальков. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2002. – 231 с.
6. Мальков, С.М. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика Российской Федерации : монография / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. – 128 с.
7. Мирошниченко, Н.А. Уголовно-правовая борьба с наркоманией / Н.А. Мирошниченко, А.А. Музыка. – К.; Одесса: Выща шк., 1988. – 207 с.
8. Прокументов, Л.М. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. – Новосибирск: ООО «Альфа_Порте», 2014. – 112 с.
9. Сабитов, Т.Р. Охрана культурных ценностей : уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Т.Р. Сабитов. – Омск, 2002. – 31 с.
10. Шеслер, В.А. Уголовно-правовой анализ состава хищения либо вымогательства наркотических средств или психотропных веществ : учебное пособие / В.А. Шеслер. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. – 64 с.

Галина Николаевна МИРОНОВА,

старший преподаватель кафедры уголовного права
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук

mgn2007@mail.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АРБИТРА (ТРЕТЕЙСКОГО СУДЬИ)

CRIMINAL LIABILITY OF AN ARBITRATOR (ARBITRATOR)

В рамках статьи проводится анализ состава преступления, предусмотренного статьей 200.7 УК РФ, а также иных составов преступлений с позиции привлечения к ответственности арбитра (третейского судьи) за совершение незаконных действий, связанных с его функциями и полномочиями. Автор приходит к выводу о необходимости включения в УК РФ самостоятельной нормы, предусматривающей ответственность за злоупотребление полномочиями арбитра (третейского судьи), а также включения в перечень оснований для конфискации имущества (п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ) статьи 200.7 УК РФ.

The article analyzes the corpus delicti under Art. 2007 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as other corpus delicti from the standpoint of bringing an arbitrator (arbitrator) to responsibility for committing illegal actions related to his functions and powers. The author comes to the conclusion that it is necessary to include in the Criminal Code of the Russian Federation an independent norm providing for liability for abuse of the powers of an arbitrator (arbitrator), as well as including in the list of grounds for confiscation of property (clause «a», part 1 of article 1041 of the Criminal Code of the Russian Federation), Art. 2007 Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: уголовная ответственность, коррупционные правонарушения, арбитр, третейский судья, злоупотребление полномочиями, подкуп, подкуп арбитра (третейского судьи), конфискация имущества.

Keywords: criminal liability, corruption offenses, arbitrator, arbitrator, abuse of power, bribery, bribery of an arbitrator (arbitrator), confiscation of property.

Системный подход к охране прав и свобод человека и гражданина от коррупционных проявлений предполагает разработку и внедрение комплексных мер, связанных в том числе с установлением необходимых уголовно-правовых запретов.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 27 октября 2020 г. № 352-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уго-

ловно-процессуального кодекса Российской Федерации» гл. 22 УК РФ была дополнена ст. 200.7, закрепляющей уголовную ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи).

Данные изменения явились следствием реализации Российской Федерацией Конвенции Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию» (1999 г.), а также Дополнительного протокола к Конвенции

(Страсбург, 15 мая 2003 года)¹. Необходимость введения нормы ст. 200.7 УК РФ достаточно определенно обозначена в пояснительной записке к данному законопроекту и не вызывает сомнений. В ней, в частности, указывается, что «отсутствие уголовной ответственности третейских судей за получение незаконного вознаграждения существенно увеличивает риск коррупционных правонарушений арбитров (третейских судей) в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц вопреки задачам своей деятельности»².

Комплексный подход к формированию уголовно-правовых запретов предполагает, что охраняемые правоотношения должны быть защищены не только от единичных проявлений общественно опасных действий, но и от всех форм преступных деяний.

Структура новой нормы схожа со структурой нормы ст. 204 УК РФ и содержит два самостоятельных основных состава: подкуп арбитра (третейского судьи) (чч. 1-4 ст. 200.7 УК РФ) и незаконное получение арбитром (третейским судьей) предмета подкупа (чч. 5-8 ст. 200.7 УК РФ). Содержание же объективной стороны указанных преступлений аналогично преступлениям, указанным в ст. 290, 291 и 204 УК РФ, которые в своей совокупности являются средствами борьбы с подкупом в различных сферах (службы в органах государственной власти, органах местного самоуправления и т.д., а также службы в коммерческих и иных организациях).

Система антикоррупционных норм, закрепленных в гл. 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях», строится на запрете не только коммерческого подкупа, но и злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ). Глава 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной

службы и службы в органах местного самоуправления» также содержит запреты не только злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), но и превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). По сути, арбитр (третейский судья) при выполнении своих полномочий также использует полномочия, схожие с полномочиями представителя власти (имеет право принимать решения, обязательные для исполнения гражданами и организациями [б. с. 577]), а соответственно, именно данная функция представляет интерес с точки зрения коррупционных проявлений. Самостоятельность специального субъекта преступлений – арбитра (третейского судьи), обусловленная характером его деятельности, предопределила закрепление в УК РФ упомянутой нормы. Однако странным выглядит тот факт, что данная сфера правоотношений потребовала охраны только от одного деяния подкупа и не затронула всех иных возможных форм преступной деятельности в сфере реализации функций арбитра (третейского судьи).

Так, диспозиция нормы, предусмотренной ст. 200.7 УК РФ, содержит в себе обязательные признаки получения предмета подкупа, предполагающие, что подкуп получается лицом «за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в полномочия арбитра (третейского судьи) либо если он в силу своего положения может способствовать указанным действиям (бездействию)». Содержание же данных действий определяется в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2002 г. N 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» и предполагает наличие таких полномочий, злоупотребление которыми или превышение которых влечет существенное нарушение прав и законных интересов граждан или ор-

1 Дополнительный протокол к Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию Страсбург, 15 мая 2003 года «Данный Протокол распространяет действие Конвенции на арбитражных судей по торговым, гражданским и иным вопросам, а также на присяжных заседателей, дополняя таким образом положения Конвенции, направленные на защиту судебных органов от коррупции». URL: <https://anticor.hse.ru/main/organization/GRECO> (дата обращения 11.01.2021).

2 Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях установления ответственности арбитров (третейских судей) за коррупцию». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/931211-7> (дата обращения 12.01.2021).

ганизаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Однако уголовное законодательство не содержит самостоятельных норм, предусматривающих ответственность за такое злоупотребление полномочиями или превышение полномочий арбитра (третейского судьи). В соответствии со ст. 6 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» третейский суд *принимает решение либо применяет нормы права и разрешает спор* (выделено нами – Г.М.). Его решение носит обязательный характер в отношении сторон, участвующих в споре, и может быть принудительно исполнено на основании исполнительного листа, а соответственно, существенным образом затрагивает имущественные (финансовые) интересы сторон. Возможность рассмотрения споров третейскими судами в зависимости от регулируемой сферы общественных отношений предусмотрена различными нормативно-правовыми актами, например, Земельным кодексом Российской Федерации (ст. 64), Федеральными законами от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (ст. 4), от 4 декабря 2007 г. N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (ст. 36.3), от 29 декабря 2015 г. N 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

Кроме того, в самом Федеральном законе «О третейских судах в Российской Федерации» содержалось указание на основания отмены решения и отказа в выдаче исполнительного листа, например установление судом того, что «решение третейского суда нарушает основополагающие принципы российского права» (ст. 40, 42, 44-46)³. Уже

само наличие данных оснований свидетельствует о возможности вынесения подобного неправомерного предвзятого решения в рамках имеющихся полномочий. При этом даже наличие возможности оспаривания указного решения не означает отсутствия общественной опасности в вынесении предвзятого решения (даже при отсутствии признаков подкупа).

Подтверждением возможности злоупотребления полномочиями арбитра (третейского судьи) может служить, например, разбирательство по поводу вынесения решения третейского суда (незаинтересованность которого подвергалась сомнению) по спору между организацией и ее должником⁴. Вынося решение, Конституционный Суд РФ указал, что «независимость третейского судьи от сторон подразумевает отсутствие между ними трудовых, гражданско-правовых и иных отношений, а беспристрастность обеспечивается законодательным закреплением ряда специальных требований к третейскому судье»⁵.

Таким образом, лица, совершившие действия вопреки интересам их деятельности как арбитров (третейских судей), являющиеся субъектами ст. 200.7 УК РФ, в случае отсутствия (недоказанности) факта подкупа на сегодняшний день не могут подлежать уголовной ответственности за злоупотребление своими полномочиями даже в случае вынесения предвзятого и незаконного решения.

В связи с этим актуально следующее разъяснение Пленума Верховного Суда РФ: «Совершение должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, за взятку либо незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе действий (бездействия), образующих самостоятельный состав

3 По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 N 10-п.

4 Конституционный Суд уточнил полномочия третейских судов по жалобе Сбербанка. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/11/2014/546de832cbb20f9206d56cf0> (дата обращения 12.01.2021).

5 По делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2 части 3 статьи 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Сбербанк России» : постановление Конституционного Суда РФ от 18.11.2014 N 30-П.

преступления, не охватывается объективной стороной преступлений, предусмотренных статьей 290 и частями 3 и 4 статьи 204 УК РФ. В таких случаях содеянное взяточполучателем подлежит квалификации по совокупности преступлений как получение взятки за незаконные действия по службе и по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, служебный подлог, фальсификацию доказательств и т.п.»⁶.

В случае же вынесения неправомерного решения либо совершения иных действий в рамках своих полномочий арбитром (третейским судьей), а также в случае выхода за пределы своих полномочий действия лица невозможно оценить с точки зрения УК РФ при отсутствии подкупа.

В связи с особенностями процедуры разбирательства в третейском суде представляется, что вынесение решения арбитром не образует признаков преступлений, предусмотренных, например, ст. 292, 285, 286, 302 УК РФ. Отсутствие статуса судьи и как такового судебного разбирательства не позволяет оценивать решение арбитра как вынесение заведомо неправомерного приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ).

Факт введения уголовной ответственности за подкуп арбитра (третейского судьи) предполагает, что его полномочия требуют особой охраны не только от внешнего воздействия (со стороны «подкупателя»), но и от самостоятельного, возможно, не обусловленного подкупом неправомерного поведения. В противном случае возникает противоречие, выражающееся в том, что сами неправомерные действия арбитра уголовно не наказуемы, но те же действия, обусловленные подкупом, уже образуют признаки состава преступления.

Так, является устоявшейся и распространенной практика привлечения по ст. 285,

286, 201 УК РФ лиц, которые за «вознаграждение» совершили такие действия в пользу взяткодателя, которые сами по себе образуют состав преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ и др.⁷, по совокупности со ст. 204, 291 УК РФ соответственно [1, с. 6-8; 5; 7, с. 34-43]. Представляется, что такая же практика должна быть распространена и на неправомерные действия арбитра (третейского судьи).

Подтверждением этому служат и включенные законодателем в УК РФ (одновременно со ст. 200.7 УК РФ) нормы, предусматривающие ответственность не только за подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок (ст. 200.5 УК РФ), но и за злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.4 УК РФ), совершенные различного рода субъектами, не обладающими признаками должностного лица и не осуществляющими функции представителя власти, не выполняющими организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции. По смыслу данных норм перечисленные лица, даже не обладая функциональными полномочиями должностного лица и выполняя, как правило, технические функции, могут злоупотребить имеющимися у них полномочиями. В то же время арбитр (третейский судья), вынося принципиальные значимые решения при разрешении спора хозяйствующих субъектов, по непонятной причине, по мнению законодателя, не может злоупотребить своими полномочиями либо же не должен нести уголовную ответственность за такое незаконное решение.

Исходя из концепции полноты описания и необходимости введения ответственности за любые возможные коррупционные правонарушения, с вышеописанным подходом законодателя в части регламентации уголовной ответственности арбитра (третейского судьи) согласиться сложно.

6 О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 N 24.

7 Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. N 11. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/newsletters/1707/>.

В целях устранения указанного противоречия предлагаем дополнить УК РФ соответствующей нормой, устанавливающей уголовную ответственность за совершение арбитром (третейским судьей) неправомερных действий в пределах своей компетенции, а также действий, явно выходящих за пределы его полномочий, которые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Структура данной нормы может быть схожа со структурой норм, предусмотренных ст. 201, 285 УК РФ, и быть сформулирована следующим образом:

«Использование арбитром (третейским судьей) своих полномочий вопреки законным интересам, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, – наказывается...»

Кроме того, изменения УК РФ в части введения уголовной ответственности за подкуп арбитра (третейского судьи) (ст. 200.7 УК РФ) не затронули нормы ст. 104.1 104.3 УК РФ, регламентирующие конфискацию

имущества. Отсутствие указанного коррупционного преступления в перечне преступлений, за совершение которых предусмотрена конфискация имущества, приводит к невозможности применения данной меры уголовно-правового характера в отношении арбитров (третейских судей), получивших подкуп. Соответственно, в отношении данной категории лиц необоснованно не реализуется один из самых действенных механизмов противодействия коррупции. Даже наличие в санкции данной статьи наказания в виде штрафа не позволит решать вопрос правового статуса имущества, полученного в результате совершения преступления, а соответственно, законодательный пробел придется решать на практике, используя другие правовые средства [подр.: 3, с. 23-25].

Возможно, такое исключение произошло вследствие технической ошибки, однако же она непременно требует устранения, и в перечень предметов, подлежащих конфискации, предусмотренный п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, должно быть отнесено имущество, полученное в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 200.7 УК РФ.

Библиографический список

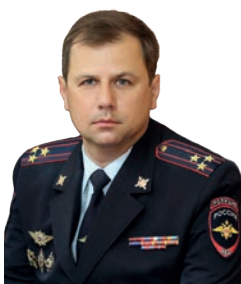
1. Борков, В.Н. Квалификация получения взятки, совершенного при отягчающих обстоятельствах / В.Н. Борков // Законодательство и практика. – 2014. – N 2. – С. 6-8.
2. Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом : учебное пособие / под ред. С. А. Авакьяна [и др.]. – М.: Юстицинформ, 2016. – 568 с.
3. Миронова, Г.Н. Предмет конфискации при мелком коммерческом подкупе и мелком взяточничестве / Г.Н. Миронова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – N 1. – С. 121-125.
4. Михайлов, В. Международные антикоррупционные стандарты и их отражение в законодательстве Российской Федерации / В. Михайлов // Уголовное право. – 2013. – N 5. – С. 93-96.
5. Сердюкова, Е.В. Взятничество: вопросы квалификации / Е.В. Сердюкова. – Ставрополь, 2015. – 78 с.
6. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. М.В. Бавсуна. – 2-е изд. перераб. и доп. – Омск: Омская академия МВД России, 2020. – 577 с.
7. Яни, П.С. Взятка за незаконные действия. Квалификация действий, совершенных за взятку / П.С. Яни // Криминалисть. – 2008. – N 3. – С. 34-43.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОУГРОЗЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

УДК 343.9

DOI 10.51980/2542-1735_2021_3_57

Владимир Олегович ДАВЫДОВ,
заместитель начальника Управления МВД России
по Тульской области (г. Тула), доктор юридических
наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России,
лауреат премии МВД России в области науки
VladDv71@yandex.ru

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ И СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

TO THE QUESTION OF THE ILLICIT TRAFFIC MECHANISM NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC AND POTENT SUBSTANCES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS TECHNOLOGIES

В статье рассматриваются криминалистически значимые аспекты механизма незаконного оборота наркотических средств, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и средств дистанционной коммуникации. Исследуются способы осуществления преступного «бизнеса» подобного рода, структурное построение и функционал звеньев организованных преступных формирований. Полученные автором результаты могут быть использованы при формировании криминалистической характеристики преступлений такого вида, а также выработки комплекса мер превентивного характера, в том числе в информационно-телекоммуникационном пространстве глобальной сети Интернет.

The article deals with criminological significant aspects of the mechanism of illicit drug trafficking committed using information and telecommunication technologies and means of remote communication. Ways to carry out criminal «business» of this kind, structural construction and functionality of links of organized criminal groups are being investigated. The results obtained by the author can be used in the formation of a forensic characteristic of crimes of this type, as well as in the development of a set of preventive measures, including in the information and telecommunications space of the global Internet.

Ключевые слова: наркотические средства, незаконный оборот, дистанционная коммуникация, виртуальное пространство, интернет-магазин, механизм преступления.

Keywords: narcotic drugs, illicit trafficking, remote communication, virtual space, online store, crime mechanism.

Среди криминальных угроз XXI века особое место в силу масштабности негативных проявлений для социума занимает незаконный оборот наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ.

В условиях современного информационного общества механизм преступной деятельности рассматриваемого вида интенсивно трансформируется в части активного использования злоумышленниками дистанционных способов совершения преступных деяний, позволяющих в определенной степени повысить анонимность и криминальную безопасность лиц, их совершающих. Проиллюстрируем приведенный тезис сведениями официальной статистики Главного информационно-аналитического центра МВД России: в 2020 году на территории Российской Федерации были зарегистрированы 189,9 тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, при этом четверть из них совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и систем электронных платежей¹.

Теневого электронный рынок DarkNet, коммуникационные приложения, защищенные шифрованием (например, кроссплатформенные мобильные мессенджеры «Telegram», «Signal», «WhatsApp» и др.), и другие инструменты дистанционной коммуникации играют все более значимую роль в незаконном обороте наркотиков, снижая количество личных контактов преступников при «сделках», уменьшая зависимость криминального бизнеса от наличных денег как формы оплаты.

Специалистами в сфере кибербезопасности Великобритании был проведен анализ содержимого выборки web-сайтов сетей DarkNet, осуществленной посредством поискового агрегатора, настроенного на отслеживание и категоризацию контента по ряду ключевых слов (в их числе, например, weapons – оружие, extremism – экстремизм, drugs – наркотики и др.). Из 5205 обследо-

ванных web-сайтов (ед.) нелегальный контент удалось отыскать на 1547. При этом наиболее широко распространенными явились именно виртуальные площадки для торговли наркотическими веществами [6, с. 9].

Заметим, что сами виртуальные площадки, как правило, непосредственно продажей наркотических средств не занимаются – этот криминальный функционал реализуют специализированные web-сайты, так называемые электронные интернет-магазины, выступающие в роли продавцов. Каждый из таких «магазинов» перечисляет виртуальной площадке ежемесячную арендную плату за пользование инфраструктурой интернет-сегмента, размер которой зависит от выбранного «плана обслуживания» (обычный, доверенный, топовый), позволяющего доминировать в поисковых запросах на web-сайте. Виртуальные площадки также берут комиссию с каждой «наркотической» сделки, размер которой напрямую зависит от суммы последней [7, с. 47].

Более того, виртуальные площадки могут выступать в качестве «реферри» в случаях возникновения спорных ситуаций между «клиентом» и электронным интернет-магазином и финансово наказать последний в случае нарушения установленных правил «торговли» (например, в случаях, когда покупателю подменили «товар» или «закладка» была сделана вблизи государственного учреждения и т.д.). Однако, если электронный интернет-магазин не согласен с принятым решением, в спор вправе вмешаться модератор виртуальной площадки.

Остановимся на некоторых криминалистически значимых, на наш взгляд, элементах механизма осуществления подобной «торговли» подробнее, заметив при этом, что с позиций криминалистики такие сведения традиционно могут (и должны) использоваться субъектом расследования в целях всестороннего уяснения обстоятельств преступной деятельности данного вида, а также выработки мер профилактики, реализуемых криминалистическими средствами и методами [подр.: 1, с. 51].

1 Преступность и правонарушения в Российской Федерации (2020) : статистический сборник. М.: ГИАЦ МВД России, 2021.

Безусловно, прав профессор А.М. Кустов, указывающий, что механизм преступления представляет собой последовательный поэтапный ряд процессов взаимодействия, в результате которых проявляются следы-отражения, содержащие криминалистически значимую информацию о самом преступлении и его участниках [5, с. 28]. Полагаем, что и вектор криминалистического исследования должен быть направлен на изучение, во-первых, системы признаков и качеств субъекта преступления, а во-вторых, элементов его преступной деятельности.

Изучение правоохранительной практики [2, с. 78] позволяет говорить о том, что в настоящее время на территории Российской Федерации достаточно «популярны» следующие способы незаконного сбыта наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и инструментов дистанционной коммуникации:

- посредством так называемых «закладок»
- способ сбыта путем предварительного заказа, в процессе которого непосредственный сбыт наркотического средства осуществляется лишь только после того, как продавец предварительно обсудит с покупателем все детали предстоящей сделки и получит соответствующую финансовую транзакцию;

- посредством так называемых «кладов»
- способ сбыта путем «моментального предложения», в процессе которого покупатель, оплатив в электронном интернет-магазине интересующую его позицию, непосредственно сразу получает адрес местонахождения ранее размещенного тайника с наркотическими средствами.

Отметим, что подобные тайники («закладки», «клады») могут быть закопаны в почву на том или ином участке местности (так называемый «прикоп»), примагничены к какой-либо металлической поверхности (так называемый «магнит») либо просто спрятаны в несильно выделяющемся объекте.

Технологически последовательность этапов криминального бизнеса, осуществляе-

мого вышеперечисленными способами, выглядит следующим образом.

Покупатель бесплатно регистрируется на web-сайте электронного магазина интернет-сегмента DarkNet, выбирает товар (наркотики того или иного вида) и оплачивает его (финансовые транзакции совершаются, как правило, посредством Qiwi-кошелька либо с помощью криптовалюты). При этом в процессе оформления заказа пользователю предоставляется возможность вместо традиционных способов оплаты приобрести игровые фишки и принять участие в розыгрыше рулетки. В случае удачи покупатель получает выбранный товар и GPS-координаты нахождения «закладки».

Продавец при получении оплаты отправляет покупателю географические (GPS) координаты, а также описание места «закладки» или «клада» с приложением web-ссылки в фотостинге на фотографии объекта (участка местности), в котором можно забрать оплаченный товар.

Получив контактную информацию, покупатель прибывает на место нахождения тайника, идентифицирует его по GPS-координатам (описанию, фотографиям) и забирает товар.

По желанию покупателю в течение 24 часов с момента покупки предоставляется возможность оставить на web-сайте электронного интернет-магазина отзыв о «товаре» с подтверждением факта его получения. Подобный способ обратной связи позволяет продавцу оценить качество работы розничных дилеров, что в анонимной среде, как правило, сделать достаточно проблематично. Негативные отзывы, как и в любом «белом» сервисе, помогают покупателям выявить товар ненадлежащего качества и ненадежных продавцов.

Говоря о субъектом составе преступной деятельности рассматриваемого вида, а точнее, об его организованных формах, заметим, что анализ современной юридической литературы, а также открытых ведомственных источников правоохранительной направленности свидетельствует о достаточно про-

извольном употреблении авторами (и прежде всего из числа практических работников) в процессе дискуссий об организованной преступности (в том числе в сфере незаконного оборота наркотических средств) категорий «группа», «организация», «объединение», «сообщество», «синдикат» и т.п. Очевидно, что подобное положение вещей является не только не корректным, но и безосновательным с точки зрения юридической науки.

Полагаем излишним в рамках данной статьи вступать в обширную научную дискуссию относительно исследуемой категории, а согласимся с мнением профессоров А.Ф. Волынского и В.П. Лаврова о том, что позиция криминалистической науки под организованной преступностью должна пониматься «... сложная системно-структурная совокупность организованных преступных формирований (ОПФ), лиц, входящих в эти формирования и деятельности этих субъектов» [4, с. 891].

Аналогичную точку зрения высказывает и другой известный российский криминалист, профессор А.Г. Филиппов, определяющий организованную преступную деятельность как «совокупность преступлений, совершаемых организаторами и участниками преступных формирований» [3, с. 587].

Таким образом, считаем возможным использовать грамматическую сему «формирование» в качестве лексической единицы, обозначающей совокупность существующих форм организованной преступной деятельности.

В подавляющем большинстве изученных случаев² в качестве субъекта преступной деятельности рассматриваемого вида выступало организованное преступное формирование – преступное сообщество (в отдельных случаях – организованная преступная группа).

Мыслится, что типовая структура такого преступного формирования может быть представлена в виде многофункциональной иерархо-сетевой модели, образованной рядом взаимосвязанных между собой организа-

ционных звеньев, в числе криминалистически значимых характеристик которых следует выделить обособленность по функциональному признаку, устойчивость криминальных связей, сплоченность, организованность, соблюдение мер криминальной конспирации.

Звено «операторы» – структурный элемент, совместно с руководителем(ми) преступного сообщества реализующий следующий управленческий функционал:

- круглосуточный контроль за работой электронного интернет-магазина (заметим, что «теневые» электронные площадки, на которых осуществляются продажи наркотических средств, условно располагаются на нижнем (третьем) интернет-сегменте (DarkNet) после видимого (Surface Web) и глубокого (Deep Web) сегментов;

- организацию и контроль деятельности звена «розничные закладчики» по непосредственному сбыту наркотических средств бесконтактным способом;

- размещение на web-сайте электронного интернет-магазина сведений об адресах и описаниях фактического местонахождения так называемых «закладок» и «кладов» (тайников с необходимым количеством наркотических веществ), полученных от звена «розничных закладчиков» посредством кроссплатформенных мобильных мессенджеров, защищенных шифрованием;

- поддержание связи с приобретателями наркотических средств посредством кроссплатформенных мессенджеров, защищенных шифрованием, разрешение конфликтных ситуаций при их возникновении в процессе покупок;

- учет результатов криминальных сделок членов звена «розничные закладчики» с целью определения размера выплачиваемого им финансового вознаграждения.

Звено «обеспечители» – структурный элемент преступного сообщества, выполняющий функции по всестороннему обеспечению наркотического «бизнеса», а именно:

² Материалы уголовных дел, возбужденных по п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, ч. 1 ст. 210 УК РФ, ч. 2 ст. 210 УК РФ Следственным управлением по материалам Управления по контролю за оборотом наркотиков УМВД по Тульской области в 2020-2021 гг.

– поиску и отбору (и в первую очередь посредством использования потенциала социальных аккаунтов глобальной сети Интернет) новых «рекрутов», вовлечение их в преступную деятельность звена «розничные закладчики»;

– проведению (в том числе в дистанционном формате) инструктажей вовлеченных участников, их обучению мерам криминальной конспирации, методам противодействия деятельности сотрудников правоохранительных органов;

– выработке и реализации мер, направленных на повышение «потребительского спроса» на виды наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, реализуемых на той или иной географической территории криминальных интересов.

Звено «оптовые закладчики» – структурный элемент преступного сообщества, в преступный функционал которого входят следующие действия:

– получение и хранение оптовых партий наркотических средств;

– сортировка наркотических средств, их расфасовка в среднеоптовые партии (заметим, что в одних случаях последние непосредственно передаются звену «розничные закладчики» для фасовки в разовые «дозы», а в других – размещаются в среднеоптовых «закладках» с дальнейшей передачей информации об их местонахождении звену «операторы» для загрузки на web-сайт электронного интернет-магазина).

Звено «розничные закладчики» – структурный элемент преступного сообщества, осу-

ществляющий следующие виды криминальных функций:

– прием от звена «операторы» адресов описаний фактического местонахождения тайников с расфасованными и отсортированными среднеоптовыми партиями наркотических средств тех или иных видов, их получение для дальнейшей фасовки и реализации розничных доз;

– непосредственное размещение розничных доз в «закладках» и «кладах»;

– направление звену «операторы» информации об оставленных «закладках» и «кладах» (к числу таких сведений следует отнести: название района, географические (GPS) координаты, краткое словесное описание объекта (участка местности), ссылки в различных фотохостингах на его фотографии) для размещения на web-сайте электронного интернет-магазина.

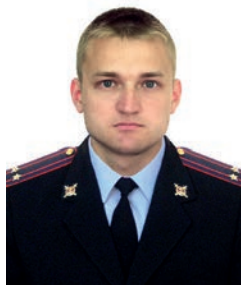
Полагаем, что предлагаемый научный подход к пониманию сущности механизма незаконного оборота наркотических средств, совершаемого с использованием технологий и средств дистанционной коммуникации, должен способствовать приданию целенаправленного характера деятельности правоприменителей в сфере поиска, выявления и закрепления доказательственной информации об этапах создания таких преступных формирований, координации действий между их структурными элементами, формах подыскания и вербовки новых членов, системе всестороннего обеспечения криминального «бизнеса».

Библиографический список

1. Давыдов, В.О. Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2019.
2. Земцова, С.И. Методика расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием интернет-технологий : монография / С.И. Земцова, О.А. Суров, П.В. Галушин. – М.: Юрлитинформ, 2019.
3. Криминалистика. Углубленный курс : учебник / под ред. А.Г. Филиппова. – М.: ДГСК МВД России, 2012.
4. Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. – М.: Юнити, 2008.

5. Кустов, А.М. К вопросу о структуре механизма преступления / А.М. Кустов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2009. – N 5.
6. Moore, D. Cryptopolitik and the DarkNet / D. Moore, T. Rid // Survival: Scholarly journal. – Taylor & Francis. – 2016. – 1 February (Vol. 57).
7. Senker, C. Cybercrime and the DarkNet: Revealing the hidden underworld of the Internet / C. Senker. – Arcturus, 2016.

Александр Евгеньевич БЕЛЬСКИЙ,

старший преподаватель
кафедры тактико-специальной подготовки
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск)

Alexanderbelsky548@gmail.com

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ
ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО НЕЗАКОННЫЕ
ПРОИЗВОДСТВО, СБЫТ ИЛИ ПЕРЕСЫЛКУ НАРКОТИКОВ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СВОЕГО СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ**

**CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE CRIMINAL PERSON
WHO COMMITS THE ILLEGAL PRODUCTION, SALE OR TRANSFER
OF DRUGS USING HIS OFFICIAL POSITION**

В статье осуществлен анализ понятия личности преступника, совершающего незаконные производство, сбыт или пересылку наркотиков с использованием своего служебного положения. Отмечается, что в криминологии существуют различные подходы к изучению личности преступника. Все исследователи признают, что личность преступника характеризуется целым комплексом признаков и свойств, однако нет единства мнений относительно группировки этих признаков и свойств и выделения из них основополагающих. Также в статье затронуты вопросы классификации и типологизации личности преступника, осуществлена типологизация личности преступника, совершающего незаконные производство, сбыт или пересылку наркотиков с использованием своего служебного положения. Знание, уяснение и понимание криминологических характеристик и типа личности преступника, совершающего незаконные производство, сбыт или пересылку наркотиков с использованием своего служебного положения, необходимы для эффективной профилактики данного вида преступлений.

The article analyzes the concept of the identity of the criminal who commits illegal production, sale or shipment of drugs using his official position. It is noted that in criminology there are different approaches to the study of the personality of the criminal. All researchers agree that the personality of the criminal is characterized by a complex of features but there is no consensus on the grouping of these features and the allocation of the fundamental, main ones. The article also addresses the issues of classification and typologization of the criminals personality and typologizes criminals personality who commits illegal production, sale or shipment of drugs using his official position. Knowledge and understanding of the criminological characteristics and personality type of the criminal person who commits illegal production, sale or shipment of drugs using his official position is necessary for effective prevention of this type of crime.

Ключевые слова: личность преступника, незаконные производство, сбыт или пересылка наркотиков, служебное положение, признаки личности преступника, типологизация личности преступника.

Keywords: *the identity of the criminal, illegal production, sale or shipment of drugs, rank, signs of the criminals identity, typologization of the criminals personality.*

Существуют различные типы людей, обладающих определенными свойствами, которые при определенных условиях склонны к совершению противоправных действий. Поэтому эффективное и успешное предупреждение преступлений возможно лишь в том случае, если профилактические меры будут направлены не только на устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений, но и на личность.

Объектом предупредительного воздействия должны быть особенности личности, порождающие ее преступное поведение. Хотя следует учитывать мнение исследователей, которые указывают, что до сих пор «вопрос разработки эффективного механизма оценки воздействия, оказываемого на лиц, имеющих делинквентные признаки, остается не решенным, поскольку рассмотрение чистых причинно-следственных связей возможно только в рамках абстрактных моделей» [7, с. 100]. Поэтому именно предупреждение преступлений, основанное на детальном изучении личности преступника, а не карательная практика, состоящая в применении уголовного наказания «по факту», способны минимизировать криминальные проявления в обществе. Ведь «наказание не может ничего и никому компенсировать и восстановить, оно может только лишить или ограничить личность в каких-то социальных благах, утверждая тем самым справедливость нормативно-правовых требований и удовлетворяя карательные притязания населения» [8, с. 56].

Правоохранительные органы, осуществляющие борьбу с преступностью и осуществляющие расследование обстоятельств совершенных преступлений, должны заниматься изучением личности лиц, совершивших преступления и (или) намеревающихся их совершить. В частности, согласно ст. 158 УПК РФ органы предварительного расследования устанавливают в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Также согласно ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Соответствующие

положения обнаруживаются и в приказе МВД России от 17 января 2006 года N 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений».

Рассуждая о личности преступника, криминологи используют достижения других наук – социологии, психологии, философии. Социология способствует пониманию социально-демографического портрета преступника, помогает установить факторы формирования личности преступника. Философия обосновывает социальную составляющую в личности преступника, подчеркивая, что даже при совершении преступления, то есть по своей сути антиобщественного деяния, человек действует прежде всего как существо социальное, общественное. Это позволяет решить вопрос о соотношении социального и биологического в личности преступника. Благодаря психологии можно установить особенности психики личности преступника. Понятие «личность преступника» является многогранным с ярко выраженным междисциплинарным характером.

Криминологи-исследователи сходятся во мнении о том, что понятие «личность преступника» является составным социально-правовым понятием и образуется от социологического понятия «личность» и юридического понятия «преступник». «Как пишет П.С. Дагель, под личностью преступника понимается совокупность социально-политических, психических и физических признаков лица, совершившего преступление, имеющих уголовно-правовое значение» [10, с. 4]. «Под личностью преступника следует понимать совокупность социальных и социально значимых свойств, признаков, связей и отношений, характеризующих лицо, виновно нарушающее уголовный закон, и в сочетании с иными (неличностными) условиями и обстоятельствами, влияющими на его антиобщественное поведение» [6, с. 4]. В указанных определениях отражена связь между социологическим и юридическим содержанием понятия личности преступника, то есть социальные качества личности лишь тогда образуют личность преступника, когда находят воплощение в факте совершенного преступления.

Очевидно, что какими бы отрицательными и негативными свойствами ни обладал человек, его нельзя назвать преступником до момента совершения преступления. Напрашивается вывод о том, что только совершение лицом преступления дает основание утверждать о существовании личности преступника. Ведь, как отмечают Л.М. Прокументов и А.В. Шеллер, «носителем личности преступника может быть только человек, который обладает таким важнейшим правовым признаком, как состояние с государством в уголовных правоотношениях. Эти отношения возникают с момента совершения лицом преступления и длятся до момента утраты преступлением своего правового характера (например, до момента погашения или снятия судимости)» [5, с. 95]. Возникает вопрос: действительно ли существование понятия личности преступника ограничено во времени и по кругу лиц? Для получения ответа на данный вопрос необходимо принимать во внимание положения действующего уголовного законодательства относительно понятия «преступник» и криминологический аспект понятия личности преступника. Субъектом преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста и имеющее определенное служебное положение.

С уголовно-правовых позиций о личности преступника можно говорить лишь в отношении лица, совершившего преступление, признанного судом виновным в этом, и до момента отбытия наказания и погашения судимости. Достоинством данного подхода является невозможность «вешать» ярлык «личность преступника» на любых людей, даже тех, кто характеризуется социально отрицательно, но еще не был признан судом виновным в совершении преступления.

Отдельные исследователи высказывают сомнения в научной и практической значимости понятия «личность преступника», утверждая, что нет каких-либо особенностей и качеств, отличающих личность преступника от личности законопослушных граждан. Эти исследователи полагают, что понятие личности преступника сводится к указанию на

конкретное лицо, совершившее преступление, и для этого «вполне достаточно традиционного и очень точного по своему содержанию понятия субъекта преступления» [3, с. 102]. Однако, по нашему мнению, отрицание специфики личности преступника, особенно обремененного служебными обязанностями и занимающего определенное служебное положение в профессиональной среде, превращает человека в пассивное звено в цепочке событий и обстоятельств, которые могут привести к совершению преступления любым человеком. Люди, находясь в равных условиях, ведут себя по-разному: одни соблюдают закон, другие его нарушают. Данный факт дает основание утверждать, что в механизме совершения преступлений основополагающую роль могут играть личностные особенности, свойства и качества человека, а также недостатки профессионально-служебной среды.

В практико-прикладном смысле позиция отрицания специфики личности преступника размывает основу для профилактической деятельности правоохранительных органов. Индивидуальный уровень изучения личности преступника необходим при расследовании конкретного уголовного дела. Это требуется как для вынесения справедливого решения по уголовному делу, так и для осуществления частной превенции в отношении конкретного лица. Но для эффективного осуществления общей превенции, то есть в отношении индивидуально-неопределенного круга лиц, необходимо изучать личность преступника на уровне групп лиц, совершивших преступления, это дает возможность получить обобщенный материал об особенностях личности преступников, совершающих определенные виды преступлений в определенных сферах профессиональной деятельности. Соответственно, это позволяет выработать и применять профилактические меры по предупреждению совершения преступлений неопределенным кругом лиц.

Таким образом, в криминологическом плане личность преступника и лицо, совершившее преступление, – разные понятия, которые не обозначают одно и то

же. Указанные понятия необходимо разграничивать, так же как в социологии разграничиваются понятия личности, индивида и человека.

Термины «лицо, совершившее преступление», «лицо, виновное в совершении преступления» или «преступник» применяются для указания на факт совершения преступления конкретным индивидом. При этом в содержание вышеуказанных терминов не входят какие-либо признаки или особенности лица, совершившего преступление, а также иные данные, связанные с фактом совершения преступления. Вышеуказанные термины ограничиваются указанием на конкретную социальную роль индивида, и на этом их содержание исчерпывается.

Необходимо отличать понятие «личность преступника» от терминов «обвиняемый», «подсудимый», «осужденный». Указанные понятия и термины близки и переплетаются друг с другом, но не тождественны и не одинаковы по содержанию. Речь идет об одном и том же лице, совершившем преступление, или лице, в отношении которого есть предположение о том, что оно совершило преступление. Каждое из этих понятий не тождественно термину «преступник», так как целью расследования уголовного дела является установление истины, и обвиняемый и подсудимый в действительности не всегда оказываются преступником. Эти понятия имеют свое содержание, определенное процессуальной ролью и порядком осуществления правосудия.

Наиболее близки по своему содержанию к понятию «личность преступника» термины «личность обвиняемого», «личность подсудимого» и «личность осужденного». Может даже показаться, что приведенные термины тождественны по содержанию понятию «личность преступника», так как речь идет о признаках, свойствах и качествах, характеризующих лицо, совершившего преступление. Однако никакого тождества нет, так как личность преступника – это понятие криминологическое, а личность обвиняемого, личность подсудимого и личность осужденного – это понятия уголовно-процессуальные, так как

фактически отражают переход личности преступника из одной стадии уголовного процесса в другую.

Юридическая составляющая понятия личности преступника особых проблем не вызывает, так как сводится к совершению лицом противоправного деяния, а именно преступления. Более сложным и интересным одновременно представляется описание и поиск сути социальной составляющей личности преступника. Указанную проблему можно изложить в виде вопроса: существуют ли специфические социальные свойства и признаки личности преступника, которые отличают ее от личности законопослушного гражданина?

Очевидно, что для осуществления эффективной профилактики преступности в профессионально-служебной среде одной социально-демографической характеристики преступников недостаточно. Необходимо выявить у преступников свойство, которое позволяет говорить о личности преступника как об определенном социальном типе личности. По мнению К.Е. Игошева, таким социально-типичным свойством личности преступника является общественная опасность [2, с. 18]. Однако в действующем законодательстве отсутствует определение понятия «общественная опасность». Согласно ст. 60 УК РФ общественная опасность личности преступника определяется в первую очередь общественной опасностью совершенного им преступления. Также в УК РФ говорится о необходимости учета личности виновного при назначении ему наказания. В этой связи представляет научный интерес мнение А.Б. Сахарова, который указывал, что «объективная тяжесть преступления может быть достаточно высокой, однако данные о личности преступника и обстоятельства, в силу которых он совершил преступление, могут порой существенно снижать общественную опасность самого субъекта, обуславливая соответственно и смягчение его ответственности. И наоборот, наличие глубоко укоренившихся отрицательных нравственных качеств, проявившихся не только в совершенном преступлении, но в предшествующем ему устойчивом антиобщественном поведе-

нии, определяет повышенную общественную опасность личности и диктует необходимость применения более сурового наказания» [6, с. 18]. Дело в том, что для правильного и объективного вывода об общественной опасности личности преступника необходимо учитывать поведение лица, предшествующее совершению преступления, и поведение после совершенного преступления. По этому поведению можно судить о том, насколько личность согласуется или наоборот расходится с совершенным преступлением. Очевидно, что если лицо совершает преступление по незаконному сбыту наркотических средств и использует при этом свое служебное положение, то есть, по сути, облегчает себе совершение преступления против здоровья населения при помощи своих служебных полномочий, то этот факт, несомненно, противоречит морально-нравственным взглядам и ценностям, принятым в обществе, и свидетельствует о высокой общественной опасности такого лица.

Относительно понятия «общественная опасность» среди криминологов-исследователей наблюдается относительное единство мнений. Так, по мнению К.Е. Игошева, объективное содержание общественной опасности составляет возникающая в разнообразных социальных конфликтных ситуациях реальная возможность нанесения вреда общественным отношениям, в сохранении и развитии которых заинтересовано общество [2, с. 18]. А.Б. Сахаров считает, что «общественная опасность личности связана с наличием сложившихся в конкретных условиях нравственного формирования социально отрицательных нравственно-психологических свойств и качеств, благодаря которым лицо способно при определенных обстоятельствах избрать антиобщественный вариант поведения и совершить преступление» [6, с. 16-17]. Представляется очень точным и вместе с тем понятным и лаконичным определение общественной опасности личности преступника, данное В.Д. Филимоновым: «Общественная опасность как свойство личности преступника заключается в реальной угрозе совершения им нового преступления, которая порождается антисоциальным отношением лица к

другим лицам, общественным организациям или государству, а также способствующими ему общественными отношениями, входящими в содержание его личности» [9, с. 34]. Таким образом, общественная опасность личности преступника понимается как реальная угроза совершения лицом преступления и причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям.

Исследователи называют различные криминологические особенности лиц, совершающих преступления, и по-разному группируют эти признаки. По мнению Л.М. Прокументова, «наиболее устоявшейся позицией, чаще всего применяемой при характеристике личности лица, совершившего преступление, является позиция, в соответствии с которой выделяются три больших блока: 1) социально-типологическая характеристика личности; 2) социально-ролевая характеристика личности; 3) нравственно-психологическая характеристика личности» [5, с. 100]. Недостатком данной позиции является отсутствие учета уголовно-правовых признаков личности преступника, указывающих на определенные виды преступлений, совершенных людьми.

Некоторые исследователи по-иному группируют признаки лиц, совершивших преступления, указывая на следующие признаки: социально-демографические, уголовно-правовые, нравственно-психологические и биофизические [1, с. 85-91]. В этой классификации признаков личности преступника не отражены социально-ролевые признаки личности преступника, позволяющие выявить принадлежность лиц, совершивших преступления, к определенным социальным группам.

В свое время А.Б. Сахаров выделил следующие основные группы признаков криминологической характеристики личности преступника: социально-демографические, уголовно-правовые, социальные роли и социальные статусы, нравственные свойства и психологические особенности [6, с. 27]. Данная классификация признаков личности преступника является достаточно полной при условии, если при разборе социально-демографических признаков будут приниматься

во внимание биологические и физические характеристик лиц, совершающих преступления. Это особенно актуально для составления криминологической характеристики лиц, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, так как среди них много больных наркоманией.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что дать криминологическую характеристику личности преступника можно через описание следующих признаков: социально-демографические, уголовно-правовые, социально-ролевые, морально-нравственные свойства и физические (биологические) характеристики. Однако для наиболее полной криминологической характеристики личности наркопреступника в криминологии используется группировка преступников по различным признакам или критериям. Выделяют две разновидности группировки преступников – классификацию и типологию. Отличие классификации от типологии состоит в том, что классификация преступников осуществляется по признакам или критериям, которые не имеют закономерной связи с детерминантами преступного поведения личности. В частности, классификацию можно осуществить по социально-демографическим признакам. Типология личности преступника подразумевает группировку преступников по таким критериям и признакам, которые закономерно связаны с причинным комплексом противоправного поведения. Именно поэтому существенное «значение в криминологии получила типология, основанная на глубине и стойкости криминальной мотивации личности» [11, с. 40].

Для составления криминологической характеристики лиц, совершающих незаконные производство, сбыт или пересылку наркотиков с использованием своего служебного положения, были проанализированы материалы судебной практики, а именно изучены приговоры, тексты которых размещены в государственной автоматизированной системе РФ «Правосудие» (далее по тексту – ГАС «Правосудие»). Следует отметить, что в ГАС «Правосудие» за период с 2013 г. по 2020 г. имеются сведения о 129 процессуаль-

ных решениях, принятых в связи с возбуждением уголовных дел по п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Однако только по 34 уголовным делам тексты приговоров судов размещены в ГАС «Правосудие», поэтому изучение криминологических характеристик лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, осуществлялось по этим 34 приговорам. Сразу отметим, что только по 10 уголовным делам из этих 34 квалификация действий лиц по п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ устоялась, и лица были осуждены именно по данной статье с вменением квалифицирующего признака «лицом с использованием своего служебного положения». Одно лицо было оправдано в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. В остальных случаях действия подсудимых были переквалифицированы в ходе судебного разбирательства на менее тяжкие составы преступлений, и квалифицирующий признак «лицом с использованием своего служебного положения» не вменялся. Однако следственные органы, направляя уголовные дела в суд, квалифицировали действия обвиняемых именно по п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Вопрос о переквалификации действий подсудимых в ходе судебного разбирательства и об исключении квалифицирующего признака «лицом с использованием своего служебного положения» заслуживает отдельного внимания и не является предметом настоящего исследования. Поэтому криминологическая характеристика преступника, совершившего незаконные производство, сбыт или пересылку наркотиков с использованием своего служебного положения, будет составлена по материалам имеющихся в распоряжении текстов 34 приговоров судов Российской Федерации.

Социально-демографические признаки лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, выглядят следующим образом.

Все привлекаемые к уголовной ответственности по указанной статье являются лицами мужского пола. Данные о возрасте были удалены из текстов приговоров. Однако

учитывая, что все обвиняемые имели определенное служебное положение, все они преимущественно молодого трудоспособного возраста, примерно до 35 лет. Один обвиняемый являлся работающим пенсионером, соответственно, его возраст, скорее всего, около 50 лет. Вышеизложенное свидетельствует о том, что к совершению незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков с использованием своего служебного положения более склонны лица мужского пола молодого трудоспособного возраста.

Из 34 обвиняемых, привлеченных к уголовной ответственности по п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, 20 обвиняемых состояли в браке, имели семью и малолетних детей на иждивении. Двое обвиняемых были разведены, но имели на иждивении малолетних детей. Четверо обвиняемых в браке не состояли, детей не имели. В отношении восьмерых обвиняемых сведения о семейном положении в приговорах отсутствуют.

Все обвиняемые, привлекаемые к уголовной ответственности за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотиков, совершаемые с использованием своего служебного положения, являлись гражданами России и имели постоянное место жительства.

Если говорить об уровне образования лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотиков, совершенных с использованием служебного положения, следует отметить, что в 25 текстах имеющихся приговоров судов РФ отсутствуют сведения об образовании подсудимых. Двое обвиняемых имели высшее образование, один – среднее, шестеро – среднее специальное образование.

Все обвиняемые в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, занимали определенные должности, так как для совершения данного преступления использовали свое служебное положение. По результатам изучения имеющихся в распоряжении текстов приговоров установлено, что 20 обвиняемых – это сотрудники ФСИН РФ, 12 обвиняемых проходили службу в ОВД РФ на должностях оперуполномо-

ченного, участкового уполномоченного полиции и в охранно-конвойных подразделениях. Один обвиняемый являлся адвокатом, и еще один обвиняемый был оперуполномоченным ФСКН России.

Уголовно-правовые признаки обвиняемых по п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ свидетельствуют о том, что ни один из них ранее к уголовной ответственности не привлекался. К административной ответственности привлекался только один обвиняемый по ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ за потребление (распитие) алкогольной продукции в местах, запрещенных федеральным законом. Также этот обвиняемый в момент совершения указанного преступления находился на службе в состоянии алкогольного опьянения, что правомерно было оценено судом в качестве обстоятельство, отягчающего ответственность.

Сведения о социально-ролевых признаках лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности по п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, можно узнать из характеристик по месту работы, жительства или учебы. Как следует из материалов судебной практики, подавляющее большинство положительно характеризовались по месту жительства, работы и учебы – 23 обвиняемых. Четверо обвиняемых характеризовались по месту жительства удовлетворительно, двое – по месту службы характеризовались отрицательно, так как имели нарушения служебной дисциплины и привлекались к дисциплинарной ответственности. В 7 приговорах характеризующие сведения в отношении обвиняемых отсутствуют.

Морально-нравственная характеристика указанной категории обвиняемых деформирована в сторону преобладания материальных потребностей, то есть мотивом совершения данных преступлений, как следует из материалов судебной практики, являлась корысть, то есть желание обогатиться любым путем, в том числе путем совершения преступлений.

Что касается физических и биологических характеристик обвиняемых – они наркотики не употребляли, на учетах у врачей нарколога и психиатра не состояли.

На основании вышеизложенного криминологический портрет личности преступника, совершающего незаконный сбыт наркотиков с использованием своего служебного положения, может быть представлен следующим образом: это лицо мужского пола, трудоспособного возраста, женатое, имеющее на иждивении детей; образование не ниже среднего-специального; является гражданином РФ, имеет постоянное место жительства; занимает должности в органах внутренних дел РФ или ФСИН РФ, связанные с взаимодействием с осужденными, а также подозреваемыми или обвиняемыми по уголовным делам; ранее не судимое, к административной ответственности не привлекавшееся; по месту жительства и работы характеризуется положительно, вредных привычек не имеет, на учетах у врачей нарколога и психиатра не состоит.

При анализе вышеуказанных признаков создается впечатление, что это характеристика законопослушного гражданина РФ, тем более, что здесь присутствует такой признак, как служба в ОВД РФ и ФСИН РФ. Однако тем не менее именно лица с отмеченными личностно-профессиональными признаками привлекались к уголовной ответственности по п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Следовательно, требуется выявление не только внешних признаков личности преступника, но и внутренних – психологических, связанных с мотивацией преступного поведения личности.

Для наиболее полного представления о криминологическом портрете личности преступника предлагаем осуществить типологизацию преступников по признаку устойчивости и степени криминальной, антиобщественной мотивации поведения. По указанному критерию выделяют следующие три типа личности преступника: «последовательно-криминальный тип, преступное поведение которого вытекает из его образа жизни; ситуативно-криминогенный тип, который совершает преступление в благоприятной для этого ситуации; ситуативный тип, который совершает преступление в результате воздействия сложной жизненной ситуации, в которой он оказался неожиданно» [11, с. 40].

Так, по признаку устойчивости и степени криминальной, антиобщественной мотивации поведения лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, можно отнести к ситуативно-криминогенному типу личности преступника. Из имеющихся в распоряжении материалов судебной практики следует, что преступления они совершили, воспользовавшись благоприятной для этого обстановкой. А именно обвиняемые пользовались тем, что в силу своего служебного положения имели возможность контактировать с осужденными, подозреваемыми или обвиняемыми и бесконтрольно передавать им различные предметы и вещества. В целом же подавляющее большинство обвиняемых по указанной статье положительно характеризовались как по месту службы, так и по месту работы, имели семью, детей, постоянное место жительства и постоянную оплачиваемую работу, то есть со стороны выглядели добропорядочными и законопослушными гражданами. Однако, как видно из материалов судебной практики, даже социально положительные граждане в определенных ситуациях, руководствуясь корыстным мотивом и используя недостатки в профессионально-служебной среде, могут совершать преступления.

Для объяснения субъективных причин, побуждающих лицо совершать преступления, исследователями применяется типологизация личности преступника по содержанию преступной мотивации. По данному критерию выделяют следующие типы преступников: «с политической мотивацией; с корыстной мотивацией; с насильственно-эгоистической мотивацией; с анархически-индивидуалистической мотивацией; с легкомысленно-безответственной мотивацией» [4, с. 186-187]. Используя эту типологизацию личности преступника, лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, можно отнести к типу преступников, которые действуют, руководствуясь корыстной мотивацией, что подтверждается имеющимися в распоряжении материалами судебной практики. Однако при изучении 34 приговоров судов РФ был установлен приговор Миасско-

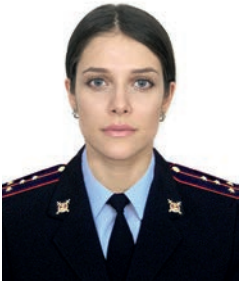
го городского суда Челябинской области от 21 июня 2018 г., согласно которому мотивом совершения преступления стало стремление улучшить показатели результативности собственной служебной деятельности обвиняемого, показатели работы отдельного взвода охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых отдела МВД России по г. Миассу Челябинской области. В результате, как видно из материалов судебной практики, предложенная выше типологизация по содержанию преступной мотивации не учитывает критерий ложного понимания интересов службы, который редко, но имеет место быть.

Таким образом, для выработки эффективных мер профилактики совершения лицами с использованием своего служебного положения незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков необходимо изучать личность преступника на уровне именно групп лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Это дает возможность составить криминологический портрет данного типа личности преступника с присущими ему свойствами и признаками. По нашему мнению, наличие у

наркопреступника определенного служебного положения и использование им своих служебных полномочий для совершения преступления повышают как общественную опасность самих противоправных действий, так и общественную опасность самой личности. Ведь использование лицом служебных полномочий способно привести к тому, что наркопреступление может остаться не выявленным, так как может совершаться под видом исполнения лицом своих служебных обязанностей. Также наличие служебных полномочий может облегчать совершение преступления и способствовать возможности избежать привлечения к уголовной ответственности. Поэтому следующим логичным шагом после составления криминологического портрета личности наркопреступника, действующего с использованием своего служебного положения, является выработка мер профилактики, которые целесообразно применять именно к этому типу личности преступника, учитывая при этом особенности профессионально-служебной среды, в которой действует преступник.

Библиографический список

1. Алексеев, А.И. Криминология : курс лекций / А.И. Алексеев. – М.: Шит-М, 1999. – 340 с.
2. Игошев, К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения / К.Е. Игошев. – Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1974. – 168 с.
3. Карпец, И.И. Проблема преступности / И.И. Карпец. – М.: Юрид. лит., 1969. – 168 с.
4. Лунеев, В.В. Мотивация преступного поведения / В.В. Лунеев. – М.: Наука, 1991. – 384 с.
5. Прокументов, Л.М. Криминология. Общая часть / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. – Красноярск: Красноярская высшая школа МВД России, 1997. – 256 с.
6. Сахаров, А.Б. Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности органов внутренних дел : лекция / А.Б. Сахаров. – М.: МВШМ МВД СССР, 1984. – 43 с.
7. Сергиенко, А.С. О системе смысловой регуляции субъекта в контексте коррекционного воздействия на делинквентную личность / А.С. Сергиенко, П.В. Тепляшин // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2016. – N 4. – С. 97-104.
8. Уголовно-правовая политика в Российской Федерации : учебное пособие / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин [и др.]. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. – 72 с.
9. Филимонов, В.Д. Общественная опасность личности преступника / В.Д. Филимонов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1970. – 275 с.
10. Чернышева, Е.В. Личность преступника: психологический аспект : монография / Е.В. Чернышева. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2009. – 231 с.
11. Шеслер, А.В. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств / А.В. Шеслер, В.В. Жалыбин. – Тюмень: ООО «РГ «Перспект», 2006. – 144 с.

Алена Николаевна ЕРЕМЕЕВА,

старший инспектор отделения воспитательной работы
отдела морально-психологического обеспечения
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск)

alena.ermeeva91@mail.ru

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТАКТИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ СБЫТА
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КОНТАКТНЫМ И БЕСКОНТАКТНЫМ
(ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕЛЕКОМУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ) СПОСОБАМИ**

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE TACTICS OF INVESTIGATING
THE SALE OF NARCOTIC DRUGS CONTACT AND CONTACTLESS
(THROUGH THE USE OF THE INFORMATION AND TELECOMMUNICATION
NETWORK INTERNET) METHODS**

В статье рассматриваются тактические особенности расследования сбыта наркотических средств контактными и бесконтактными способами. Выделены особенности производства отдельных следственных и иных процессуальных действий. Представлены отличия подготовки к производству следственных действий по составу участников, в том числе указаны вопросы, требующие установления при различных способах сбыта. Путем сравнительного анализа этих способов совершения преступления делается вывод об эволюции сбыта наркотических средств в сторону смещения к бесконтактному (с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет) и констатируется, что необходимо комплексное межотраслевое взаимодействие в дальнейшей разработке подходов к расследованию сбыта наркотических средств бесконтактным способом.

The article discusses the tactical features of the investigation of the sale of narcotic drugs by contact and non-contact methods. The features of the production of individual investigative and other procedural actions are highlighted. The differences in the preparation for the production of investigative actions in terms of the composition of the participants are presented, including the issues that need to be established for various marketing methods. By means of a comparative analysis of these methods of committing a crime, a conclusion is drawn about the evolution of the sale of narcotic drugs towards a bias towards contactless (using the information and telecommunication network of the Internet) and it is stated that a complex intersectoral interaction is needed, in the further development of approaches to the investigation of the sale of narcotic drugs in a contactless way.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотических средств, сбыт наркотических средств, бесконтактный способ сбыта, сбыт наркотического средства группой лиц по предварительному сговору, сбыт наркотического средства организованной преступной группой.

Keywords: illicit drug trafficking, sale of narcotic drugs, contactless marketing, sale of a drug by a group of persons by prior agreement, sale of a drug by an organized criminal group.

В течение продолжительного времени проблема увеличения числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, не теряет актуальности, а с учетом современных тенденций приобретает угрожающие масштабы. При этом наиболее опасным преступлением считается незаконный сбыт наркотических средств, так как с его помощью происходит наркотизация населения, чаще всего молодого.

В январе-мае 2021 г. общее число совершенных преступлений на территории Российской Федерации составило 845651, из них 80941 – это преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств¹. На территории Красноярского края количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропного вещества либо их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, за первый квартал 2021 года составило 649².

При этом статистические данные, приведенные Генеральной прокуратурой Российской Федерации, свидетельствуют о том, что более 41% наркопреступлений совершаются путем использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет³.

Повсеместное внедрение современных информационно-телекоммуникационных технологий, включая расчетные инструменты, мессенджеры, социальные сети и др., повлекло доминирование в качестве инструмента сбыта бесконтактный способ.

Пункт 4 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об информации, информационных техно-

логиях и о защите информации» и п. 2 раздела I постановления Правительства РФ от 10 сентября 2007 г. N 575 «Об утверждении Правил оказания телематических услуг связи» раскрывают понятие «информационно-телекоммуникационная сеть»: «технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники».

Тактика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, напрямую зависит от способа их совершения. Способ совершения преступления – это один из наиболее значимых факультативных признаков объективной стороны состава преступления. Он является важной характеристикой любого преступного деяния наряду с обстановкой, местом, временем, орудием и средствами совершения преступления [1].

Общей чертой для способов сбыта наркотических средств бесконтактным и контактным способом будет являться передача, то есть любые действия, направленные на отчуждение наркотических средств одним лицом в адрес другого. При этом получение денежного вознаграждения не является определяющим фактором. Известны случаи, когда представители преступных групп бесплатно предлагали попробовать наркотическое средство перспективным потребителям, которые, попадая в наркотическую зависимость, в дальнейшем начинали приобретать наркотики за деньги. Местами сбыта чаще всего становятся увеселительные заведения, школы, жилые массивы и т.д.

Так, в 2019 г. в Подмосковье была задержана преступная группа, которая реализовывала наркотическое средство мефедрон⁴

1 Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. <https://мвд.рф/reports/item/24742236/> (дата обращения: 21.07.2021).

2 Главное управление МВД России по Красноярскому краю : официальный сайт. https://24.мвд.рф/služba/Statistika_i_analitika (дата обращения: 21.07.2021).

3 Агентство новостей ТАСС : официальный сайт <https://tass.ru/obschestvo/11451751> (дата обращения: 21.07.2021).

4 Мефедрон – это дешевый химический аналог кокаина. Он вызывает эйфорию, возбуждение, восприятие к различной музыке, повышает настроение, уменьшает враждебность, повышает общительность, улучшает работоспособность, ускоряет ассоциативный процесс, повышает сексуальное возбуждение, затрудняет достижение эякуляции. Но при этом приводит к ухудшению кратковременной памяти, бессоннице, спазму мышц челюсти, подергиванию мышц, галлюцинациям, бреду, паническим атакам, эксцентричному поведению и различным психозам.

посредством использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Перед началом реализации наркотического средства в новом регионе туда направлялся член преступной группы, который бесплатно раздавал первую дозу мефедрона. Впоследствии человек мог получить еще одну бесплатную дозу, если приводил троих клиентов⁵.

Отличительными чертами контактного и бесконтактного способов сбыта будут выступать особенности получения оперативной информации о готовящемся или совершенном преступлении. Правоприменительная практика и личный опыт расследования аналогичных дел свидетельствуют, что чаще всего информация о контактном сбыте наркотических средств поступает от агентов, которые сотрудничают с оперативными подразделениями. После этого на основании полученной информации проводится проверочная закупка.

При бесконтактном способе сбыта информация о готовящемся или совершенном преступлении чаще всего обнаруживается самими оперативными подразделениями. Оперативные сотрудники проводят мониторинг соответствующих сайтов, где отслеживают активность в отношении рекламы по приобретению наркотических средств. Анализ данных, полученных оперативным путем, позволяет в дальнейшем провести комплекс мероприятий, направленных на задержание «закладчиков» – лиц, которые раскладывают наркотические средства по тайникам.

Различия видны в длительности документирования противоправной деятельности. При бесконтактном способе сбыта это достаточно долгий процесс. Крупные интернет-магазины по продаже наркотиков могут разрабатываться оперативными подразделениями годами. Они могут использовать обширную сеть мелких магазинов, широкую вовлеченность людей в сферу продаж наркотиков по всему миру, использование поддельных IP-адресов, сайтов-дублеров, серверы в странах,

где данная деятельность не криминализована, и др., что затрудняет выяснение всех обстоятельств дела и минимизирует возможность привлечения к ответственности всех членов преступной группы [5].

Различия можно провести по приоритетному оперативно-розыскному мероприятию. При контактном сбыте тактически верным будет использовать проверочную закупку, которая при бесконтактном сбыте теряет актуальность. Проведенное интервьюирование оперативных сотрудников⁶ и личный опыт расследования аналогичных дел позволяют говорить о том, что на практике могут возникнуть проблемы, когда для передачи наркотиков на встречу с покупателем является лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности; в дальнейшем доказать причастность продавца к сбыту наркотических средств становится крайне затруднительно, а зачастую и невозможно. Осложняет ситуацию и отсутствие на переданном наркотическом средстве или его упаковке следов пальцев рук, отсутствие наркотических веществ на смывах с рук лиц, подозреваемых в причастности к преступлению, отсутствие меточных средств на денежных купюрах и на руках реального продавца, доказывающих факт их контактного взаимодействия. Данная схема противоправной деятельности характерна для лиц цыганской национальности. С самого малого возраста детей обучают преступному мастерству, ребенок, совершая преступление, понимает его противоправность, однако чаще всего ничего не рассказывает. Итогом такой «проверочной закупки» становится возбуждение уголовного дела в отношении неустановленного лица.

При раскрытии преступлений, связанных с бесконтактным способом сбыта наркотических веществ, представители оперативных подразделений вынуждены использовать более широкий спектр оперативно-розыскных мероприятий – наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, снятие информа-

5 Комсомольская правда: официальный сайт. <https://123ru.net/smi/mt-kp-ru/224450900/> (дата обращения: 21.07.2021).

6 Интервью проводилось на территории Красноярского края среди оперативных сотрудников, имеющих опыт работы по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков. В интервью приняли участие 15 оперативных сотрудников со стажем службы от 3 до 14 лет.

ции с технических каналов связи и др. Для обнаружения наркотических средств применяется обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. В рамках данного мероприятия изымаются «закладки» наркотических средств, которые могут быть представлены в виде полиэтиленового зип-пакета или замаскированы под пачку из-под сигарет, сверток бумаги и др. [4]

Отличительные особенности присутствуют в тактике проведения обыска в жилище задержанного, который проводится вне зависимости от способа сбыта.

При бесконтактном способе сбыта в первую очередь должно быть обращено внимание и подлежат изъятию все электронные устройства с возможным выходом в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет (телефоны, персональные компьютеры, ноутбуки, планшеты, жесткие диски и др.), что может обеспечить в дальнейшем удачный ход расследования и установление иных участников преступной группы [5, с. 64].

Контактный же способ сбыта предполагает отыскание нереализованных наркотических средств, а также денежных средств, вырученных с продажи наркотиков.

Тактические особенности проведения следственных действий будут определяться составом участников: специалиста и (или) эксперта. При бесконтактном способе сбыта существенное значение имеет возможность извлечения информации, которая хранится на различных электронных носителях (память телефона, жесткие диски, ноутбук и др.), в тех случаях, когда непосредственная помощь специалиста не дала нужного результата, назначается компьютерно-техническая экспертиза, которая занимает длительное время, но также не всегда дает желаемый результат [3]. Так, до настоящего времени существуют проблемы с извлечением информации из «Облачного хранилища» или «Telegramm».

При контактном способе сбыта к помощи эксперта чаще всего прибегают при производстве экспертизы наркотических средств.

Особенности в зависимости от способа сбыта имеет тактика производства допроса.

[5, с. 131]. При бесконтактном способе сбыта наркотических средств число участников сбыта достаточно большое, поскольку они не имеют строгой территориальной привязки. В тактическую схему допроса должны быть включены вопросы по установлению организаторов интернет-площадок, на которых осуществляется сбыт, способов взаимодействия внутри преступной группы, особенностей передачи наркотического средства внутри одной цепочки и др. Например, организатор приобретает партию наркотических средств у оптовика (при этом возможна ситуация, что они лично знакомы), после чего часть приобретенного наркотика он отправляет третьим лицам, те, в свою очередь, получая наркотическое средство, делят его на партии, каждую партию отправляют «закладчикам», которые фасуют наркотическое средство на разовые дозы, размещают наркотики по различным адресам, впоследствии на различных интернет-ресурсах потребитель, оплачивая нужное количество наркотика, получает адрес тайника с «закладкой». Количество закладчиков может быть различным, они могут действовать сообща или разрозненно.

Анализ уголовных дел, где использовался бесконтактный способ сбыта, позволяет охарактеризовать среднестатистических лиц, занимающихся противоправной деятельностью в качестве «закладчиков»: это молодые люди до 30 лет, которые стремятся к «красивой жизни» не имея к этому объективных предпосылок. Заработная плата «закладчика» напрямую зависит от количества сделанных закладок. За одну сделанную закладку лицо может получить до 1000 рублей. Однако практический опыт позволяет сделать вывод, что закладчики достаточно быстро выявляются правоохранительными органами и в среднем не осуществляют свою преступную деятельность дольше месяца.

Лица, осуществляющие контактный сбыт, обычно занимаются противоправными действиями длительное время, осторожно сбывая наркотики ограниченному кругу лиц (друзьям, родственникам, проверенным покупателям), и их противоправная деятельность чаще всего прекращается, если в этот круг

лиц удается внедрить покупателя, готового сотрудничать с представителями правоохранительных органов. Представители контактного способа сбыта стараются не привлекать к себе внимание окружающих и ведут тихий уединенный образ жизни.

Новые участники нелегальных интернет-площадок обращают на себя внимание правоохранителей. Нередки случаи, когда оперативные сотрудники задерживают лиц, впервые попытавшихся разложить «закладки», при этом изъятый у них вес достаточен для квалификации их деяний по ч. 5 ст. 228.1 УК РФ (сбыт в особо крупном размере), что грозит исполнителю длительным реальным сроком заключения.

Конечная задача следователя – правильно квалифицировать совершенное деяние – определить статью УК РФ, которая предусматривает совершенное деяние, как преступление [2].

При контактном способе сбыта наркотического средства путем передачи его из рук в руки деяние квалифицируется по ст. 228.1 УК РФ как незаконный сбыт наркотического средства в зависимости от размера реализованного наркотического средства. Существенные изменения в квалификации противоправных действий контактными путем произошли в 2015 г. Пленум Верховного Суда РФ принял постановление от 30 июня 2015 г. N 30 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», которое содержит ряд серьезных нововведений по вопросам квалификации и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Существенным стал п. 13.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». Данный

пункт разъясняет, что незаконный сбыт наркотических средств следует считать окончательным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий, в том числе когда данные действия осуществляются в ходе проверочной закупки или иного оперативно-розыскного мероприятия, проводимого в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». При этом изъятие правоохранителями из незаконного оборота указанных средств не влияет на квалификацию преступления как окончательного. Ранее Пленум Верховного Суда РФ имел иную позицию и разъяснял, что в случае проверочной закупки наркотических средств правоохранительными органами квалифицировать действие лица следует по ч. 3 ст. 30 и соответствующей части ст. 228.1 УК РФ, то есть как покушение на преступление⁷. Таким образом, обозначена позиция к ужесточению наказания за данный вид преступлений.

Квалификация деяний лиц, сбывающих наркотики бесконтактным способом, вызывает большие затруднения. Следует отметить, что на практике нет определенной позиции, как квалифицировать действия «закладчиков» и неустановленного лица, которое поставляет им наркотическое средство. Складывается различная практика, когда такие действия квалифицируют как сбыт наркотических средств, совершенный группой лиц по предварительному сговору, либо как сбыт, совершенный организованной преступной группой (такую квалификацию указали большинство следователей, принявших участие в исследовании). При этом в пользу организованной преступной группы ими указывалось наличие организатора (руководителя), заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределение функций между членами группы при осуществлении преступного умысла, а в некоторых случаях и значительный вес наркотического средства, большое количество «закладок», подтвержденный значительный опыт противоправной деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков.

⁷ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14.

Заслуживают внимания факты, когда несколько закладок были сделаны из одной партии наркотического средства. Встречаются случаи, когда следственные органы квалифицируют такие деяния как несколько преступлений (по количеству закладок). Анализ же судебной практики и норм уголовного права показывает, что такие действия должны квалифицироваться как одно деяние преступление, поскольку умысел лица был направлен на сбыт всей имеющейся массы наркотического средства.

Подводя итог, следует указать, что имеются значимые различия в тактике производства отдельных следственных и иных процессуальных действий при использовании

различных способов сбыта наркотических средств. Имеющиеся статистические данные позволяют сделать вывод, что бесконтактный способ сбыта наркотических средств занимает лидирующие позиции. Способствуют этому как социально-экономическая ситуация в стране, так и организационные преимущества для организаторов преступной деятельности. Ответом на изменяющиеся тенденции сбыта наркотических средств должна стать межотраслевая проработка проблемы противодействия сбыту наркотических средств бесконтактным способом (с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет).

Библиографический список

1. Атальянц, М.А. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение : дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Атальянц. – М., 2010. – 245 с.
2. Криминалистика : учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов [и др.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – 927 с.
3. Земцова, С.И. Методика расследования незаконного сбыта синтетических наркотических средств, совершенного с использованием интернет-магазинов : учебное пособие / С.И. Земцова, О.А. Суров, П.В. Галушин. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. – 160 с.
4. Полуянов, С.А. Некоторые вопросы выявления и пресечения сбыта наркотиков бесконтактным способом с использованием сети Интернет / С.А. Полуянов, В.А. Филатова // Актуальные проблемы противодействия наркотрафику на современном этапе : сборник международного научно-практического семинара (2-3 апреля 2020 г.) – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. – С. 26-30.
5. Суров, О.А. Методика расследования незаконного сбыта наркотических, психотропных веществ или их аналогов, совершенных с использованием интернет-магазинов : учебное пособие / О.А. Суров, С.И. Земцова, П.В. Галушин. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2016. – 156 с.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 328.185

DOI 10.51980/2542-1735_2021_3_78

Владимир Иванович МАЙОРОВ,

профессор кафедры административной деятельности
органов внутренних дел Тюменского института
повышения квалификации сотрудников МВД России,
доктор юридических наук, профессор

1955715@rambler.ru

Ольга Николаевна ДУНАЕВА,

старший преподаватель кафедры современных
образовательных технологий Южно-Уральского
государственного университета (национальный
исследовательский университет)
(г. Челябинск)

dunaevaon@gmail.com

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ И КИТАЕ

COMPARATIVE ANALYSIS OF CORRUPTION AGAINST MEASURES IN RUSSIA AND CHINA

В статье рассматриваются основные направления антикоррупционной политики в России и Китае. Представлены этапы формирования антикоррупционной политики в КНР за последнее десятилетие. На основе анализа показан как универсализм, так и специфика эффективности «китайской модели» противодействия коррупции. Сравнительный анализ российской и китайской моделей противодействия коррупции может способствовать развитию антикоррупционного законодательства, применению наиболее эффективных мер по противодействию коррупции на государственной службе, а также созданию атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям, укреплению гражданского общества в России.

The article discusses the main directions of anti-corruption policy in Russia and China. The stages of the formation of anti-corruption policies in China over the past decade are presented. Based on the analysis, the universalism and specificity of the effectiveness of the «Chinese model» of anti-corruption, are shown. A comparative analysis of the Russian and «Chinese models» of anti-corruption can contribute to the development of anti-corruption legislation; application of the most effective anti-corruption measures in the public service; as well as creating an «atmosphere of intolerance» for corruption, strengthening civil society in Russia.

Ключевые слова: государственная антикоррупционная политика, коррупция, коррупционер, эффективность мер, антикоррупционное законодательство, Россия, Китай.

Keywords: state anti-corruption policy, corruption, corrupt official, effectiveness of measures, anti-corruption legislation, Russia, China.

В последние десятилетия в связи с активным внутренним экономическим развитием, а также ускоренными процессами глобализации и международного сотрудничества в ряде стран, в том числе России и Китае, увеличилось количество коррупционных преступлений, что потребовало решительных мер со стороны государственной власти и правоохранительных органов.

В настоящее время Китайская Народная Республика (далее – КНР) поддерживает торгово-экономические отношения со 180 странами мира. Крупными торговыми партнерами Китая являются экономически развитые страны, прежде всего США, страны Евросоюза, Россия. Одновременно активно преобразуется и внутренняя жизнь Китая, многократно увеличились государственные расходы, что создает коррупционные «соблазны» для госслужащих всех рангов. Происходящие социально-политические изменения в стране, темпы экономического развития способствовали реформированию государственной службы, изменению мер противодействия коррупции, в том числе и в полиции.

Коррупцию обычно трактуют как использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных прав, а также связанных с официальным статусом авторитета, возможностей, связей в целях личной выгоды. Коррупция опасна тем, что ключевые решения принимаются не в интересах государства и общества, а в интересах конкретных лиц.

Коррупция в Китае имеет культурно-исторические корни и связана с возникновением государства и бюрократического аппарата. Одним из первых известных юридических актов по борьбе с коррупцией в Китае является введенный в 1644 году «Правовой кодекс» империи Цин, закрепивший для чиновников, замеченных в мздоимстве, санкции с учетом размера полученной взятки. Социально-психологические корни коррупции скрыты в желании делать подарки «гуанси», чтобы добиться расположения. Дорогой подарок выделял человека среди других просителей и способствовал скорейшему выполнению его просьбы. Исходя из этико-политических

идеалов и традиций Китая, заложенных еще Конфуцием в VI в. до н.э., чиновники должны бескорыстно заботиться о порядке и справедливости, довольствоваться жалованием. Но на практике и в современном Китае многие стремятся воспользоваться своим положением для тайного увеличения доходов [14].

Современным руководством Китая широкомасштабная борьба с коррупцией активизировалась с начала бурного экономического роста страны в 80-90-е годы XX в. и прошла несколько эволюционных этапов развития, учитывая основные цели, стратегии и меры противодействия.

В 2002 году на XVI съезде Коммунистической партии Китая (далее – КПК) был взят курс на новый этап антикоррупционной компании в КНР. Обоснованы принципы и направления борьбы с коррупцией: развитие государственности и институциональных инноваций, усиление воспитательного воздействия и дисциплины, ужесточение контроля в государственных структурах, совершенствование системы руководства, создание рабочего механизма борьбы против «разложения» (в китайском менталитете нарушение гармонии и переход в противоположное качество – хаос, если не приложить достаточных усилий и заботы).

В 2007 году для изучения современных причин возникновения коррупции и наиболее эффективных методов ее искоренения на государственной службе было создано Государственное управление по предупреждению коррупции. В КНР противодействие коррупции осуществляется на всех уровнях; так, в 2012 году к пожизненному заключению был приговорен Лай Чансин, крупный предприниматель, который был обвинен в контрабанде, а также в создании коррупционной сети, охватившей более сотни высокопоставленных чиновников, в том числе руководителей полиции. По этому делу были приговорены к смертной казни (позже замененной на тюремное заключение) Чжуан Жуншунь, заместитель начальника полиции провинции Фуцзянь, и Ли Цзичжоу, заместитель министра общественной безопасности КНР.

В 2012 году решением политбюро ЦК КПК был принят доктринальный документ «Восемь правил по улучшению стиля работы и укреплению связей с народными массами». «Восемь правил» (нумерологический концепт числа «8» в китайском менталитете несет значение достаточности) можно считать основными стратегическими направлениями и активаторами реализации нового этапа антикоррупционной политики в Китае для государственных служащих: 1) отказ от пышных торжеств за государственный счет; 2) отказ принимать участие в коммерческих мероприятиях; 3) сведение к необходимому минимуму поездок за границу и сокращение штата сопровождающих; 4) изживание формализма в письменной документации и в устной речи при общении с гражданами; 5) отказ от личного «пиара» в СМИ; 6) отказ от перекрытия дорог для проезда; 7) отказ от публикации автобиографий, поучительных книг и т.п. за государственный счет; 8) экономия государственных средств (не пользоваться в личных целях дорогами автомобилями, квартирами и др.).

В 2013 году генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин, выступая на XVIII съезде партии, обозначил новый этап государственной политики и решительных мер по преодолению коррупции: чиновники в своей деятельности ориентируются на формализм и бюрократизм, что свидетельствует об их оторванности от народа в решении насущных проблем; это наносит вред авторитету и снижает эффективность усилий государственной власти, а также дестабилизирует общество. Необходимо поднять на более высокий уровень общественное сознание людей, формировать новые устои гражданского общества в нетерпимости к фактам коррупции [11].

В настоящее время в деятельности государственного аппарата КНР задействованы около 70 миллионов чиновников, но для огромного населения страны (1440 миллионов человек), данное количество признано умеренным. В рейтинге по проценту количества чиновников от всех трудоспособных граждан Китай находится на 26 месте – 8,8% (для сравнения: Россия в том же рейтинге входит в первую пятерку наиболее бюро-

кратических стран с результатом 25-30%). Согласно официальным данным Верховной народной прокуратуры Китая, в 2006-2009 годах были выявлены и наказаны 67 тысяч государственных чиновников, а по итогам 2017 года за дисциплинарные нарушения «Восьми правил» были наказаны 71,6 тысяч госслужащих. Следует отметить, что применение информационных технологий содействует снижению коррупции: сокращение штата чиновников, улучшение качества их работы, введение четких критериев оценки работы, сведение к минимуму коррупционных рисков деятельности.

К выстраиванию обновленных отношений между государственными органами и обществом, формированию объективной оценки происходящих событий подключены все современные медиасредства КНР [17]. В СМИ открыто показывают недостойное поведение чиновников всех рангов (баснословные траты, шикарные особняки, роскошные автомобили), а также их последующее «позорное» снятие с должностных постов, исключение из рядов КПК, лишение права занимать государственную должность. Судебные процессы над коррупционерами заканчиваются суровыми приговорами (смертная казнь, пожизненное заключение). В настоящее время в Китае смертная казнь применяется редко, ее заменяют на пожизненное заключение, а в СМИ транслируют «речи покаяния» бывших чиновников из тюремных камер.

В Китае опыт борьбы с коррупцией при помощи широкой огласки в СМИ дает значимый эффект не только как «устрашение и предупреждение» – в силу социокультурных традиций открытая «потеря лица» перед обществом является дополнительным наказанием, так как отражается на членах семьи и родственниках (позор, презрение, отчуждение). Антикоррупционная компания в Китае решает три задачи: снизить экономический ущерб от коррупционных преступлений, довести до чиновников понимание неизбежности сурового наказания, вернуть в обществе доверие к государственной власти.

Одним из направлений противодействия коррупции в Китае является совершенство-

вание деятельности органов прокуратуры В процессе создания проекта закона о борьбе с коррупцией прокуратурой КНР подготовлены изменения в уголовный кодекс, предусматривающие ответственность за коррупцию в отношении общественных ценностей, совершенную государственным служащим с использованием служебного положения, установлено наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет либо арест; при крупном размере взятки, при наличии отягчающих обстоятельств назначается лишение свободы на пять и более лет; при особо отягчающих обстоятельствах – пожизненное заключение либо смертная казнь. Нарушение положений закона влечет применение санкций как на предоставляющую, так и принимающую сторону, а также посредников, что отражено в тезисе: «Бить и по тиграм, и по мухам».

Усиление борьбы с коррупцией отразилось на организационной структуре, во всех прокуратурах КНР созданы специализированные антикоррупционные управления [16].

В то же время антикоррупционные преследования сталкиваются с проблемой массового оттока подозреваемых в другие страны. Согласно докладу Академии общественных наук КНР, опубликованному в 2011 году, с 90-х годов XX века из числа «голых чиновников» (правительственный чиновник, чья семья постоянно проживает за рубежом, где и находятся все финансы) свыше 18 000 человек бежали из страны, а сумма вывезенных ценностей превышает 800 миллиардов юаней. Согласно статистике более половины сбежавших коррупционеров скрываются в США, Канаде и Австралии, которые не подписали с Китаем соглашения об экстрадиции, поэтому во многих случаях не удается добиться выдачи коррупционеров-беглецов [2].

В рамках антикоррупционной программы «Охота на лис» в 2014 году в КНР был опубликован «Настойчивый призыв к преступникам, совершившим экономические преступления и сбежавшим за границу» вернуться на родину и отдать похищенные средства. В 2017 году в КНР были возвращены около 1,3 тысячи фигурантов коррупционных дел, включая 347 членов КПК и чиновников госаппарата.

Результатом этих усилий стало возвращение в казну более 1 миллиарда юаней. При этом общая сумма похищенных и выведенных из страны бюджетных средств оценивается в 126 миллиардов юаней. Но полный экономический ущерб от коррупции трудно оценить в силу ее латентности.

Непосредственно расследование коррупционных преступлений в Китае сталкивается с «тремя трудностями»: выявление факта преступления, ведение следствия и получение доказательств, осуществление наказания. Наличие высоких покровителей и «поддержка» со стороны членов коррупционной связи позволяют чиновникам-коррупционерам избежать реального наказания даже при наличии весомых доказательств.

В марте 2018 года в Конституцию Китая были внесены изменения, которыми создано единое антикоррупционное ведомство, объединяющее отдельные подразделения китайского правительства, прокуратуры и ЦКПД КПК. Новое ведомство наделено широкими полномочиями, включая проведение следственных действий, наложение ареста на имущество и банковские счета, а также задержание подозреваемых. Создание общенационального внепартийного органа, нацеленного на борьбу с коррупцией на всех уровнях, включая самый высокий, является важным шагом в решении данной проблемы.

Как известно, для оценки стран мира по факту «коррупции» в государственном секторе используется Corruption Perception Index – Индекс восприятия коррупции (ИВК), который рассчитывается по методике международной неправительственной организации Transparency International; инструментами сбора информации являются открытые статистические источники, опросы населения стран мира, оценки экспертов. В этом контексте измерения коррупции такими данными, как количество уголовных дел или судебных приговоров, не отражают реального положения, а, скорее, свидетельствуют об эффективности работы правоохранительных органов. Результаты ИВК публикуются ежегодно. Сравним результаты данного рейтинга двух стран за два года с пятилетним интерва-

лом. Так, в 2015 году Китай в рейтинге ИВК (из 180 стран мира) находился в первой половине и занимал 83 место (ранг), Россия – 119 место. По версии данного исследования за 2020 год, Китай – 78 место, Россия – 129 место¹. По всей видимости, последовательная и достаточно жесткая антикоррупционная политика с учетом культурных традиций и поддержкой общества, которую проводит руководство Китая в течение последних двадцати лет, имеет положительный эффект.

В Российской Федерации создана и действует нормативно-правовая база по противодействию коррупции. Понятие «коррупции» закреплено законодателем в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» как социально-юридическое явление и как коррупционное правонарушение – отдельное проявление коррупции, влекущее за собой дисциплинарную, административную, уголовную или иную ответственность. Противодействие коррупции – скоординированная деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления муниципальных образований, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц по предупреждению коррупции, уголовному преследованию лиц, совершивших коррупционные преступления, минимизации и (или) ликвидации ее последствий.

Насколько эффективна деятельность по противодействию коррупции в России, можно рассматривать с нескольких точек зрения. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные мониторингового исследования о восприятии населением уровня коррупции в стране. Согласно результатам масштабного аналитического обзора за 2018 год действия властей по борьбе с коррупцией становятся для россиян все более заметными. В позитивных результатах работы в этом направлении уверены 55% граждан, тогда как об ухуд-

шении ситуации утверждают только 13%. Расследования и судебные процессы за коррупционные преступления над отдельными политиками и чиновниками высокого уровня, произошедшие за последние годы, 42% россиян воспринимают как свидетельство реальной борьбы властей с данным явлением, «не взирая на ранги». Но то, что такие «показательные» аресты и краткие сообщения о них в СМИ в целом не окажут значительного влияния на коррупционное поведение государственных служащих, отмечают 47% опрошенных². Особо следует обратить внимание, что 24% респондентов убеждены, что «во взяточничестве погрязло все общество», это опасно тем, что влечет, по мнению социологов и психологов, «самоисполняющееся пророчество», то есть в силу социальной установки люди готовы реализовывать коррупционное поведение (как принимающая, так и предлагающая стороны) именно в силу убежденности, что так поступают все.

Эффективное противодействие и предупреждение коррупции носит комплексный характер, что требует разработки научно обоснованных мер. В России исследования в данной сфере осуществляются в нескольких направлениях: коррупция изучается как социально-психологическое явление в обществе [12], выявляются психологические характеристики коррумпированной личности, в том числе и сотрудников правоохранительных органов [4], оценивается экономический эффект от реализации антикоррупционной политики и деятельности правоохранительных органов [3], осуществляются разнообразные правоведческие исследования [подр.: 9; 8]; разрабатываются наиболее эффективные меры предупреждения и противодействия [10; 13]; анализируется позитивный зарубежный опыт [5; 6]; развивается международное сотрудничество в данной сфере [15].

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Эффективность сложившейся «китайской модели» противодействия коррупции

1 Рейтинг стран мира по «Индексу восприятия коррупции» за 2020 г. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl>.

2 ВЦИОМ представляет данные мониторингового исследования о восприятии населением уровня коррупции в обществе. 2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9139>.

была достигнута системным и последовательным воздействием мер на политико-правовом и управленческо-организационном уровнях, формированием в обществе нетерпимости к коррупционным проявлениям.

2. Развитие механизмов международного сотрудничества в противодействии коррупции, успешная национальная антикоррупционная политика стабилизируют внутреннюю и внешнюю экономическую безопасность Китая, повышают авторитет государства на международной арене.

3. Для России изучение успешного зарубежного опыта, в том числе «китайской модели» противодействия коррупции, может способствовать развитию антикоррупционного законодательства, применению наиболее эффективных мер противодействия коррупции на государственной службе.

4. В России для повышения эффективности необходимо «сконцентрироваться на направлениях, обеспечивающих реализацию антикоррупционной политики, а именно контроль за ее исполнением (в том числе и путем антикоррупционного мониторинга) и назначением персональных санкций в отношении ответственных лиц за ненадлежащую реализацию антикоррупционных планов и программ» [подр.: 7, с. 94].

5. Решающим фактором эффективной реализации антикоррупционной политики в России является укрепление гражданского общества: создание атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям, развитие правовой культуры граждан, правовая интеграция общества.

Библиографический список

1. Борьба с коррупцией в Китае: методы, опыт. URL: <https://fb.ru/article/285462/borba-s-korruptsией-v-kitae-metodyi-opuyit>.
2. Ван Хай Цзюнь. Стратегия КНР по преследованию и возвращению в принудительном порядке и международное сотрудничество / Ван Хай Цзюнь // Социальное наблюдение. – 2015. – N 1.
3. Грачев, А.В. Экономический аспект оценки эффективности деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции / А.В. Грачев // Научный портал МВД России. – 2017. – N 1 (37). – С. 103-109.
4. Елисов, П.П. Личность коррупционного преступника / П.П. Елисов, Н.В. Строчилова // Научный портал МВД России. – 2017. – N 4 (40). – С. 11-15.
5. Латов, Ю.В. Зарубежный опыт противодействия коррупции в полиции / Ю.В. Латов // Terra Economicus. – 2013. – Т. 11. – N 2. – С. 16-24.
6. Майоров, В.И. Зарубежный опыт эффективного противодействия коррупции в странах азиатско-тихоокеанского региона: Япония, Южная Корея, Сингапур / В.И. Майоров, О.Н. Дунаева // Евразийский юридический журнал. – 2019. – N 11 (138). – С. 296-299.
7. Майоров, В.И. Современные направления антикоррупционной политики в отношении государственных гражданских служащих / В.И. Майоров, Е.А. Летаева // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2018. – N 2. – С. 93-99.
8. Майоров, В.И. Рецензия на диссертацию А.М. Ломова Административно-правовые аспекты противодействия коррупции в ОВД / В.И. Майоров // Административное право и процесс. – 2010. – N 4. – С. 59-61.
9. Майоров, В.И. Урегулирование конфликта интересов в системе государственной службы как мера социального противодействия коррупции / В.И. Майоров // Виктимология. – 2014. – N 2 (2). – С. 51-58.
10. Нечевин, Д.К. Административно-правовые формы и методы противодействия коррупции / Д.К. Нечевин, М.М. Поляков. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 128 с.

11. Си Цзиньпин призвал к непоколебимой борьбе с коррупцией. – URL: <http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-01/22>.
12. Социально-психологические исследования коррупции / отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова, В.А. Соснин. – М.: Изд-во «Инст. психологии РАН», 2017. – 285 с.
13. Фролов, В.В. Анализ опыта борьбы с коррупционными преступлениями / В.В. Фролов // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития. – СПб.: Изд-во: С-Пб. УМВД РФ, 2016. – С. 74-77.
14. Хао Лун. Социокультурный контекст реформирования государственной службы Китая / Хао Лун // Вестник МГУКИ. – 2014. – N 4 (60). – С. 210-215.
15. Турнцевский, Ю.В. Противодействие коррупции в Китае: законодательство и правоприменение : монография / Ю.В. Турнцевский, В.В. Севальнев, А.Н. Сухаренко. – М.: ИНФРА-М: ИЗИСП при Правительстве РФ, 2018. – 187 с.
16. Ху Жунь. Правовые проблемы борьбы с коррупцией Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе и пути их решения / Ху Жунь // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – N 4. – С. 84-95.
17. Чжень Ван Синь. Взаимодействие полиции и общества в Китайской Народной Республике / Чжень Ван Синь // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – N 4 (64). – С. 236-240.

Гакку Нурлановна РАХИМОВА,

докторант Евразийской Юридической Академии
имени Д. Кунаева (г. Алматы, Республика Казахстан),
магистр юридических наук

gakku_almatycity@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ ЗА СОВЕРШЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ПРОСТУПКОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

PROBLEMS OF EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES FOR COMMITTING CRIMINAL OFFENSES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Статья посвящена проблемам исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, за совершение уголовных проступков. Уголовные проступки введены в законодательный оборот в 2014 году в связи с принятием нового уголовного закона Республики Казахстан. В процессе правоприменения образовался ряд проблем, связанных с применением наказаний за их совершение. Автором проведен углубленный анализ рассматриваемой проблемы и предложены меры по совершенствованию законодательства Республики Казахстан.

The article is devoted to the problems of the execution of punishments not related to imprisonment for committing criminal offenses. Criminal misdemeanors were introduced into legislative circulation in 2014 in connection with the adoption of a new criminal law of the Republic of Kazakhstan. Taking into account the above, in the process of law enforcement, a number of problems have arisen related to the application of punishments for committing criminal offenses. The author carried out an in-depth analysis of the problem under consideration and proposed measures to improve the legislation of the Republic of Kazakhstan.

Ключевые слова: уголовные проступки, исполнение наказаний, штраф, уголовно-исполнительное производство, уголовный закон.

Keywords: *criminal offenses, execution of punishments, fine, criminal execution proceedings, criminal law.*

В уголовно-правовой литературе, посвященной проблемам наказания, особенно вопросам их классификации, широко известно понятие имущественного наказания. Его используют чаще всего тогда, когда речь идет о таких видах наказания, как штраф и конфискация имущества. Вместе с тем у ученых-правоведов нет единства мнений по вопросу о том, какие именно наказания являются имущественными. При этом правильная классификация наказаний важна не только в чисто теоретическом плане, она

имеет также большое значение в практической деятельности.

Для более четкого и правильного выделения из системы наказаний тех мер, которые следует относить к имущественным, необходимо прежде всего выяснить понятие наказания вообще, так как без предварительного решения общих вопросов будет затруднительным решение частных. Как верно замечено, нельзя правильно понять специфические цели уголовного наказания, характерные для отдельных видов преступления, если вырвать

отдельный вид уголовного наказания из общей системы учения о наказании и рассматривать его изолированно.

При всей важности социально-экономических мер по предупреждению преступности, улучшению воспитательной работы нельзя не учитывать той роли, которую играет в борьбе с преступностью уголовное наказание. Интересное мнение по данному вопросу высказано Д.С. Чукмаитовым о том, что «сегодня суды крайне нуждаются в общетеоретическом освещении проблем уголовного наказания и поощрения как регулятора человеческого поведения. Задача состоит в том, чтобы, признавая наказание основным способом реализации уголовной ответственности, определить те случаи, когда от него можно отказаться вообще или же реально не исполнять, а в случае применения наказания опираться на хорошо разработанную теорию санкций и поощрений в уголовном и уголовно-исполнительном праве» [3, с. 168].

Еще П.А. Сорокин замечал: «Одна и та же награда или кара при прочих равных условиях произведет тем большее влияние на поведение различных людей или одного и того же человека в различные периоды его жизни, чем больше данный человек нуждается в этой награде для удовлетворения соответствующей потребности или чем большее «благо» отнимает у него кара» [2, с. 122]. Изучая исторический опыт применения наказаний, мы убеждаемся в том, что П.А. Сорокин удачно раскрыл психологический механизм действия на человека кары и награды и их влияние на его поведение. Как частный случай общего закона им обосновано и сформулировано общее правило о том, что степень мотивационного влияния одной и той же кары или награды на различных людей зависит от характера и интенсивности (устойчивости) их научно-религиозно-морального мировоззрения и миропонимания. Соглашаясь с суждениями П.А. Сорокина, мы считаем, что это мнение следует учитывать при использовании наказания как средства борьбы с преступностью.

Институт уголовного наказания, способствующий воплощению в жизнь социаль-

но-превентивной функции уголовного права (общее и специальное предупреждение преступления), – один из важнейших институтов уголовного права. Эффективность уголовного права в значительной мере зависит от эффективности уголовного наказания и правильного определения понятия, сущности и целей наказания.

Не останавливаясь на теоретических проблемах понятия и сущности наказания, хотелось бы отметить проблемы исполнения уголовных наказаний за совершение уголовных проступков, которые введены в уголовный закон Республики Казахстан в 2014 г. Понятие уголовного проступка дано в ст. 10 Уголовного кодекса Республики Казахстан¹, вступившего в действие 1 января 2015 г.

Уголовным проступком признается совершенное виновно деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста.

Наказание в виде ареста применяется в Казахстане только с 1 января 2017 г.

Наказания в виде общественных работ в силу требований ч. 3 ст. 45 УК РК не назначается беременным женщинам, женщинам, имеющим малолетних детей в возрасте до трех лет, мужчинам, воспитывающим в одиночку малолетних детей в возрасте до трех лет, женщинам в возрасте пятидесяти восьми и более лет, мужчинам в возрасте шестидесяти трех и более лет, инвалидам первой или второй группы, военнослужащим.

Наказание в виде исправительных работ назначается по месту работы осужденного. Учитывая, что лица, привлекаемые к уголовной ответственности, в большей части не имеют постоянного места работы, данный вид наказания также не находит широкого применения.

1 Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014. URL: <https://online.zakon.kz/document>.

Таким образом, наказание в виде штрафа является наиболее распространенным видом наказания по категории дел об уголовных проступках.

Однако на сегодняшний день возникли проблемы с исполнением наказания в виде штрафа, что снижает эффективность этого вида наказания, ведет к вседозволенности со стороны правонарушителей.

Согласно ст. 472 УПК РК² вступившие в законную силу приговор и постановление суда обязательны для всех без исключения государственных органов, органов местного самоуправления, юридических лиц, должностных лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Республики Казахстан. Неисполнение приговора, постановления суда влечет уголовную ответственность.

Наказание в виде штрафа назначается в силу требований ст. 41 УК РК в размере, соответствующем определенному количеству месячных расчетных показателей, установленных законодательством Республики Казахстан и действовавших на момент совершения уголовного правонарушения. За уголовные проступки штраф устанавливается в пределах от 25 до 500 месячных расчетных показателей (МРП).

При этом согласно ч. 3 ст. 41 УК РК в случае уклонения от уплаты штрафа, назначенного за совершение уголовного проступка, он заменяется привлечением к общественным работам из расчета один час общественных работ за один месячный расчетный показатель либо арестом из расчета сутки ареста за четыре месячных расчетных показателя, а в случае уклонения от уплаты штрафа, назначенного за совершение преступления, он заменяется лишением свободы из расчета один день лишения свободы за четыре месячных расчетных показателя.

Проблемы возникли в связи с внесением изменений в ст. 138 Закона Республики Ка-

захстан «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей»³, которой к ведению частных судебных исполнителей было отнесено взыскание в размере до 1000 МРП. Согласно указанным изменениям в соответствии со ст. 138 Закона РК «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» к исполнению частным судебным исполнителем принимаются все исполнительные документы о взыскании на сумму до 1000 МРП, предусмотренные этим законом, за исключением исполнительных документов о: 1) взыскании с государства; 2) взыскании с юридического лица, пятьдесят и более процентов голосующих акций (долей участия в уставном капитале) которого принадлежат государству и аффилированным с ним юридическим лицам; 3) взыскании с субъектов естественных монополий или субъектов, занимающих доминирующее положение на рынке товаров и услуг; 4) взыскании в пользу государства, по которым размер взыскания превышает тысячу месячных расчетных показателей; 5) конфискации имущества либо о передаче имущества государству; 6) выселении, вселении, сносах, изъятиях земельных участков и других категорий дел, производимых в интересах государства.

Без приведения данного закона в соответствие с нормами ст. 24 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан⁴ государственные судебные исполнители на основании незаконных разъяснений Министерства юстиции республики стали этот закон применять.

Статьей 24 УИК РК определено, что исполнение наказания в виде штрафа производится территориальными органами юстиции. Этой же статьей территориальным органам предоставлено право обращения в суд с представлением о замене наказания в виде штрафа на более тяжкое в случае злостного неисполнения.

2 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014. URL: <https://online.zakon.kz/document>.

3 URL: <https://online.zakon.kz/document>.

4 Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 05.07.2014. URL: <https://online.zakon.kz/document>.

В соответствии со ст. 5 Закона РК «Об органах юстиции»⁵ Региональная палата частных судебных исполнителей г. Алматы не относится к территориальным органам юстиции.

УИК РК и УПК РК имеют в соответствии с иерархией законов большую юридическую силу, чем Закон РК «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей». Так, согласно ст. 12 Закона РК «О правовых актах» нормы законов в случаях их расхождения с нормами кодексов Республики Казахстан могут применяться только после внесения в кодексы соответствующих изменений и (или) дополнений. Таким образом, ст. 138 Закона РК «Об исполнительном производстве» не подлежала применению до внесения изменений в ст. 24 УИК РК.

В связи с тем, что с января 2016 г. региональные органы юстиции не принимают к исполнению приговоры в части исполнения наказания в виде штрафа, а у частных судебных исполнителей нет права обращения в суд с представлением о замене наказания, в 2016 г. наказание в виде штрафа в принудительном порядке практически не исполняется [1], в связи с чем этот вопрос требует срочного законодательного урегулирования.

Считаем, что на законодательном уровне необходимо внести изменения в ст. 24 УИК РК о передаче исполнения наказания в виде штрафа в службу пробации.

Назначение и исполнение наказания является исключительной прерогативой государства. Штрафы как наказание за уголовные правонарушения, назначаемые приговором суда, не могут исполняться частными судебными исполнителями.

В пользу передачи полномочий по взысканию штрафа также свидетельствует следующее обстоятельство. К ответственности за совершение уголовных проступков часто привлекаются лица, страдающие наркотической зависимостью, без определенного места жительства, которые скрываются от исполнения наказания в виде штрафа.

Нормами УИК РК службе пробации предоставлено право объявления в розыск лиц, находящихся под пробационным контролем, в случае их злостного уклонения от отбывания наказания. Частным судебным исполнителям законом такие полномочия не делегированы.

Служба пробации имеет отлаженную систему контроля за осужденными, никаких не свойственных ей функций в случае передачи на исполнение наказания в виде штрафа выполнять не придется, тогда как передача исполнения наказания частным судебным исполнителям, как это происходит сейчас, полностью подрывает принципы и основы государственности. Только государство является «машиной принуждения» и только органы государства вправе и обязаны исполнять наказание, назначенное от имени государства.

Кроме того, в соответствии со ст. 170, 178 УПК РК при исполнении приговора по взысканию в части гражданского иска и процессуальных издержек суд направляет приговор для принудительного исполнения в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством.

Согласно ст. 241 ГПК РК⁶ после вступления в законную силу решения суда выписывается исполнительный лист. В случаях взыскания в доход государства, а также взыскания ущерба, причиненного преступлением, суд по своей инициативе направляет исполнительный документ для исполнения в соответствующий орган юстиции по территориальности не позднее следующего рабочего дня со дня его выписки.

Поскольку в уголовном процессе удовлетворяются только иски о возмещении ущерба, причиненного непосредственно уголовным правонарушением, то исполнительные листы по действующему законодательству должны также направляться в территориальные органы юстиции.

Процессуальные издержки по уголовным делам также взыскиваются только в доход государства, и исполнительные листы по ним

5 URL: <https://online.zakon.kz/document>.

6 URL: <https://online.zakon.kz/document>.

должны также направляться в территориальные органы юстиции.

Несмотря на это, с 1 января 2016 г. территориальные органы юстиции не принимают к исполнению исполнительные листы, выписанные на основании приговоров, устно сообщая о направлении исполнительных листов в региональную палату частных судебных исполнителей (опять со ссылкой на разъяснения Министерства юстиции РК).

Первоначально и частные судебные исполнители не принимали их к исполнению по разным причинам (в частности, нахождение должника в местах лишения свободы, отсутствие заявления взыскателя и т.д.).

Согласно ст. 52 Закона РК «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» если государственный судебный исполнитель выяснит, что должник не находится по адресу, по которому был предъявлен исполнительный документ, а находится на территории другой административно-территориальной единицы, он немедленно выносит об этом постановление и не позднее трех рабочих дней с момента его вынесения направляет исполнительный документ и копии всех материалов исполнительного производства государственному судебному исполнителю по новому месту расположения должника.

При этом частный судебный исполнитель в таких случаях вправе вернуть исполнительный документ взыскателю, что и делают в настоящее время частные судебные исполнители.

В части отсутствия заявления взыскателей необходимо отметить, что частные судебные исполнители осуществляют свою деятельность только на возмездной основе после заключения с взыскателем соглашения (догово-

ра) об условиях исполнения исполнительного документа.

По уголовным делам потерпевшие, которым и так причинен ущерб преступлением, в большинстве не имеют возможностей оплачивать услуги частных судебных исполнителей, а по взысканиям в доход государства процессуальных издержек вообще не ясно, с кем должен заключать соглашение частный судебный исполнитель.

В связи с внедрением автоматизированной информационной системы исполнительного производства исполнительные листы с 1 апреля 2016 г. на сумму менее 1000 МРП направляются в региональную палату в электронной форме автоматически.

Таким образом, в настоящее время приговоры, вынесенные по делам об уголовных проступках, в части взыскания ущерба потерпевшим и процессуальных издержек до 1000 МРП не исполняются с 1 января 2016 г., так же как и наказания в виде штрафа.

В связи с возникновением коллизий между ст. 138 Закона Республики Казахстан «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» и ст. 24 УИК РК исполнение наказаний в виде штрафа за совершение уголовных проступков не представляется возможным, поскольку оно производится лишь территориальными органами юстиции, к которым палата частных судебных исполнителей не относится. УИК РК и УПК РК имеют в соответствии с иерархией законов большую юридическую силу, чем Закон РК «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей». В этой связи считаем необходимым привести в соответствие положения ст. 138 Закона РК «Об исполнительном производстве» положениям ст. 24 УИК РК.

Библиографический список

1. Ергалиева, Ш. Проблемы исполнения приговоров / Ш. Ергалиева // Юридическая газета. – 2016. – 27 апреля.
2. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин ; общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов ; пер. с англ. – М., 1992. – 543 с.
3. Чукмаитов, Д.С. Применение уголовного наказания в целях предупреждения рецидивных преступлений / Д.С. Чукмаитов. – Алматы, 1997. – 208 с.

Андрей Николаевич ТОЛОЧКО,

доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(г. Минск), кандидат юридических наук, доцент
tolochko28061981@mail.ru

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЮРИДИЧЕСКИХ НАУКАХ

QUANTITATIVE RESEARCH IN LEGAL SCIENCES

В статье рассмотрены современные тенденции применения методов количественных исследований в юридических науках, включая уголовно-правовые науки. Предложены новые методологические подходы к проведению количественных исследований междисциплинарных связей в сфере уголовно-правовых наук, основанные на использовании теории матриц и теории множеств. Объектом исследований являлись связи между теорией оперативно-розыскной деятельности и другими науками уголовного-правового цикла, а именно односторонние связи, проявляющиеся во влиянии на теорию оперативно-розыскной деятельности частично заимствуемого ею содержания других уголовно-правовых наук.

The current trends in the application of methods of quantitative research in legal sciences, including criminal legal sciences, are considered. New methodological approaches to conducting quantitative research of interdisciplinary relations in the field of criminal law sciences, based on the use of matrix theory and set theory, are proposed. The object of research was the relationship between the theory of operational-search activity and other sciences of the criminal-legal cycle, namely: one-way connections, manifested in the influence on the theory of operational-search activity of the content of other criminal law sciences partially borrowed by it.

Ключевые слова: матрица, множество, исследование, междисциплинарная связь, научная дисциплина, уголовно-правовая наука, теория оперативно-розыскной деятельности, количественная характеристика.

Keywords: matrix, set, research, interdisciplinary communication, scientific discipline, criminal law science, theory of operational search activity, quantitative characteristics.

В последние годы в юридических науках, как и в других видах общественных наук, наряду с традиционным использованием качественных исследований все возрастающее внимание уделяется использованию количественных исследований.

И те, и другие исследования имеют свои особенности [2; 7].

Качественные исследования представляют собой неформализованные процедуры сбора, обработки и анализа данных с представлением полученных результатов в нестандартизированной форме. Эти исследования

направлены на достижение углубленного понимания исследуемых объектов, они могут охватывать разнообразные по тематике вопросы, при этом число используемых данных обычно невелико. Недостатком качественных исследований является субъективность трактовки получаемых результатов, что обусловлено зависимостью их качества от профессиональной подготовки, функционального состояния и личностных характеристик исследователя, а также от возможного целенаправленного влияния заказчиков (организаторов) исследований.

Количественные исследования, в свою очередь, характеризуются высокой степенью формализации сбора, обработки и анализа довольно больших массивов однотипных данных и стандартизованным представлением полученных результатов, которые выражаются в абсолютных или относительных численных величинах. Благодаря этому обеспечиваются достоверность полученных результатов, возможность их использования для выявления каузальных, корреляционных и других связей между исследуемыми объектами, а также простота сравнения результатов разных исследований.

Сочетание качественных и количественных методов способствует выполнению более полных и всесторонних исследований благодаря достижению комплементарного эффекта, заключающегося в том, что при исследовании одного и того же объекта информация, полученная качественными методами, дополняется информацией, полученной количественными методами, и наоборот [1; 2; 7; 11].

Использование количественных исследований в юридических науках (т.е. математизация юридических наук) приобретает особую актуальность в связи с тем, что современная методология этих наук практически не обогащается новыми подходами, что в значительной мере отражается на объективности, достоверности и научной значимости результатов изучения правовых проблем [4; 8; 14].

В юриспруденции при изучении правовых явлений и процессов используются разнообразные математические науки: теория вероятностей, математическая статистика, комбинаторика, математическая логика, теория информации, теория исследования операций, теория матриц, теория распознавания образов и др. [5; 12].

Математические методы при использовании в юридических науках выполняют определенные методологические функции, в частности, способствуют совершенствованию языка науки с учетом требований к логико-математической точности научного знания; формулированию более строгих выводов правовых исследований, облеченных в

математическую форму; сближению юридических наук с другими науками на основе их общей математизации [12].

Благодаря использованию математических методов достигается более высокая достоверность результатов правовых исследований; в результате математической обработки количественных показателей становится возможным получать такую информацию, которая не может быть получена качественными, описательными методами; с помощью техники математического моделирования создаются условия для более глубокого изучения правовых явлений и процессов [12].

Особую группу юридических наук составляют уголовно-правовые науки, среди которых математизация затронула в разной степени уголовное право, криминологию, криминалистику и судебную экспертизу (криминалистическую экспертизу) (табл.).

Анализ опыта использования количественных исследований в юридических науках показывает, что все эти исследования имеют характерную особенность, а именно: они затрагивают каждую отдельно взятую науку независимо от других, в том числе смежных наук, и направлены на совершенствование присущих этой науке положений, которые являются для нее традиционными. При этом развитие науки обычно происходит путем постепенного углубления и расширения ранее существовавших научных представлений.

Между тем развитие любой науки становится особенно эффективным, если она претерпевает значительные изменения, в том числе концептуального характера, обогащается принципиально новыми знаниями. Одним из перспективных путей такого развития является целенаправленное использование содержательных междисциплинарных связей (МД-связей), посредством которых одни науки могут подвергаться влиянию других наук – в результате заимствования какой-либо отдельно взятой наукой определенных фрагментов содержания других наук [6, с. 88-89; подр.: 13].

С целью более успешного использования МД-связей для развития наук важно проводить исследования закономерностей прояв-

Математизация уголовно-правовых наук (УПН)

Разделы математики	Примеры использования количественных исследований
Уголовное право	
Теория матриц	- составление «топографических карт» правовых явлений, определение регулирующих воздействий на правовые явления [10]
Методы моделирования	- моделирование процессов применения правовых норм [12] - совершенствование системы правовой информации: упорядочение информации, обоснование требований для подготовки новой или корректировки имеющейся информации [12] - моделирование социальных процессов, изучение факторов влияния на социальные процессы [12]
Математическая логика	- проведение логической экспертизы (редактирование формулировок) правовых актов и норм права, совершенствование их логической структуры, повышение уровня их логической завершенности, уточнение их логического смысла [2]
Криминология	
Теория матриц	- представление в наглядной форме взаимосвязей криминологических и демографических данных с помощью матричных моделей [14]
Методы моделирования	- моделирование динамики преступности [14] - моделирование преступного рецидивного поведения [14]
Теория распознавания образов	- прогнозирования поведения преступников на основе данных о самом поведении [14]
Методы прогнозирования	- прогнозирование преступности с помощью методов экстраполяции и корреляции [14]
Методы оценки процессов и систем	- оценка эффективности деятельности органов внутренних дел по борьбе с преступностью [14] - оценка состояния латентной преступности [14]
Факторный анализ	- исследование причин правонарушений [14]
Математическая статистика	- анализ влияние сроков отбытого наказания на рецидивную преступность [14] - исследование эффективности наказания в виде лишения свободы в отношении рецидивистов [14] - исследование эффективности отбытых сроков наказания в зависимости от состава преступления [14] - анализ социологической статистической информации в правовой сфере (количественная характеристика массовых правовых явлений) [2] - выявление устойчивых закономерностей в преступности как массовом социально-негативном явлении [8] - анализ всей совокупности социологической статистической информации, представляющей интерес для объяснения криминогенной ситуации [8]
Математическая логика	- объяснение криминального поведения человека [8]
Криминалистика	
Методы моделирования	- оптимизация процедур расследования преступлений [12]
Математическая логика	- раскрытие преступлений и розыск преступников [8]
Криминалистическая экспертиза	
Теория вероятностей	- разработка методов судебно-портретной экспертизы, дактилоскопической экспертизы, почерковедческой экспертизы [8] - определение частоты встречаемости различных криминалистических признаков [2]
Теория вероятностей и математическая статистика	- оценка идентификационного значения признаков, характеризующих объекты судебно-экспертного решения, исследование взаимозависимости признаков и надежности идентификации [2]

ления этих связей. При этом представляет особый интерес изучение возможностей проведения не только качественных исследований, но и количественных исследований, т.е. изучать не только качественные, но и количественные характеристики МД-связей.

Ниже кратко описаны предложенные нами методологические подходы к проведению количественных исследований МД-связей в сфере уголовно-правовых наук на основе использования теории матриц и теории множеств (более детальное их описание будет дано в последующих публикациях). В качестве примера мы анализировали связи теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД) с другими уголовно-правовыми науками. Принципиальным являлось рассмотрение исключительно односторонних связей, которые проявлялись во влиянии на теорию ОРД заимствуемого ею содержания других уголовно-правовых наук. При таком взаимоотношении теории ОРД с этими дисциплинами они для нее являются опорными дисциплинами, а она для них – опирающаяся.

Особое внимание уделялось различиям в характере проявления МД-связей на разных уровнях иерархической структуры научных дисциплин: на уровне дисциплин в целом, на уровне тематических разделов дисциплин (частей, глав, параграфов и т.д.) и на уровне отдельных элементов содержания (научных понятий, положений, концепций, методик и т.д.).

Матричный подход

Рассмотрим сначала особенности матричного анализа связей теории ОРД с другими научными дисциплинами в целом. Введем условные обозначения всех этих дисциплин: наука уголовного права – А, криминология – В, криминалистика – С, наука уголовно-исполнительного права – D, наука уголовного процесса – E, наука о судебной деятельности – F, наука о прокурорской деятельности – G, наука о правозащитной деятельности – H, наука о правоохранительной деятельности – I, теория ОРД – J.

Из всех перечисленных дисциплин можно выделить следующие, в наибольшей мере соответствующие теории ОРД с учетом общности их содержания: наука уголовного права, криминология, криминалистика и наука уголовного процесса. Именно с указанными дисциплинами, которые выступают в качестве опорных дисциплин, наиболее ярко проявляются связи теории ОРД, которая, в свою очередь, является опирающейся дисциплиной. Посредством этих связей указанные дисциплины оказывают влияние на теорию ОРД, способствуя ее развитию путем заимствования их содержания [9, с. 51-87].

Такая картина МД-связей находит отражение в изображенной на рис. 1 матрице-строке связей между теорией ОРД и другими научными дисциплинами уголовно-правового цикла, условно обозначенными буквами. Крестики, проставленные в ячейках строки, указывают на наличие связей между дисциплинами.

Д	А	В	С	D	E	F	G	H	I
J	X	X	X		X				

Рис. 1. Матрица-строка связей теории ОРД (J) с другими научными дисциплинами уголовно-правового цикла (Д) на уровне дисциплин в целом

Путем обработки этой матрицы можно количественно оценить значимость содержания дисциплин уголовно-правового цикла для развития теории ОРД в целом. Так, частота заимствования содержания этих дисциплин теорией ОРД в целом составляет 0,44 (сумма крестиков, деленная на число всех дисциплин типа Д). Эта величина иначе называется частотой использования содержания других научных дисциплин теорией ОРД в целом.

Подобным образом с помощью матричного метода можно анализировать связи между научными дисциплинами на уровне их тематических разделов. Введем условные обозначения тематических разделов теории ОРД:

теоретико-методологические основы ОРД – ТР1, оперативно-розыскная тактика – ТР2, оперативно-розыскная методика – ТР3, оперативно-розыскная техника – ТР4. На рис. 2 показана прямоугольная матрица связей между тематическими разделами теории ОРД, с одной стороны, и другими научными дисциплинами уголовно-правового цикла – с другой. Разделы теории ОРД составляют строки матрицы, другие дисциплины, отмеченные буквами, составляют столбцы матрицы. Крестики, проставленные на пересечениях строк и столбцов, указывают на наличие связей разделов теории ОРД с другими дисциплинами [9, с. 51-87].

ТР ₁ \ Д	А	В	С	Е
ТР ₁	Х	Х	Х	Х
ТР ₂	Х	Х	Х	
ТР ₃		Х	Х	
ТР ₄			Х	

Рис. 2. Матрица связей тематических разделов теории ОРД (ТР₁) с другими научными дисциплинами уголовно-правового цикла (Д)

Путем обработки этой матрицы можно количественно оценить значимость содержания других научных дисциплин для развития разделов теории ОРД. Так, частота заимствования содержания других дисциплин 1-м разделом теории ОРД (ТР1) составляет 1,0, 2-м разделом (ТР2) – 0,75, 3-м разделом (ТР3) – 0,5 и 4-м разделом (ТР4) – 0,25. Эта ве-

личина высчитывается как сумма крестиков в каждой из строк, деленная на число опорных дисциплин и иначе называется частотой использования содержания других дисциплин каждым из разделов теории ОРД (ЧИД). С другой стороны, частота заимствования теорией ОРД в целом содержания других дисциплин составляет: 0,5 для дисциплины А, 0,75

для дисциплины В, 1,0 для дисциплины С и 0,25 для дисциплины Е. Эта величина высчитывается как сумма крестиков в каждом из столбцов, деленная на число разделов теории ОРД и иначе называется частотой обращения теории ОРД в целом к содержанию других дисциплин (ЧОД).

Более детальные сведения о характере связей теории ОРД с каждой научной дисциплиной в отдельности на уровне тематических разделов дисциплин можно получить путем обработки системы матриц связей, аналогичных по построению показанной на рис. 2, с тем лишь отличием, что столбцами каждой из них будут являться разделы соответствующей дисциплины.

При использовании матричного метода для исследования связей между научными дисциплинами на уровне элементов содержания, входящих в состав разделов, вносится изменение в способ заполнения ячеек матриц. Суть этого изменения состоит в том, что на пересечениях строк и столбцов матрицы ставятся не крестики, фиксирующие на-

личие связей каждого раздела теории ОРД с другими научными дисциплинами, а числа, указывающие количество этих связей, проявляющихся на уровне элементов содержания. Иными словами, число в той или иной ячейке показывает, сколько существует связей на уровне элементов содержания (межэлементных связей) между соответствующим разделом теории ОРД и научной дисциплиной, пересечение которых эту ячейку образует, или, что то же самое, в скольких конкретных местах (условных точках соприкосновения) данный раздел связан с данной дисциплиной. При этом на тех пересечениях строк и столбцов, которые соответствуют отсутствию связей, ставятся нули. Соответствующая матрица показана на рис. 3. Как видно, она аналогична матрице на рис. 2, но отличается от нее способом заполнения ячеек. Количество связей разных разделов теории ОРД с другими дисциплинами, фигурирующие в матрице на рис. 3, определяли в результате специального анализа литературных данных [9, с. 51-87].

TR_j \ Д	А	В	С	Е
TR_{j1}	8	1	5	3
TR_{j2}	2	5	1	0
TR_{j3}	0	3	1	0
TR_{j4}	0	0	1	0

Рис. 3. Матрица связей тематических разделов теории ОРД (TR_j) с другими научными дисциплинами уголовно-правового цикла (Д) на уровне элементов содержания

Путем обработки этой матрицы можно вычислить количественные характеристики связей между научными дисциплинами на уровне элементов содержания. Так, частота заимствования элементов содержания других дисциплин 1-м разделом теории ОРД (ТРJ1) составляет 4,25, 2-м разделом (ТРJ2) – 2,0, 3-м разделом (ТРJ3) – 1,0 и 4-м разделом (ТРJ4) – 0,25. Эта величина высчитывается как сумма чисел в каждой из строк, деленная на число опорных дисциплин, и иначе называется частотой использования содержания других научных дисциплин каждым из разделов теории ОРД. С другой стороны, частота заимствования теорией ОРД элементов содержания других дисциплин составляет: 2,5 для дисциплины А, 2,25 для дисциплины В, 2,0 для дисциплины С и 0,75 для дисциплины Е. Эта величина высчитывается как сумма чисел в каждом из столбцов, деленная на число разделов теории ОРД, и иначе называется частотой обращения теории ОРД к содержанию других научных дисциплин.

Более детальные сведения о характере связей теории ОРД с каждой научной дисциплиной в отдельности на уровне элементов содержания можно получить путем обработки системы матриц связей, аналогичных по построению показанной на рис. 3, с тем лишь отличием, что столбцами каждой из них будут являться разделы соответствующей дисциплины.

Теоретико-множественный подход

Как будет показано ниже, теоретико-множественный метод исследования МД-связей позволяет получать в принципе те же результаты, что и матричный метод, но вместе с тем, благодаря возможности представлять МД-связи с помощью круговых диаграмм, он характеризуется большей наглядностью получаемых результатов и, следовательно, их большей доступностью для понимания. Сущность метода состоит в том, что все дисциплины рассматриваются как множества, состоящие из тематических разделов или элементов содержания. При этом дисциплины, имеющие между собой связи, рассматриваются как пересекающиеся множества. На диаграмме каждое множество изображается в виде круга. Если между дисциплинами имеются связи, то соответствующие круги пересекаются

На рис. 4 изображена диаграмма, отражающая связи теории ОРД (центральный круг J) с другими научными дисциплинами уголовно-правового цикла (периферийные круги с соответствующими буквенными обозначениями) на уровне дисциплин. Как отмечалось выше, теория ОРД имеет связи с наукой уголовного права, криминологией, криминалистикой и наукой уголовного процесса, что отражается на диаграмме пересечением кругов А, В, С и Е с кругом J.

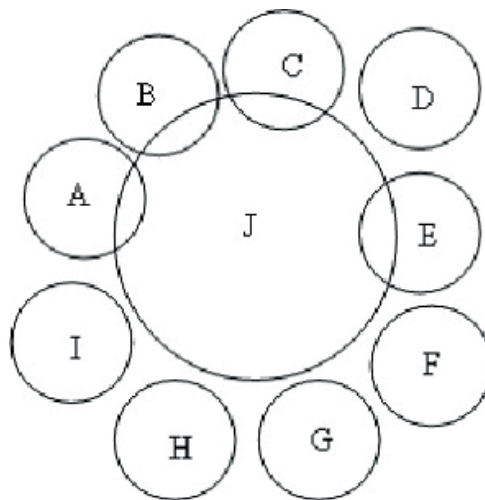

Рис. 3. Диаграмма непересекающихся и пересекающихся множеств (связи теории ОРД с другими научными дисциплинами уголовно-правового цикла на уровне дисциплин)

В результате анализа диаграммы на рис. 4 можно количественно оценить значимость содержания дисциплин уголовно-правового цикла для развития теории ОРД в целом. Так, путем деления числа пересекающихся множеств (4) на общее число множеств (9) находим, что частота заимствования содержания других дисциплин теорией ОРД в целом составляет 0,44 (такое же значение было получено с помощью матричного метода).

Осуществляя подобным образом построение, а затем анализ диаграмм, можно анализировать связи теории ОРД с другими научными дисциплинами уголовно-правового цикла на уровне их тематических разделов или элементов содержания. В первом случае при построении диаграммы центральный круг J делится на четыре сектора, каждый из которых пересекается с определенными периферийными кругами (А, В, С и Е). Во втором случае диаграмма строится так же, как и в первом, но отличается тем, что на общих участках пересекающихся кругов указываются числа, равные количеству элементов содержания, которые заимствуются из других дисциплин каждым разделом теории ОРД.

В терминах теории множеств этими числами определяется мощность пересечения двух множеств, из которых одно множество – теория ОРД, другое – дисциплина, имеющая с ней связь.

Выполнен аналитический обзор современного состояния методологии исследований в сфере юридических наук, указывающий на актуальность более широкого применения методов количественных исследований. Рассмотрены основные направления математизации уголовно-правовых наук.

Предложены новые методологические подходы к проведению количественных исследований междисциплинарных связей в сфере уголовно-правовых наук, которые основаны на использовании теории матриц и теории множеств и позволяют анализировать количественные характеристики связей на разных уровнях иерархической структуры научных дисциплин – на уровнях отдельных элементов содержания, тематических разделов и научных дисциплин в целом. Эффективность предложенных методов количественных исследований показана на примере анализа связей теории ОРД с другими уголовно-правовыми науками.

Библиографический список

1. Аbruков, В.С. Количественные и качественные методы: соединяем и властвуем! / В.С. Аbruков, Я.Г. Николаева // Социологические исследования. – 2010. – N 1. – С. 142-145.
2. Белановский, С.А. Глубокое интервью и фокус-группы : учебное пособие / С.А. Белановский. – М., 2018. – URL: <http://www.sbelan.ru/Glubokoe-intervju-i-fokus-gruppy-3-e-izdanie-S-A-Belanovskij.htm>.
3. Высшая математика для юристов : учебное пособие / П.В. Арбузов, В.Н. Герасименко, С.В. Гуде [и др.]. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 235 с.
4. Горшунов, Д.Н. Математические методы в исследовании системы права / Д.Н. Горшунов // Уч. зап. Казанского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150. – Кн. 5. – С. 27-34.
5. Дегтерев, Д.А. Применение математических методов в юридической методологии / Д.А. Дегтерев // Государство и право. – 2014. – N 8. – С. 82-87.
6. Дулов, А.В. Взаимосвязь наук уголовно-правового цикла как направление формирования общей теории борьбы с преступностью / А.В. Дулов // Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений : материалы Всероссийской научно-практ. конф., Москва, 26 мая 2011 г. / Академия управления МВД России ; редкол.: Б.Я. Гаврилов [и др.]. – М., 2011. – Ч. 2. – С. 81-91.
7. Липатов, С.А. Использование различных стратегий «смешанных методов» в диагностике организационной культуры / С.А. Липатов // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9. – N 3. – С. 62-70.

8. Мацкевич, И.М. Геометрия уголовного закона / И.М. Мацкевич // *Lex russica*. – 2018. – N 9. – С. 9-22.
9. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова [и др.]. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 848 с.
10. Осипов, М.Ю. К вопросу о применении математических методов в юридической науке / М.Ю. Осипов // *Advances in Law Studies*. – 2019. – Т. 7. – N 2. – С. 21-25.
11. Полухина, Е.В. Исследования со смешанными методами (mixed methods research): интеграция количественного и качественного подходов / Е.В. Полухина, Д.В. Просянюк // *Политическая концептология*. – 2017. – N 1. – С. 49-56.
12. Просвирнин, Ю.Г. Использование математических методов в правовых исследованиях / Ю.Г. Просвирнин // *Правовая наука и реформа юридического образования*. – 2013. – N 3. – С. 23-28.
13. Толочко, А.Н. Методологические аспекты развития уголовно-правовых наук на основе междисциплинарного подхода / А.Н. Толочко // *Судебная экспертиза Беларуси*. – 2020. – N 1. – С. 37-42.
14. Утаров, К.А. Математические методы в криминологии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / К.А. Утаров; Ин-т государства и права РАН. – М., 2004. – 32 с.

ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 343.1

DOI 10.51980/2542-1735_2021_3_99

Юрий Павлович ШКАПЛЕРОВ,

первый заместитель начальника Могилевского института
МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук,
доцент

shkaplerov@tut.by

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В УСТАВЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

LEGAL REGULATION OF THE USE OF OBSERVATION IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES IN THE STATUTE OF CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN EMPIRE

В статье анализируются положения Устава уголовного судопроизводства 1864 г., регламентирующие проведение осмотра на досудебных стадиях уголовного процесса. Рассматриваются мнения дореволюционных процессуалистов, указывавших на имевшиеся проблемы правоприменительной деятельности органов уголовного преследования при проведении названного следственного действия. Акцентируется внимание на отдельных отступлениях следователями от законодательного порядка проведения осмотра, которые со временем были включены в уголовно-процессуальный закон в качестве нормы права.

The provisions of Criminal proceedings Charter of 1864, regulating the examination at the pre-trial stages of the criminal procedure, are analyzed in the article. The opinions of pre-revolutionary proceduralists, pointing to the existing problems of law enforcement by criminal prosecution bodies during investigative action, are considered. The attention is focused on individual derogations from the provisions of the legislative procedure for the examination by investigators, which were included in the criminal procedure law as a rule of law over time.

Ключевые слова: история права, уголовный процесс, следственные действия, осмотр, освидетельствование, экспертиза, Устав уголовного судопроизводства Российской империи.

Keywords: legal history, criminal procedure, investigative actions, inspection, examination, expertise, Criminal proceedings Charter of Russian Empire.

Доказывание, являющееся основой уголовно-процессуальной деятельности, преимущественно осуществляется путем производства следственных действий, самым распространенным из которых выступает осмотр. Существует достаточно небольшая категория уголовных дел, по которым нет необходимости проводить данное следственное

действие, поэтому его значимость для всего уголовного процесса является очевидной. Научный интерес для уголовно-процессуальной науки представляет изучение истории становления и развития следственных действий, и в частности осмотра. В обозначенном контексте важным видится рассмотрение порядка регламентации осмотра в Уставе

уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС, Устав), т.к. данный нормативный акт традиционно и не без оснований рассматривается как выдающийся исторический памятник права России, определивший во многом логику построения правовых норм в последующих уголовно-процессуальных кодексах. Его принятие в немалой степени было обусловлено неудовлетворительным качеством предварительного расследования уголовных дел в первой половине XIX в. [8, с. 12, 31] и ставило перед собой целью улучшение качества досудебного производства.

К числу следственных действий, по мнению В.А. Семенцова, УУС относил осмотр, освидетельствование, обыск, выемку, допрос обвиняемого, свидетеля [9, с. 680]. Вместе с тем приведенный перечень автор построил исходя преимущественно из современной регламентации института следственных действий в УПК РФ. Если же опираться на нормы УУС, то к таковым согласно его положениям целесообразно отнести осмотр и освидетельствование, обыски и выемки, допрос (обвиняемого и свидетеля), дознание через сведущих людей.

УУС, как и предшествующие ему нормативные акты, не проводил четкой грани между осмотром и освидетельствованием. Как отмечала Ю.С. Андрианова, слова «осмотр» и «освидетельствование» фактически были синонимами [2, с. 93]. Так, в ст. 318 УУС говорилось об осмотре и освидетельствовании следователем не только следов преступления, но и местности, предметов, живых лиц и трупов. В комментарии к УУС М.М. Гернета 1914 г. указывалось, что сведущих людей можно было приглашать по делам об освидетельствовании порубки леса [13, с. 704-705]. А в литературе того времени говорилось также об освидетельствовании «повреждений, причиненных пожаром надворным постройкам» [5, с. 227].

Отделение 1 главы 4 УУС «Осмотр и освидетельствование» включало четыре раздела: «Осмотр и освидетельствование через следователей» (ст. 315-324 УУС), «Осмотр и освидетельствование через сведущих лиц вообще» (ст. 325-335 УУС), «Осмотр и осви-

детельствование через врачей» (ст. 336-352 УУС), «Освидетельствование обвиняемого, оказавшегося сумасшедшим или безумным» (ст. 353-356 УУС). Наличие в Уставе данных разделов фактически создало законодательный перечень видов осмотра, вполне приемлемый для рассматриваемого исторического периода.

Первый вид осмотра – «осмотр и освидетельствование через следователей» – проводился следователем, а в случае его отсутствия – чинами полиции, волостными и сельскими начальниками, а также другими должностными лицами, исполнявшими функции органа дознания (ст. 258, 261 УУС), с обязательным участием понятых (ст. 315 УУС). При этом количество понятых не должно было быть менее двух человек (ст. 321 УУС). Статья 320 УУС содержала правило, согласно которому в качестве понятых привлекались «хозяева домов, лавок, промышленных и торговых заведений, а также их управляющие и поверенные, ... землевладельцы, волостные и сельские должностные лица и церковные старосты». В случаях, не терпящих отлагательств, судебный следователь мог пригласить других лиц, пользующихся общественным доверием (ст. 320 УУС). То есть требования, предъявляемые в анализируемом нормативном акте к понятым, имели целью соблюдение законности при проведении осмотра (освидетельствования) и снижение вероятности воздействия на данных участников производства по делу.

За неявку к следователю без уважительной причины понятые могли быть подвергнуты указанным должностным лицом денежному взысканию на сумму не свыше двадцати пяти рублей (ст. 323 УУС). Однако судебный следователь был обязан отменить принятое решение, если понятой в двухнедельный срок со дня сообщения ему о наложенном штрафе предоставлял подтверждение наличия у него уважительной причины неявки (ст. 324 УУС).

Уважительными (законными) причинами неявки понятого к следствию согласно ст. 388 УУС, признавались обстоятельства, препятствующие явке обвиняемого, а именно:

- 1) нахождение в местах лишения свободы;
- 2) стихийное бедствие;
- 3) «внезапное разорение от несчастного случая»;
- 4) болезнь, лишающая возможности явиться;
- 5) смерть или «грозящая смертью болезнь» близких родственников;
- 6) неполучение или несвоевременное получение повестки.

Помимо понятых при осмотре и освидетельствовании могли присутствовать все участвующие в деле лица, но следователь не был обязан ожидать их прибытия (ст. 316 УУС).

Согласно ст. 317 УУС осмотр и освидетельствование, кроме случаев, не терпящих отлагательств, должны были проводиться днем. Однако в УУС не было разъяснено, какое время суток относится к ночному, а какие часы следует считать дневными. В литературе рассматриваемого периода высказывалось мнение, что дневным является время до наступления сумерек [10, с. 318].

Законодательство в целях соблюдения норм нравственности устанавливало правило, согласно которому для осмотра и освидетельствования лиц женского пола в качестве понятых приглашались замужние женщины (ст. 322 УУС). При таком освидетельствовании запрещалось также участие судебного следователя, если следственное действие было связано с обнажением скрытых частей тела освидетельствуемой женщины и она требовала, чтобы следователь не присутствовал при этом (ст. 351 УУС).

Ход и результаты проведения осмотра и освидетельствования отражались в протоколе, который по возможности составлялся на месте проведения следственного действия (ст. 319 УУС). Следователь мог «составлять чертежи осмотренных мест и предметов» (ст. 318 УУС). Кроме того, на практике, хотя в УУС это не было предусмотрено, применялось рисование, фотографирование и другие способы фиксации следов преступления [1, с. 56-57; 3, с. 38, 39, 43; 12, с. 87-88]. Интерес представляет рекомендация П.В. Макалинского, данная в самом начале XX в., о необходимости фиксации (в том числе при помощи фотографирования) и

изъятия в ходе осмотра следов пальцев рук [6, с. 260-263].

Изъятые в ходе осмотра и освидетельствования предметы должны были быть подробно описаны в протоколе с указанием обстоятельств их обнаружения и изъятия (ст. 371 УУС), а также «по возможности пронумерованы, уложены и запечатаны» (ст. 372 УУС). Предметы, которые изъять не представлялось возможным, опечатывались, а для их надлежащей сохранности применялись специальные меры, такие как надзор полиции или благонадежных соседей, либо обеспечивалась их постоянная охрана (ст. 373 УУС). Предметы, подлежащие химическому или микроскопическому исследованию, изымались только в необходимом для исследования количестве и упаковывались участвующим в осмотре специалистом (врачом или фармацевтом) так, чтобы исключить попадание на данные предметы посторонних примесей (ст. 374 УУС). Предметы, являвшиеся объектом преступных действий, по возможности после их оценки возвращались их законным владельцам под расписку (ст. 375 УУС). Расписка также вручалась и лицу, у которого изымались предметы, «составляющие вещественные доказательства», при заявлении им соответствующего требования (ст. 376 УУС).

Анализ норм Устава, регламентировавших проведение «осмотра и освидетельствования через сведущих людей вообще», «осмотра и освидетельствования через врачей» и «освидетельствования обвиняемого, оказавшегося сумасшедшим или безумным», позволяет прийти к выводу, что в этих случаях фактически речь идет об экспертизе. Составители судебных уставов рассматривали ее не в качестве самостоятельного процессуального действия, а как вид осмотра (освидетельствования). Однако такой взгляд на экспертизу встретил серьезную критику еще в русской дореволюционной процессуальной литературе: сведущих людей многие авторы именовали экспертами, а указанные виды осмотра – экспертизой [4, с. 267; 7, с. 383-391; 14, с. 287-288]. Более того, аналогичный подход к содержанию приведенных понятий зафиксирован в решениях Сената, где также на-

зывались и виды экспертизы: бухгалтерская, счетная, по сличению подписей и подчерков и др. [6, с. 273, 274].

«Осмотр и освидетельствование через сведущих людей вообще» проводился, когда для правильного установления определенных обстоятельств были необходимы «специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии» (ст. 325 УУС). В соответствии со ст. 326 УУС в качестве сведущих людей в уголовном процессе могли выступать врачи, фармацевты, профессора, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, которые «продолжительными занятиями какой-либо службе или части» приобрели серьезный опыт. Помимо перечисленных лиц, проведение экспертизы для которых являлось разовым поручением, после создания в России кабинетов научно-судебной экспертизы следователь мог прибегнуть к услугам профессионального эксперта, являвшегося таковым по должности.

Сведущие люди, приглашаемые к осмотру и освидетельствованию, должны были иметь качества достоверных свидетелей (ст. 327 УУС). В перечень недостоверных свидетелей, т.е. лиц, которые не могли давать свидетельские показания, в соответствии со ст. 704 УУС включались:

- 1) безумные и сумасшедшие;
- 2) священники – об обстоятельствах, ставших известными им на исповеди;
- 3) присяжные поверенные и другие лица, исполнявшие обязанности защитников подсудимых, – в отношении показаний их доверителей, данных во время производства по делу.

В соответствии со ст. 693 УУС в качестве сведущих людей не могли выступать также лица, являвшиеся по делу свидетелями и судьями. Кроме того, некоторые авторы, ссылаясь на положения ст. 694 УУС, содержащей правило о приведении к присяге эксперта, участвовавшего в судебном заседании, считали необходимым делать то же самое и на предварительном следствии [6, с. 273].

Законодатель в ст. 328 УУС обязывал сведущих людей немедленно являться по тре-

бованию судебного следователя. При этом за неявку без уважительной причины они могли подвергаться денежному взысканию на сумму не свыше двадцати пяти рублей (ст. 323 УУС). В то же время сведущие люди, состоящие на государственной службе, не подвергались денежному взысканию в случае занятости по основному месту работы, что должно было быть подтверждено их руководством (ст. 329 УУС).

Порядок вызова некоторых категорий сведущих людей имел определенные особенности. Так, преподаватели и служащие некоторых учреждений высшего образования вызывались только по предварительному согласованию с их руководством [6, с. 275].

Говоря непосредственно о порядке проведения осмотра и освидетельствования через сведущих людей, необходимо акцентировать внимание на том, что данный вид осмотра состоял из двух этапов. На первом этапе судебный следователь лично предварительно осматривал предметы, подлежащие «освидетельствованию и исследованию через сведущих людей», и составлял «протокол о видимых признаках преступления, если таковые окажутся, а равно о всех переменах, происшедших в положении осматриваемых предметов» (ст. 330 УУС). По словам П.В. Макалинского, проведение следователем предварительного внешнего осмотра являлось необходимым не только для фиксации видимых следов преступления, но и для определения внешнего вида предметов, подлежащих исследованию, которые могли измениться в ходе экспертизы, а также для формулирования вопросов, подлежащих разрешению сведущими людьми [6, с. 285]. Второй этап представлял собой непосредственно «освидетельствование через сведущих людей», производящееся в присутствии следователя и понятых «когда к тому не встретится особых препятствий» (ст. 331 УУС). По сути, этот этап и являлся экспертизой. Перед ее началом судебный следователь предлагал сведущим людям устно или письменно вопросы, подлежащие разрешению (ст. 332 УУС). Устные вопросы фиксировались в протоколе осмотра, о котором говорилось выше. Пись-

менные вопросы находили отражение в постановлении судебного следователя, копию которого последний вручал сведущему лицу [6, с. 287] для проведения экспертизы.

Если при проведении экспертизы сведущее лицо устанавливало обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, «исследование коих может привести к открытию истины», но по поводу которых ему не были поставлены вопросы, оно вправе было указать на них в своем заключении (ст. 333 УУС). В случае же сомнения в правильности представленного ему заключения или наличия разногласия в мнениях проводивших исследование сведущих людей судебный следователь организовывал проведение экспертизы другими сведущими людьми (ст. 334 УУС).

Отдельно в ст. 335 УУС затрагивался порядок проведения оценки имущества, добытого или поврежденного преступным путем, – товароведческой экспертизы в современном понимании данной процедуры. Указанный вид экспертизы проводился присяжными ценовщиками, а при невозможности обратиться к ним – сторонними лицами, имеющими сведения о стоимости соответствующего предмета. В случае отсутствия предмета, подлежащего оценке, его стоимость определялась на основании показаний потерпевших и свидетелей [6, с. 288].

«Осмотр и освидетельствование через врачей» фактически представлял собой судебно-медицинскую экспертизу, т.к. проводился с целью исследования трупов, телесных повреждений, «состояния здоровья потерпевшего от преступления или самого обвиняемого». Для проведения данного вида осмотра судебный следователь приглашал судебного врача (ст. 336 УУС). Термин «судебный врач» означал не должность, а процессуальный статус, которым согласно ст. 337 УУС наделялся уездный, городской или полицейский врач. Но если в связи с заболеванием или по другой уважительной причине он не мог явиться к следователю, то вместо него приглашался другой военный, гражданский или вольнопрактикующий врач. При необходимости для проведения судебно-медицинской экспертизы трупа судебный следователь мог

пригласить и несколько врачей, в том числе того, который занимался лечением умершего перед смертью, если требовалось «объяснение хода болезни и лечения» (ст. 338 УУС). По мнению П.В. Макалинского, приведенное нормативное требование нельзя было распространять лишь на случаи судебно-медицинского исследования трупа. Данный автор, в частности, обращал внимание на то, что в практической деятельности врачебные управления ходатайствовали перед судебными следователями об освидетельствовании женщин, подвергшихся изнасилчанию, комиссиями, состоявшими из двух врачей [6, с. 293].

Для осмотра и освидетельствования трупов священнослужителей и монашествующих, умерших насильственной смертью, согласно ст. 339 УУС приглашались местный благочинный или настоятель монастыря.

В соответствии со ст. 340 УУС до прибытия судебного врача к месту нахождения трупа судебный следователь:

- 1) при наличии возможности оказывал первую доврачебную помощь, а в противном случае принимал меры к обеспечению сохранности тела;
- 2) устанавливал личность умершего;
- 3) о принятых мерах составлял протокол в установленном порядке.

Исследование трупа судебный врач должен был проводить, руководствуясь правилами Устава судебной медицины, осматривая при этом «поверхность мертвого тела, его углубления и отверстия, суставы, целостность костей и состояние внутренних органов» (ст. 342 УУС). В ходе осмотра по возможности он разъяснял присутствующим следователю, понятым и другим приглашенным лицам «значение всякого пятна, знака, раны, повреждения и болезненных изменений», а также определял и фиксировал трупные изменения. Участники данного процессуального действия имели право задавать судебному врачу вопросы, делать заявления о тех действиях и объяснениях врача, которые им казались сомнительными. Данные заявления («мнения») обязательно вносились в протокол (ст. 342, 343 УУС).

Завершив исследование тела, судебный врач лично составлял акт осмотра или свидетельство, включавшее «подробное и обстоятельное изложение содержания самой экспертизы и данных ею результатов» [6, с. 308], которое передавалось следователю в течение трех суток после осмотра и освидетельствования (ст. 344 УУС). Названный документ, подписанный врачом, следователем и другими участниками процессуального действия, так же как и заключение врача, подписанное только им, подлежал приобщению к протоколу следователя [6, с. 308]. Для объективности подготовки рассматриваемого процессуального документа, по мнению отдельных авторов, эксперт мог знакомиться с материалами уголовного дела, хотя закон такого правила и не содержал [11, с. 344].

На практике следователи довольно часто не составляли сами протокол осмотра и не присутствовали при проведении экспертизы, как того требовала ст. 342 УУС, а ограничивались составленными врачами актами. В связи с этим Сенат в 1882 г. особо указал на обязательность исполнения судебными следователями названной нормы УУС, в том числе составления протокола осмотра с изложением в нем хода и результатов процессуального действия, заданных врачу вопросов и его ответов на них. Однако практика проведения осмотра и освидетельствования через врачей после этого указания не претерпела существенных изменений [11, с. 276]. Интересно, что на последующих этапах развития уголовного процесса законодатель смирился с правоприменительной деятельностью и сегодня проведение экспертизы не обременено обязательным условием присутствия в ходе исследования лица, производящего дознание, либо следователя. Стоит отметить, что указанные проблемы были также обусловлены имевшимися коллизиями в положениях УУС и Устава судебной медицины, касавшимися как применяемой терминологии, так и порядка проведения и оформления результатов судебно-медицинской экспертизы. Так, согласно ст. 1744 Устава медицины, который разрабатывался еще на основе положений дореформенного законодательства, лицом,

производимым судебно-медицинское исследование и ответственным за это, являлся врач, а в соответствии положениями УУС в качестве такового выступал следователь [11, с. 340, 341, 344].

Необходимо акцентировать внимание на том, что в анализируемый период законодатель рассматривал осмотр и освидетельствование через врачей как сферу применения исключительно научных знаний. Об этом свидетельствует содержание ст. 350 УУС, согласно которой не допускалось проведение повивальными бабками судебно-медицинского освидетельствования лиц женского пола. Они могли выступать лишь «в качестве помощниц судебного врача». Стоит также отметить, что в соответствии с требованием ст. 352 УУС освидетельствование женщин проводилось только когда они являлись подозреваемыми по уголовному делу. И, как указывалось ранее, по заявлению соответствующего требования освидетельствуемой судебный следователь не присутствовал при освидетельствовании женщины, сопровождавшемся обнажением скрытых частей тела (ст. 351 УУС).

В УУС предусматривался механизм проверки объективности принятого судебным врачом решения. Согласно ст. 345 в случаях несоответствия свидетельства обстоятельствам уголовного дела разногласия между врачами или сомнения в правильности выводов эксперта следователь представлял копию свидетельства во врачебную управу, которая, в свою очередь, либо истребовала дополнительные объяснения у врачей, либо проводила повторную или дополнительную экспертизу («переосвидетельствование»).

Заканчивая рассмотрение осмотра и освидетельствования через судебных врачей, необходимо отметить, что данный вид осмотра отличался от осмотра через сведущих людей «не только по предмету исследования, но и по характеру прав и обязанностей как самого суд. врача, так и следователя». Судебный врач выступал основным участником осмотра и освидетельствования (ст. 342 УУС), лично составлял акт осмотра (ст. 344 УУС), а при сомнении в правильности данного доку-

мента следователь не мог пригласить другого врача для повторного освидетельствования, а представлял копию акта (свидетельства) во врачебную управу для принятия соответствующего решения [13, с. 335].

«Освидетельствование обвиняемого, оказавшегося сумасшедшим или безумным» представляло собой судебно-психиатрическую экспертизу в нынешнем ее понимании и проводилось, когда названный участник уголовного процесса не имел «здорового рассудка» или страдал «умственным расстройством». В таком случае судебный следователь был обязан, помимо данного вида осмотра (освидетельствования), опросить как самого обвиняемого, так и его знакомых с целью уяснения образа «его действий и суждений». Собранные материалы помещались в дело «о сумасшествии или безумии обвиняемого» и передавались прокурору (ст. 353 УУС), который со своим заключением направлял это дело в окружной суд (ст. 354 УУС), где инспектором или членом врачебной управы, а также двумя врачами в присутствии окружного судьи и проводилось окончательное освидетельствование «безумных и сумасшедших» (ст. 355 УУС). В случае установления психиатрического расстройства уголовное преследование обвиняемого прекращалось с согласия окружного суда или соответствующей судебной палаты (ст. 356, 523 УУС).

Следует акцентировать внимание на том, что следователь не мог принять решение о проведении в отношении обвиняемого судебно-психиатрической экспертизы в условиях стационара («больничного испытания»). Такие полномочия были только у суда [6, с. 289-291].

2 июня 1897 г. рассмотренный порядок проведения судебно-психиатрической экс-

пертизы был распространен на уголовные дела, в качестве обвиняемых по которым выступали лица в возрасте от десяти до семнадцати лет для установления степени их «умственного и нравственного развития и сознания преступности учиненного ... [ими] деяния» [13, с. 343].

На практике актуальным являлся вопрос о возможности проведения судебно-психиатрической экспертизы в отношении потерпевшего, т.к. в ст. 353-356 УУС говорилось исключительно об обвиняемом. Но, несмотря на это, отдельные окружные суды, ссылаясь на необходимость установления истины по делу, разрешали состоявшим в их штате следователям освидетельствовать и потерпевшего [6, с. 289-291].

В завершение рассмотрения вопросов, изложенных в настоящей работе, целесообразно констатировать, что в УУС процессуальный порядок проведения осмотра регламентировался полно и довольно на высоком уровне, во многом определившем логику построения норм права в последующих уголовно-процессуальных законах. Однако данный нормативный акт, как и его предшественники, не проводил четкой грани между осмотром, освидетельствованием и экспертизой, т.к. законодатель считал их различными элементами одного процессуального действия. Подтверждением сказанному выступает содержащаяся в отделении 1 главы 4 УУС классификация видов осмотра. При этом некоторые отступления должностными лицами от нормативного порядка проведения осмотра со временем были включены в уголовно-процессуальный закон в качестве общеобязательного правила поведения.

Библиографический список

1. Алякринский, С.А. Схема предварительного следствия по Уставу уголовного судопроизводства : практ. пособие для судебных следователей и кандидатов на судебные должности / С.А. Алякринский ; под ред. А.В. Скопинского. – М.: Изд-во юрид. книжного журн. «Правоведение» И.К. Голубева, 1912. – 174 с.

2. Андрианова, Ю.С. Историческое развитие института освидетельствования в судопроизводстве дореволюционной России / Ю.С. Андрианова // Вестник Ленинград. ун-та. Сер. 6. – 1986. – Вып. I. – С. 89-95.
3. Буринский, Е.Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею / Е.Ф. Буринский. – М.: ЛексЭст, 2002. – 413 с.
4. Викторский, С.И. Русский уголовный процесс / С.И. Викторский. – 2 изд., испр. и доп. – М.: Тип. Императорского Моск. ун-та, 1912. – 438 с.
5. Колоколов, Е. Правила и формы для производства следствий по судебным уставам 20 ноября 1864 года. Настольная книга для судебных следователей, прокуроров, судебных врачей, полиции и частных лиц, привлекаемых к предварительному следствию. С приложением Устава судебной медицины / Е. Колоколов. – СПб., 1870. – 312 с.
6. Макалинский, П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах / П.В. Макалинский ; доп. В.П. Ширковым : в 2 ч. – 7-е изд. (посмертное). – Петроград : тип. М. Меркушева, 1915. – Ч. 2. – 842 с.
7. Розин, Н.Н. Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям / Н.Н. Розин. – 2-е изд. – СПб.: Издание Юрид. книж. склада «Право», 1914. – 546 с.
8. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / редкол.: О. Чистяков (гл. ред.) [и др.]. – Т. 8: Судебная реформа. – М. : Юрид. лит., 1991. – 496 с.
9. Семенцов, В.А. Следственные действия по Уставу уголовного судопроизводства / В.А. Семенцов // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – N 4. – С. 679-685.
10. Случевский, В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – судопроизводство / В.К. Случевский. – 4-е изд., доп. и испр. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 669 с.
11. Тимановский, А. Сборник толкований русских юристов к судебным уставам императора Александра Второго. За двадцать пять лет (1866-1891). Учреждение судебных установлений и Устав уголовного судопроизводства. 2000 тезисов / А. Тимановский. – 2-е изд. – Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1892. – 651 с.
12. Трегубов, С.Н. Основы уголовной техники, научно-технические приемы расследования преступлений / С.Н. Трегубов. – М.: ЛексЭст, 2002. – 336 с.
13. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Вып. 3. Ст. ст. 249-594 / под общ. ред. проф. М.Н. Гернета. – М.: Изд. М.М. Зива, 1914. – 944, IV с.
14. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / И.Я. Фойницкий ; общ. ред., послесл. А.В. Смирнова. – СПб.: Альфа, 1996. – Т. 2. – 606 с.

Вячеслав Витальевич МОЛОКОВ,

начальник кафедры информационно-правовых дисциплин
и специальной техники Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск), кандидат технических наук, доцент
vvmolokov@mail.ru

**ТЕНДЕНЦИИ И ЗАВИСИМОСТИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРЕСТУПНОСТИ
СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА
В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

**TRENDS AND DEPENDENCES OF CRIME INDICATORS
OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT IN THE CONDITIONS
OF CHANGING FACTORS OF SOCIETY DEVELOPMENT**

В статье на основе данных об основных показателях преступности в Сибирском федеральном округе исследуются тенденции развития различных видов и категорий преступлений. Приводятся статистические оценки динамики показателей преступности и их характеристики. Исследование подтверждает гипотезу социальной природы преступности и ее зависимости от факторов развития общества на примере распространения пандемии коронавирусной инфекции в 2020 году.

The article examines trends in the development of various types and categories of crimes on the basis of data on the main indicators of crime rate in the Siberian Federal District. Statistical assessments of the dynamics of crime rate indicators and their characteristics are given. The study confirms the hypothesis of the social nature of crime and its dependence on the factors of the development of society on the example of the spread of the coronavirus pandemic in 2020.

Ключевые слова: преступность, статистические характеристики, оценка динамики, корреляционная зависимость.

Keywords: crime, statistical characteristics, assessments of the dynamics, correlation.

С внедрением информационных технологий в правовую сферу ученым и исследователям стали максимально доступны открытые статистические данные о преступности. Возможности электронного получения и автоматизированной обработки динамических рядов криминологических характеристик расширяет познания о закономерности социально-правовых процессов и порождает гипотезы для их научного обоснования. Компьютерные системы статистического анализа данных являются мощным инструментом для построения прогностических моделей и позволяют синтезировать различные методики исследования системных характеристик тако-

го явления, как преступность [1]. Результаты обработки статистических показателей являются неоспоримыми источниками информации для принятия дальнейших управленческих решений в области противодействия преступности и ее регуляции.

Социально-экономическим процессам присущи определенные закономерности развития, которые чаще всего обладают инерционностью и незначительной степенью вариации. Преступность тесно связана с изменениями в общественной жизни и также реагирует на различные изменения факторных признаков. Эти изменения влияют на криминогенные процессы, что подтверждает

системный характер развития преступности, а также саморегуляцию системы «население – преступность» [2-4].

Прошедший 2020 год значительно изменил состояния преступности в регионах, нарушив существующие тенденции ввиду нарастания пандемии коронавирусной инфекции и ее косвенного влияния на криминальные процессы. Мы исследовали динамику развития преступности в Сибирском федеральном округе и частные аномалии тенденции в период проходящих волн пандемии COVID-19.

Априорные сведения составляют выборку наблюдений открытых показателей преступности в субъектах Сибирского федерального округа (СФО) с 2010 года и по месяцам в период 2020 года. В сравнительных исследо-

ваниях абсолютные показатели приведены к коэффициентам, нормированным на население соответствующего субъекта.

Традиционной характеристикой динамического ряда считается тенденция, отражающая силу и направление изменения наблюдаемого процесса. Для Сибирского федерального округа характерно снижение количества зарегистрированных преступлений (средний цепной темп роста 95,9%), которое стабилизировалось с начала 2018 года на уровне среднего темпа роста 100,2%. Следует отметить, что индекс преступности в СФО несколько выше средних значений в Российской Федерации, но имеет немного более выраженный тренд снижения (диаграмма 1).

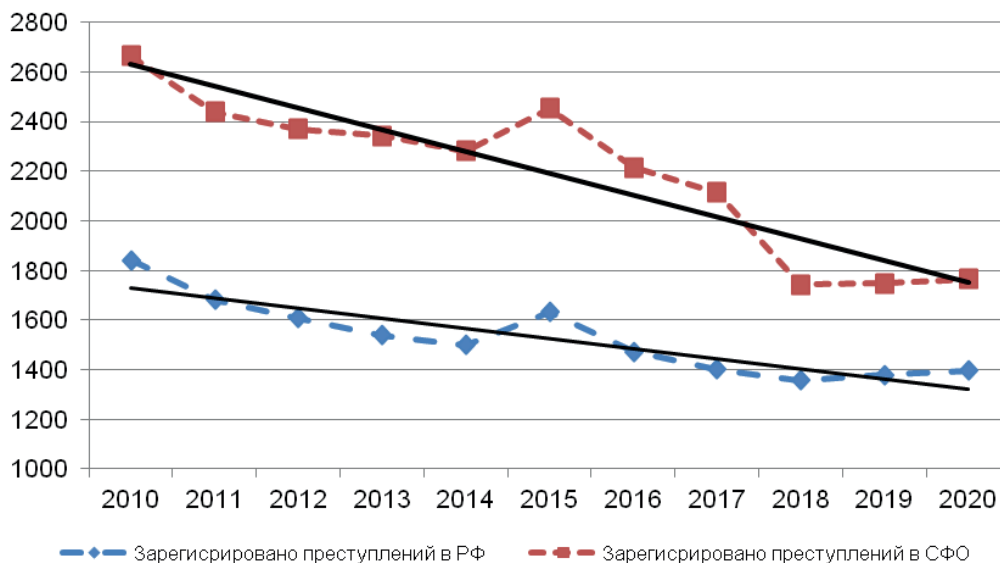

Диаграмма 1. Сравнительные характеристики динамики коэффициентов преступности в Российской Федерации и СФО

Средние темпы роста преступлений по категориям в СФО составляют соответственно: небольшой тяжести – 98,4%, средней тяжести – 93,4%, тяжкие – 96,2%, особой тяжести – 95,4%. Отличительно только тяжкие преступления с 2019 года демонстрируют тенденцию незначительного роста на уровне

среднего темпа 117,6%. Показатели динамики по иным видам преступлений представлены в таблице 1. Доли категорий преступлений изображены на диаграмме 2.

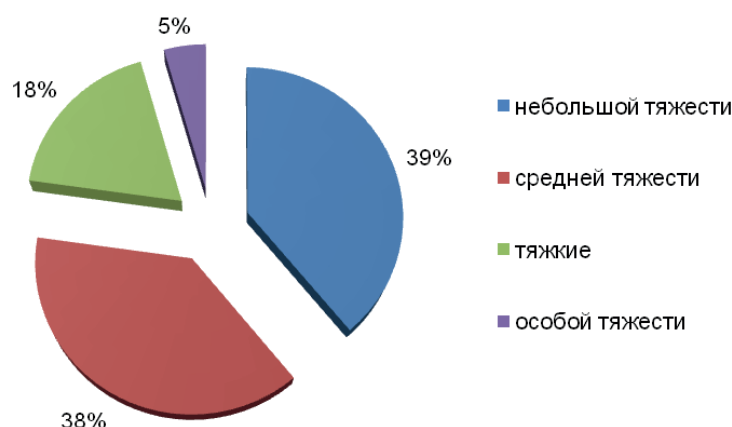
Динамика средних темпов роста общего числа зарегистрированных преступлений в субъектах СФО представлена в таблице 2.

Таблица 1

Средний темп роста отдельных видов преступлений в СФО

Виды преступлений	Средний темп роста, %
Экономической направленности	88,9
Террористического характера	125,1
Экстремистской направленности	101,3
Связанные с незаконным оборотом наркотиков	94,3
Связанные с незаконным оборотом оружия	95,4
Убийств и покушений на убийство (ст.ст. 30, 105, 106, 107 УК РФ)	91,5
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (по ст. 111 УК РФ)	91,9
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (по ч. 4, ст. 111 УК РФ)	90,8
Злоупотребление должностными полномочиями (по ст. 285)	83,8
Получение взятки (по ст. 290 УК РФ)	89,6
Дача взятки (по ст. 291 УК РФ)	98,7
В отношении иностранных граждан и лиц без гражданства	103,8
Совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства	95,5

Диаграмма 2. Средние значения долей преступлений по категориям в СФО

Таблица 2

Средний темп роста общего числа зарегистрированных преступлений в субъектах СФО

Субъект СФО	Средний темп роста, %
Республика Алтай	99,3
Республика Тыва	103,6
Республика Хакасия	99,2
Алтайский край	97,9
Красноярский край	96,2
Иркутская область	95,6
Кемеровская область-Кузбасс	97,6
Новосибирская область	98
Омская область	97
Томская область	95

Наибольшее снижение темпов роста уровня преступности отмечается в Томской области (95%), незначительное увеличение в Республике Тыва (103,6%).

Анализируя временной ряд изменения уровня преступности в период нарастания пандемии коронавирусной инфекции в 2020

году¹ можно обнаружить обратную зависимость от пика волн заболеваемости населения (диаграмма 3).

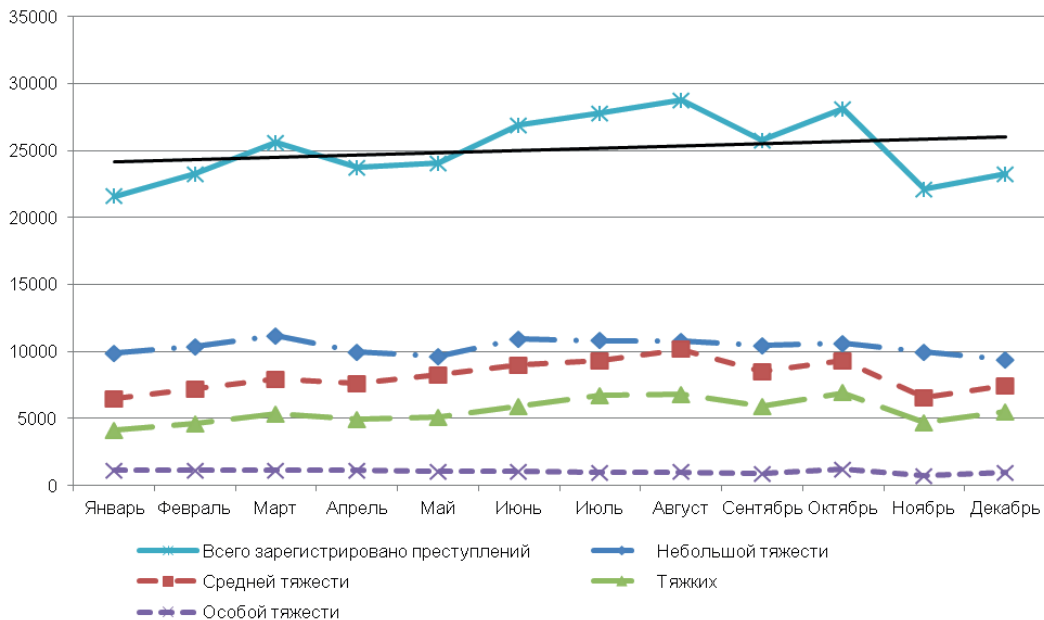

Диаграмма 3. Динамика изменения преступности в СФО за период 2020 года

Наибольшее снижение числа зарегистрированных преступлений приходится на периоды апрель и ноябрь. При общей тенденции незначительного роста преступлений к концу года противоположный тренд наблюдается у показателя количества выявленных лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения (диаграмма 4). Также следует отметить, что данный показатель в ноябре демонстрирует рост в отличие от других видов преступности, несмотря на на-

растание волны заболеваемости коронавирусом инфекции.

Подобная картина изменения тенденций преступности характерна во всех субъектах СФО. Для примера рассмотрим динамику изменения общего числа зарегистрированных преступлений в Красноярском крае (диаграмма 5). Период ноябрь-декабрь 2020 года отмечается значительным спадом преступности.

¹ Онлайн карта распространения коронавируса : сайт. URL: <https://coronavirus-monitor.ru> (дата обращения 20.05.2021).

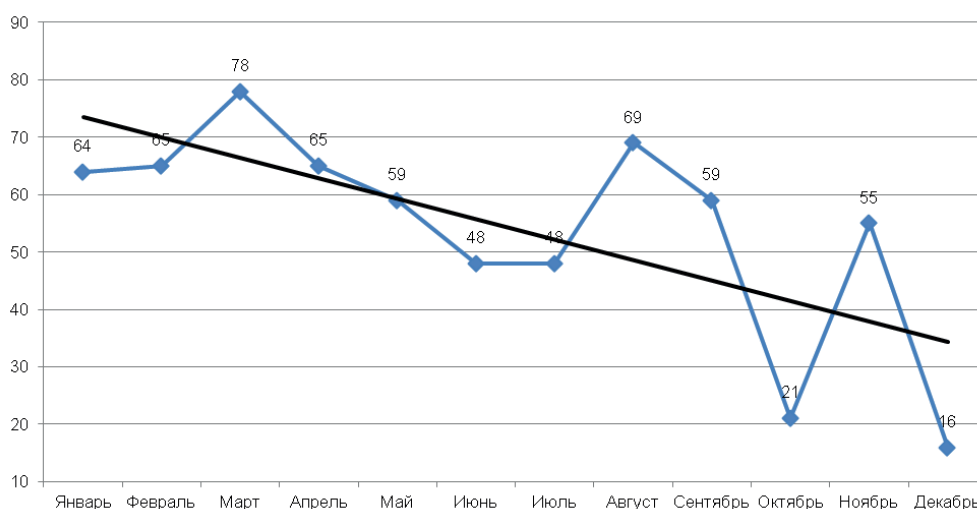

Диаграмма 4. Количество выявленных лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения в СФО в 2020 году

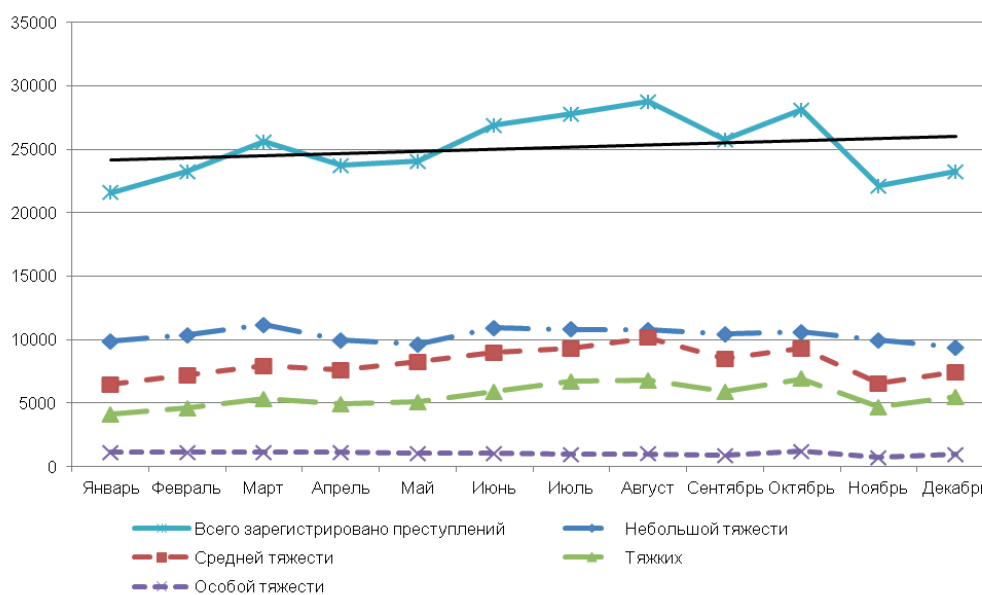

Диаграмма 5. Динамика изменения общего числа зарегистрированных преступлений в Красноярском крае за период 2020 года

При оценке статистической связности между показателями преступности и числом заболевших коронавирусной инфекцией в Красноярском крае отмечается обратная зависимость, при которой увеличение заболеваемости ведет к снижению общего числа зарегистрированных преступлений на уровне коэффициента корреляции 0,5 с лагом в один период.

Принимая во внимание ситуацию за четыре месяца 2021 года, можно оценить тенденции изменения преступности в СФО. При меньшем общем числе зарегистрированных преступлений на начало года темпы роста преступности несколько выше в сравнении с таким же периодом 2020 года. Статистические характеристики тенденции изменения основных показателей представлены в таблице 3.

Таблица 3

Сравнительные характеристики средних темпов роста показателей преступности
на начало 2020-2021 гг. в СФО

Интервал \ Средний темп роста, %	Всего зарегистрировано преступлений	Небольшой тяжести	Средней тяжести	Тяжких	Особой тяжести
январь – апрель 2020 г.	103,2	100,2	105,7	106,5	101,8
январь – апрель 2021 г.	107,6	105,8	110,3	107,6	107,4

Таким образом, можно сформулировать основные выводы и гипотезы, требующие интерпретации с позиций криминологической науки.

1. Тенденция развития преступности в Сибирском федеральном округе на протяжении 11 лет, как и в целом по России, стремится к снижению на уровне среднего темпа роста 95,9% (в Российской Федерации 97,6%).

2. Преступность по категориям в СФО, следуя общему российскому тренду, снижает темпы роста. Наибольшее снижение наблюдается среди преступлений средней тяжести – 93,4%. Видовой состав преступности в различной степени демонстрирует вариативность. Наибольший средний темп роста отмечается среди преступлений террористического характера – 125,1%, максимально снижаются злоупотребления должностными полномочиями – 83,8%.

3. В субъектах Сибирского федерального округа аналогично наблюдается снижение преступности. Только в Республике Тыва фиксируется незначительное увеличение общего числа зарегистрированных преступлений (средний темп роста 103,6%).

4. При исследовании зависимости преступности от фактора заболеваемости населения коронавирусной инфекцией COVID-19 установлена обратная связь между общим числом зарегистрированных преступлений в СФО и заболеваемостью коронавирусом в 2020 году, что соответствует основным волнам нарастания пандемии. Корреляционная связь (-0,5) вычислена на примере Красноярского края и имеет лаг в один период (месяц). На уровне общей обратной зависимости отмечается увеличение (прямая зависимость) количества выявленных лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения в Красноярском крае в ноябре 2020 года.

5. Средние темпы роста преступности в СФО на начало 2021 года несколько выше, чем за аналогичный период 2020 года.

Результаты исследования подтверждают гипотезу социальной природы преступности и ее зависимость от факторов экономического, политического и эпидемиологического состояния общества и государства.

Библиографический список

1. Богданова, М.В. Методика информационно-статистического анализа преступности в Российской Федерации / М.В. Богданова, Л.С. Паршинцева // Правовая информатика. – 2018. – № 3. – С. 47-59.
2. Многомерный статистический анализ показателей преступности в субъектах Российской Федерации в задаче синтеза оценки уровня криминогенности / Г.С. Приказчикова [и др.] // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 1. – С. 18-29.

3. Тесленко, Е.С. Изучение и анализ отдельных факторов, влияющих на показатель преступности на примере Челябинской области / Е.С. Тесленко, С.А. Осипенко // Виктимология. – 2019. – N 3(21). – С. 47-52.

4. Халикова, А.Ф. Статистический анализ влияния социально-экономических факторов на уровень преступности как угрозы национальной безопасности России / А.Ф. Халикова, Е.Ю. Сапожникова // Региональная экономика. Юг России. – 2020. – Т. 8. N 2. – С. 86-92.

Александр Николаевич ГОСТЕВ,

профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России (г. Москва), доктор социологических наук, профессор

gostevan@inbox.ru

Ольга Викторовна ПЕТРОВА,

заместитель начальника кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России (г. Москва), кандидат юридических наук
krasilova1357@mail.ru

СИСТЕМНЫЕ КОНФЛИКТОГЕНЫ НЕПРЕРЫВНОГО ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

SYSTEMIC CONFLICTOGENS OF CONTINUOUS TRAINING OF POLICE OFFICERS WITH THE USE OF REMOTE TECHNOLOGIES: SOCIO-MANAGERIAL ASPECT

В статье на основе конкретного социологического исследования определяются системные конфликтогены непрерывного обучения сотрудников полиции с применением дистанционных технологий; представляются факторы, обуславливающие необходимость активизации непрерывного обучения; обосновывается определение конфликтогена непрерывного обучения сотрудников полиции с применением дистанционных технологий; выявляются системообразующие конфликтогены в непрерывном образовании сотрудников полиции с применением дистанционных технологий.

The article, based on a specific sociological study, identifies the systemic conflict factors of continuous training of police officers with the use of remote technologies; presents the factors that determine the need to activate continuous training; presents and justifies the definition of the conflict factor of continuous training of police officers with the use of remote technologies; identifies the system-forming conflict genes in the continuous education of police officers with the use of remote technologies.

Ключевые слова: система, конфликтоген, непрерывное обучение, сотрудник полиции, дистанционная технология, управление, социология, правоохранительная безопасность, цифровая информатизация, инновации, информация.

Keywords: system, conflictogen, continuous training, police officer, remote technology, management, sociology, law enforcement security, digital informatization, innovations, information.

Для России как государства с большой территорией, низкой плотностью населения в большинстве регионов, бедностью значительного количества людей, с относительно высоким для российской культуры уровнем преступности и другими факторами дистанционные технологии в образовании –

это благо. Они способствуют решению стратегической задачи по закреплению населения (профилактике оттока) в регионах, снижают уровень материальных, временных, социально-психологических и иных затрат населения на обучение и другое, тем самым обеспечивая военную и иные виды национальной без-

опасности [подр.: 4, с. 129]. Институт полиции обеспечивает внутреннюю безопасность государства, следовательно, качественная непрерывная подготовка его кадров – актуальная необходимость. Дистанционные технологии позволяют решать эту проблему по месту расположения организаций полиции.

Итоги анализа документов (материалов СМИ, данных статистики) показывают, что в условиях цифровой информатизации общества опасные преступления поражают интеллектуальную сферу, становятся трудно раскрываемыми [подр.: 3, с. 104]. Для их профилактики сотрудники полиции должны обладать более высоким уровнем знаний, навыков, умений (компетенций), чем преступники, которые априори в высокой степени мотивированы на углубленное изучение цифровых технологий. Один из примеров – колл-центры в организациях ФСИН России. По информации Центробанка России, в 2019 г. мошенники таких структур похитили с банковских карт россиян около 6,5 миллиарда рублей. Оказалось, что участники колл-центров – высокоподготовленные специалисты в сфере социальной инженерии и информационных технологий, эффективное противодействие которым стало проблемой для правоохранительных органов. Поэтому полиция – силовая структура, выполняющая стратегическую задачу по обеспечению правопорядка в стране, обязана (вынуждена) работать в условиях непрерывного, интенсивного, системного обучения, в котором активизируются (зреют) конфликтогены. Очевидно, что без решения проблемы системной и непрерывной профессиональной подготовленности сотрудников полиции объективно добиться подавления преступной активности и тем самым повысить уровень доверия к полиции в современных условиях затруднительно.

В изучении проблем управления (профилактики) конфликтогенами непрерывного обучения сотрудников полиции с применением дистанционных технологий для обеспечения достоверности, верификации, точности его результатов применялся комплекс теоретических (анализ, синтез, сравнение, аналогия, индукция, дедукция, идеализация и другие)

и эмпирических методов (экспертный опрос, анализ документов, наблюдение и другие). В работе использован комплексный подход с технологиями системного, структурно-функционального анализа. Полученные результаты обрабатывались математическими и статистическими способами для установления связей, зависимостей между исследуемыми процессами и явлениями.

Эмпирическая база: образовательные организации МВД России, подразделения полиции регионов России, документы научных исследований системы образования. Кластеры – пять регионов. Эксперты – 216 человек – руководители организаций полиции.

Результаты анализа научных трудов показывают, что исследователи единодушно констатируют факт повышения уровня интенсивности изменений в современном мире, которые обусловлены новыми фундаментальными достижениями науки и быстротой их внедрения во все сферы общества. Знания, технологии становятся средствами производства и, следовательно, предметами торговли [подр.: 1, с. 27]. Роботизация производственных и иных процессов высвобождает большое количество неквалифицированных кадров, поэтому растет уровень безработицы и конкуренции на рынке труда и, безусловно, преступности. В этих условиях человек объективно находится в состоянии поиска и освоения новых знаний. Как утверждают специалисты образовательной сферы [подр.: 2; 15] и показывают результаты наблюдения общественной практики, непрерывное образование с применением дистанционных технологий обусловило активизацию значительного количества конфликтогенов, которые повлияли и на повышение уровня преступности.

Понятие «конфликтоген» в научных источниках трактуется в зависимости от решаемой проблемы и причин его существования по-разному. Так, исследователи процессов управления социальной сферой определяют его как «следствие дисфункций системы управления, обуславливающих активизацию противоречий в социальных системах» [подр.: 6, с. 14]; электронного обучения – как

«низкий уровень педагогического обеспечения действий участников образовательного процесса, обусловленный расстоянием, техническими возможностями контроля» [подр.: 9, с. 8]; правоохранительной деятельности по противодействию интеллектуальным преступлениям – как «относительное отставание в качестве инновационных знаний, навыков, умений (компетенций) сотрудников полиции от преступников, которые более мотивированы на углубленное изучение цифровых технологий» [подр.: 11, с. 28]; в управленческой правоохранительной деятельности – как «проблемы имиджа руководителя ОВД, приводящие к возникновению противоречий в административной власти» [подр.: 10, с. 20]; неформальной власти – как «дисфункции или бездействие институтов гражданского общества в контроле деятельности государства» [подр.: 5, с. 113]; заимствовании западного опыта и роботизации – как «противоречия традиций и инновации в образовании» [подр.: 14, с. 799]; межкультурных коммуникаций и международных отношений – как «религиозные противоречия, обусловленные геополитическим фактором» [подр.: 16, с. 52]; организации деятельности сотрудников полиции – как «несовершенство общественных механизмов стимулирования персонала полицейских организаций» [подр.: 8, с. 27]; организации управления органом внутренних дел Российской Федерации – как «противоречие между потребностью населения в обеспечении правоохранительной безопасности и уровнем доверия к институту полиции» [подр.: 12, с. 79]; социально-экономических взаимодействий и отношений

– как «скрытая противоборство по поводу удовлетворения актуальной потребности личности, организации [подр.:13, с. 19] и другие. Как видно, этот феномен – системная причина общественных противоречий и зависимостей. В связи с этим на основе обобщения и систематизации имеющихся знаний категории «конфликтоген» представляется авторская трактовка данной категории применительно к теме исследования: это структурный, функциональный идеальный и материальный элемент общественных действий, взаимодействий, отношений в непрерывной образовательной сфере, хранящий наследственную информацию об общественных катаклизмах в институте образования и путях их профилактики, выполняющий сигнальную функцию о неблагополучии образовательного общественного организма, сдерживающую разрушительные управленческие тенденции, активизирующийся при снижении уровня качества управления образованием и, следовательно, ослабления всего общественного организма.

Как показывают результаты сравнительно-сопоставительного анализа статистических данных, в настоящее время уровень доверия населения полиции постепенно, но стабильно растет. Подтверждают этот факт опрос экспертов (рис. 1). Как видно на рисунке, 56,5% опрошенных считают, что большинство населения доверяет обеспечение своей безопасности полицией, но значительная часть (39,8%) пока не доверяет, что обуславливает необходимость интенсификации процесса системной и непрерывной подготовки сотрудников.

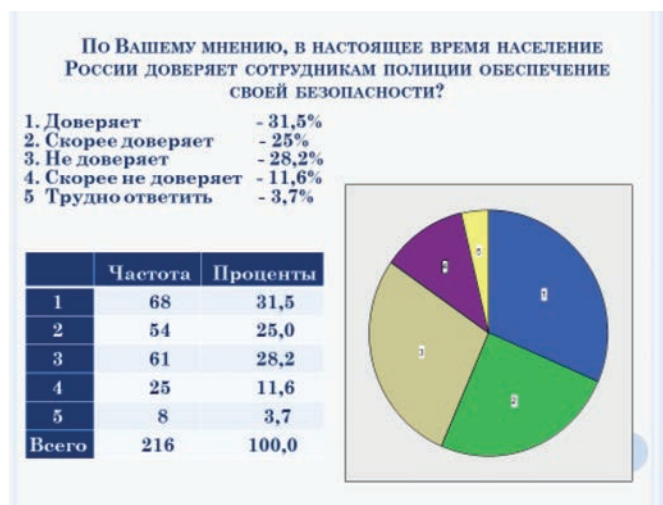

Рис. 1. Мнение экспертов о доверии населения институту полиции

Результаты исследования показывают, что современные общественные технологии управления позволяют как блокировать конфликтогены, так и активизировать, что успешно реализуется в процессе ведения гибридной войны. Как известно, любые изменения в общественном (естественном, живом) организме приводят к временному (или длительному) нарушению его работы, ослаблению или гибели. Эпидемия новой коронавирусной инфекции активизировала массовое применение дистанционных технологий в профессиональной подготовке сотрудников полиции и объективно создала условия для развития конфликтогенов в их образовательной сфере. Так, образовательные организации МВД России в условиях пандемии коронавирусной инфекции стали быстро переходить на массовое использование электронных средств обучения, что обусловило

дополнительные требования к цифровой грамотности участников образовательного процесса, общественную напряженность и, как следствие, активизацию конфликтогенов. Это – объективный факт. Цифровые средства поиска, сбора, отбора, хранения, обработки, обобщения, обмена, распространения информации, как в свое время электричество, усовершенствовали средства производства, обновили (модернизировали) все сферы человеческой деятельности, в том числе и образование. Но все новое вызывает у людей опасение, что обуславливает активизацию конфликтогена, содержанием которого является противоречие между традицией и инновацией. Например, результаты исследования показывают, что 59,2% экспертов желали бы вернуться к традиционному обучению (рис. 2).

Рис. 2. Результаты опроса экспертов о перспективах традиционной классно-урочной формы обучения в вузах России

В ходе исследования анализировался и такой факт: организаторы и активные участники российского образовательного рынка получили возможность получать значительную прибыль. В условиях пандемии и применения электронных средств передачи информации произошел скачок цен и активности в продаже информации. Точная достоверная информация стала товаром дорогим и с высоким

уровнем ликвидности. Очевидно, что доступ к такой информации оказался для многих участников образовательного процесса затруднен. Принцип такой: «Плати за точную и достоверную информацию или пользуйся сбросами». Причина же любого конфликта – результат борьбы по поводу удовлетворения актуальной потребности, в данном случае – информации.

Результаты опроса экспертов показали, что часть участников образовательного процесса организаций МВД не удовлетворены качеством информации, которую они получают в процессе обучения (рис. 3). Более половины респондентов (52,4%) испытывают трудность в получении нужной информации.

Этот факт – явный конфликтоген, так как он вносит неравенство среди участников образовательного процесса, что в конечном итоге ограничивает их в доступе к социальным лифтам, продвижению по службе и другом передвижении в общественной стратификации.

Рис. 3. Доступность информации в условиях реализации дистанционных образовательных технологий

Очевидно, что системным стал управленческий конфликтоген. Результаты содержательного анализа научной литературы показывают, что Россия в организации обучения с применением дистанционных технологий в начале XXI века была одной из ведущих стран мира [подр.: 7, с. 165] и могла бы более эффективно преодолеть препятствия, созданные пандемией вирусной инфекции, изоляцией России западными оппонентами, если бы не были совершены системные управленческие ошибки. Уже в 2016 году на образовательном рынке России начались информационные атаки на инновационные вузы, которые специализировались на обучении с применением дистанционных технологий, впоследствии приведшие к ограничению или прекращению их работы.

Зарубежный опыт использования электронных средств передачи информации (Великобритания, США, Южная Корея) по-

казывает, что там подобное обучение приоритетным стало еще до пандемии, поэтому сейчас нет информации о проблемах в образовании в этих странах. Дело в том, что оно, например, в Южной Корее, давно стало традиционным, а 85% работающего населения проходит ежегодную переподготовку в системе обучения с применением дистанционных технологий. А эффективность подобного японского обучения можно объяснить высоким уровнем мотивации населения на приобретение знаний, так как основная часть трудовых ресурсов занята в семейном бизнесе, где объективно повышенный уровень коллективной ответственности и, соответственно, контроля. В этой связи следует утверждать, что явным конфликтогеном в обучении с применением дистанционных технологий являются управленческие дисфункции, что подтверждается результатами опроса экспертов (рис. 4).

Рис. 4. Причины затруднений в реализации дистанционных технологий в России

Результаты наблюдения общественной практики показывают ошибочное мнение по поводу скорого упразднения классической классно-урочной системы обучения, то есть тенденция к реализации обучения без использования многовекового опыта – это конфликтоген. Здесь возможно лишь изменение средств, мест, интенсивности обучения. Например, классная аудитория может быть создана виртуально, где она будет представлять собой рабочие кабинеты обучающихся. Ими могут быть комнаты в квартирах, помещения библиотек, служебные кабинеты, камеры в местах лишения свободы и т.п. А непосредственное взаимодействие с преподавателем обеспечивается традиционными педагогическими технологиями, реализуемыми цифровыми средствами передачи информации. Они позволяют постоянно находиться в режиме беседы, диалога с кем-либо (так называемым биологическим преподавателем) или чем-либо (например, обучающим роботом). Таким образом, здесь участники образовательного процесса будут взаимодействовать также, как и два с половиной тысячелетия (перипатетика – Аристотель) назад. Использование электронных средств позволяет лишь совершенствовать, например, формы лекционных занятий: проблемные, визуализации, пресс-конференций и другие. Здесь аналогия

простая: в свое время двигатель внутреннего сгорания заменил лошадь, но не колесо.

Результаты наблюдения практики показывают, что электронные (цифровые) средства передачи информации значительно облегчают человеку доступ как к созидующим ресурсам общественных знаний, так и разрушающим. Вторая часть ресурсов – очевидный конфликтоген. Так, обучение с применением таких средств в условиях интенсификации всего спектра общественных взаимодействий и отношений позволяет: экономить время, получать много информационных услуг с различными точками зрения, приобретать знания в любом месте и в любое время (в служебных кабинетах, в учреждениях ФСИН, местах проживания эмигрантов, в зарубежных диаспорах наших соотечественников и т.д.), обучаться одновременно по нескольким специальностям и другое. Если человек добросовестный и желает работать (учиться), то он, безусловно, самостоятельно найдет нужные знания и, приложив усилия, поймет их, применит на практике, сформирует необходимые в профессиональной деятельности компетенции. Если же он не обременен прилежностью, совестью, честностью ..., то также легко разработает способы получения необходимых документов, незаконного обогащения, доступа к той или иной профес-

сиональной деятельности и т.п. Уже сейчас актуализировалась проблема обмана (как составной части содержания деликта) обучающимися сил и средств контроля в образовательной практике.

Таким образом, одна из главных проблем обучения с применением дистанционных тех-

нологий (электронных средств) – это воспитание и воспитанность участников образовательного процесса [подр.: 9, с. 47]. Этот вывод подтверждается результатами опроса экспертов (рис. 5).

Рис. 5. Значения задач обучения сотрудников полиции с применением дистанционных технологий

Априори все конфликтогены, явления и процессы в обществе находятся в единой системе, следовательно, обуславливают существование друг друга. В этой связи повышенная активность и самостоятельность обучающихся сотрудников полиции в обучении с применением дистанционных технологий активизирует конфликтогены, связанные с

внешней оценкой их труда и самооценкой. Опросы экспертов показывают, что у обучающихся в системе непрерывного образования сотрудников полиции возрос уровень самооценки уровня своей общей профессиональной подготовки и они стали в большей степени критичны к оценке их труда преподавателя (рис. 6).

Рис. 6. Отношение сотрудников полиции к результатам оценки освоения ими образовательных программ в системе непрерывного образования

Результаты наблюдения образовательной практики позволяют утверждать, что разговоры о замене преподавателей (биологических субъектов образовательной практики) роботами (объектами искусственного интеллекта) несостоятельны. Роботы становятся и будут оставаться средствами преподавателя в процессе обучения, так как именно он разрабатывает содержание программ, методики и т.п. У преподавателя появится новая функция – разработка теоретического материала для программирования, который будет призван обеспечить четыре задачи: учебную, воспитательную, научную и методическую. Уровень педагогического мастерства и значение преподавателя как наставника (именно

обучающего субъекта) не только не снизится, а будет постоянно расти. Так, в ходе исследования был выявлен такой факт: несмотря на обилие информации, получаемой в результате развития цифровых технологий, обучающийся испытывает значительные затруднения в разработке выпускных квалификационных работ, в которых априори комплексно реализуются и оцениваются уровни решения учебной, воспитательной, научной, методической задач (рис. 7). В его деятельности возрастет значение воспитания, которое трудно формализовать, программировать, роботизировать. В результате полученные знания будут использоваться для разрушения, а не для созидания.

Рис. 7. Мнение экспертов о востребованности научного руководителя обучающимися в процессе выполнения выпускной квалификационной работы

Обученный, но неправильно воспитанный человек может разрушить коллектив, стать преступником. Как говорили разработчики стратегических операций в период Великой Отечественной войны, при подготовке солдата надо не только научить его метко стрелять, но и убедить его это делать по противнику, а не наоборот.

Стратегическим конфликтогеном в этом аспекте является регламентация Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» введения в оборот категории «обучающийся» вместо «обучаемый». Ее смысл состоит в том, что человек может сам всему обучиться.

Законодатель предположил, что участник образовательного процесса сам должен определять содержание, технологию, место и время обучения, выбирать себе преподавателя. Конечно, в этом есть рациональный смысл. Но он требует очередной перестройки системы образования, то есть продолжения хаоса в этом основном институте общества.

Кроме того, как известно, родителей (наставников) не выбирают. Это противоречит природному естеству и, следовательно, имеет разрушительный (конфликтный) смысл. А ссылки на опыт западных стран, как показывают результаты нашего исследования (рис. 8), несостоятельны.

Рис. 8. Мнение экспертов о необходимости западного опыта в системе подготовки кадров полиции в образовательных организациях МВД России

Заимствование западного опыта с единым государственным экзаменом уже привело к снижению уровня знаний у современной российской молодежи, что является опасным управленческим конфликтогеном, так как ее представители уже сейчас начали массово присутствовать в органах власти.

Как известно, любое государство – это живой организм, требующий для своего развития ресурсы, которые оно забирает у природы, а когда это сделать становится трудно – отнимает у соседей. Так происходит во всей общественной системе, в том числе и в образовании. Западноевропейский мир – особая цивилизация, образованная в условиях перенаселения и, следовательно, напряженной конкуренции. Поэтому он никогда не творил для соседей благо. Если же соседям

он предлагает какую-то «инновацию», то это «троянский конь», искусственно организованный для соседа конфликтоген.

Результаты наблюдения профессиональной практики сотрудников полиции показывают, что в ней есть такая системная проблема, как «контроль образовательной информации». Очевидно, что неточная информация обуславливает потенциальные противоречия (конфликтогены) во всех сферах общественной жизни. Она – причина принятия неточного управленческого решения, судебных, врачебных, технических и иных ошибок.

Практика показывает, что дистанционные технологии не только облегчают поиск нужной, точной, достоверной информации, но и позволяют быстро ее исказить, сделать ложной, деструктивной, разрушительной (рис. 9).

Рис. 9. Доверие экспертов образовательной информации, размещенной в сети Интернет

Результаты исследования показали, что в настоящее время у значительной части обучающихся сотрудников полиции сложилось устойчивое мнение о необходимости усиления интенсивности формального (админи-

стративного) и неформального (общественного) контроля недостоверной информации, распространяемой в СМИ с применением дистанционных технологий (рис. 10).

Рис. 10. Мнение экспертов о необходимости усиления контроля образовательной информации, размещенной в сети Интернет

Исходя из понимания системности всех элементов, явлений и процессов общества, можно утверждать о том, что активизация одних конфликтогенов непременно приведет к развитию других, что обусловит проблемы организационного характера, снижение уровня мотивации на получение качественного образования, снижение качества образования, потерю «духа академичности» и другое. Например, научные школы решают не только задачи обучения и науки, но и воспитательную, методическую. А транслирование знаний с учетом лишь обобщенных характеристик обучающихся не приведет к качественной подготовке кадров, которые будут уже в ближайшее время обеспечивать безопасность России.

Таким образом, применение дистанционных технологий в непрерывном образовании сотрудников полиции способствует качественному обеспечению стратегической правоохранительной безопасности России. В условиях цифровой информатизации общества опасные преступления становятся трудно раскрываемыми. Для их профилактики

сотрудники полиции должны обладать более высоким уровнем компетенций в сфере цифровых технологий.

Конфликтоген непрерывного обучения сотрудников полиции с применением дистанционных технологий – это структурный, функциональный, идеальный и материальный элемент общественных действий, взаимодействий, отношений в непрерывной образовательной сфере, хранящий наследственную информацию об общественных катаклизмах в институте образования и путях их профилактики, выполняющий сигнальную функцию о неблагополучии образовательного общественного организма, сдерживающую разрушительные управленческие тенденции, активизирующийся при снижении уровня качества управления образованием и, следовательно, ослабления всего общественного организма.

Системообразующими конфликтогенами в непрерывном образовании сотрудников полиции с применением дистанционных технологий являются: противоречие между образовательными традициями и инновациями,

затруднения в получении достоверной, точной, нужной информации, управленческие дисфункции в непрерывном образовании; обман (как составная часть содержания дельикта) обучающимися сил и средств контроля в образовательной практике, затруднения в объективной внешней оценке труда обучаю-

щихся и их самооценке, неточности в трактовке категорий и пробелы в нормативных правовых документах, регламентирующих образовательный процесс, заимствование и реализация западного опыта обучения без учета национальных особенностей и другие.

Библиографический список

1. Ветрова, О.А. Рецидивная преступность иностранных граждан на территории России: социолого-правовая характеристика / О.А. Ветрова, Т.С. Демченко, А.Н. Гостев // Вестник Академии права и управления. – 2020. – N 2 (59). – С. 23-31.
2. Ветрова, О.А. Незаконная миграция как причина совершения преступлений иностранными гражданами, подпадающими по действие административного надзора / О.А. Ветрова, Т.С. Демченко, А.Н. Гостев // Вестник Академии права и управления. – 2020. – N 1 (58). – С. 25-31.
3. Гостев, А.Н. Организационный конфликт: социологический аспект : монография / А.Н. Гостев. – М.: Изд-во СГУ, 2013. – 193 с.
4. Гостев, А.Н. Теоретико-методологические основы исследования феномена гибридной войны и проблемы безопасности: результаты анализа цифровых документов / А.Н. Гостев // Человеческий капитал. – 2019. – N 12 (132). Ч. 2. – С. 126-147.
5. Демченко, Т.С. Гражданское общество: контроль над деятельностью государства : монография / Т.С. Демченко, А.Н. Гостев. – М.: Изд-во СГУ, 2011. – 193 с.
6. Демченко, Т.С. Проблемы качества электронного обучения: социологический взгляд / Т.С. Демченко, А.Н. Гостев // Социология образования. – 2017. – N 3. – С. 4-22.
7. Иванова, О.А. Российские образовательные организации: традиции инновационной деятельности / О.А. Иванова, А.Н. Гостев // Вестник экономика, права и социологии. – 2018. – N 2. – С. 164-169.
8. Кадыров, Р.Х. Общественные механизмы стимулирования сотрудников полиции / Р.Х. Кадыров, Т.С. Демченко, А.Н. Гостев // Вестник Академии права и управления. – 2020. – N 4 (61). – С. 25-32.
9. Кобзева, Н.И. Педагогические конфликтогены электронного обучения в контексте социологического исследования / Н.И. Кобзева, О.А. Иванова, А.Н. Гостев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – N 5 (205). – С. 3-15.
10. Куклина, Е.Ю. Имидж руководителя ОВД: социолого-герменевтический аспект / Е.Ю. Куклина, Т.С. Демченко, А.Н. Гостев // Вестник Академии права и управления. – 2021. – N 1 (63). – С. 15-25.
11. Петрова, О.В. Внешняя образовательная миграция: проблемы, практика межкультурной коммуникации / О.В. Петрова, О.А. Ветрова, А.Н. Гостев // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – N 6 (58). – С. 25-32.
12. Чеплухов, Е.В. Организации управления органом внутренних дел Российской Федерации: социологический аспект / Е.В. Чеплухов, Т.С. Демченко, А.Н. Гостев // Вестник Академии права и управления. – 2020. – N 3 (60). – С. 75-85.
13. Gostev, A.N. Russian traditions in the system of student government / A.N. Gostev, T.S. Demchenko // Russian education and society. – 2014. – N 4. – Т. 56. – С. 3-26.

---

14. Ivanova, O.F. Traditions and Innovations in Higher Education Management: Conflictological Aspect / O.F. Ivanova, T.S.Demchenko, A.N. Gostev // Jour of Adv Research in Dynamical & Control Systems, Vol. 12, 03-Special Issue, 798-806 (DOI: 10.5373/JARDCS/V12SP3/20201320 ISSN 1943-023X)

15. Shtchepansky, S.B. Social Mechanisms in Elaborating Russian Educational Policy: Legal Monitoring / S.B. Shtchepansky, A.N. Gostev, T.I. Turko // IJESE-IJESE – International Journal of Environmental and Science Education (ISSN13063065-Turkey-Scopus). – 2016. – N 9. – С. 45-55.

16. The religious factor in intercultural communication and international relations / A.G. Tyurikov, A.N. Gostev, A.Y. Bolshunov, S.A. Bolshunova // European Journal of Science and Theology. – 2021. – N 17 (1). – PP. 49-61.

Вячеслав Владимирович САФРОНОВ,

заведующий кафедрой правоведения
Сибирского государственного университета науки
и технологий имени академика М.Ф. Решетнева (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент

pravo-sibsau@mail.ru

ПАРАДИГМА ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ ГРАЖДАНИНА

THE PARADIGM OF THE LEGAL AWARENESS OF A CITIZEN

В статье предпринята попытка рассмотрения уникальной разновидности индивидуального правового сознания – правосознания гражданина. Автор представил генезис формирования определенного вида правового сознания у граждан Российской Федерации, а также продемонстрировал специфические особенности исследуемой научной категории. Анонсируются общие и отличительные признаки правосознания человека и правосознания гражданина.

This article attempts to consider a unique kind of individual legal consciousness – the legal consciousness of a citizen. The author presented the genesis of the formation of a certain type of legal consciousness among the citizens of the Russian Federation, and also demonstrated the specific features of the scientific category under study. The general and distinctive features of the legal consciousness of a person and the legal consciousness of a citizen are announced.

Ключевые слова: правосознание, виды правосознания, уровни правосознания, самопознание, мировоззрение, гражданин, личность, общество, государство.

Keywords: legal awareness, types of legal awareness, levels of legal awareness, self-knowledge, worldview, citizen, individual, society, state.

Научный феномен правового сознания рассматривается в юридической науке в качестве многокомпонентного правового явления. В целях объективного восприятия исследуемого понятия – правовое сознание – необходимо осуществить научный анализ (совокупность приемов, способов и средств изучения объекта в результате исследования отдельных структурных элементов анализируемого предмета) через призму взаимосвязи уровней осознания востребованности права, закона, правопорядка (обеспечивая правовую оценку жизнедеятельности индивидов с учетом позиции субъектного состава) [9].

Руководствуясь степенью осознанности отражения правовой деятельности (глубокая или поверхностная), можно классифицировать следующие уровни правового сознания:

профессиональное (специальное), теоретическое (научное) и эмпирическое (обыденное).

Специальное (профессиональное) правовое сознание отражает отношение юристов-практиков к правовым ценностям и юридической действительности. Сотрудники правоохранительных органов, работники организаций, осуществляющих юридические услуги, обладают собственным суждением, профессиональным отношением к нормам права и практике их применения. В правовом сознании юристов-практиков с учетом предмета восприятия формируются представления, соответствующие тем или иным отраслям системы права (такие представления, как гражданско-правовые, административно-правовые, уголовно-правовые, арбитражно-процессуальные и другие). Правовое

сознание юристов-практиков отличается профессиональными стереотипами, поведенческими принципами, сформировавшимися ориентирами (например, юридическая профессиональная солидарность, профессиональный этикет, профессиональная организация труда) [6].

Теоретическое (научное) правовое сознание отличается от иных уровней правосознания высокой степенью осознанности в правомерном поведении, обусловленном наличием приобретенных юридических знаний, сформированной системы правовых убеждений и ценностных ориентаций, сложившейся шкалой социально-правовой действительности и базы научно-теоретических исследований в сфере права. Следует обратить внимание на характерную особенность теоретического (научного) правосознания – данный уровень правового сознания выступает платформой оптимизации профессиональной юридической деятельности, ведь нет ничего более практичного, чем глубоко исследованная теория [7].

Эмпирическое правосознание в большинстве научных трудов интерпретируется в качестве обыденного правового сознания, характерного для подавляющего большинства социума, что обусловлено объективной природой процессов, происходящих вокруг каждого из нас, окружающей действительностью, порождающих ответную реакцию на увиденное и услышанное, позволяющих сформировать отношение к правовым явлениям в целом. Человечество постигает мир правовых отношений при помощи органов чувств, образует собственное представление о добре и зле, правомерном и противоправном. Этот чувственный опыт – главный источник подлинного знания. Рассматриваемый уровень правового сознания складывается на площадке повседневной жизни каждого из нас в случае «столкновения» с правообразующими юридическими фактами, которые позволяют приобретать статус пешехода, водителя, потребителя, покупателя, продавца, налогоплательщика, предпринимателя и т.п. Эмпирическое правосознание формируется под влиянием личного жизненного опыта,

конкретных условий жизни и юридического обучения и воспитания, доступного каждому на разном этапе жизнедеятельности. Носители обыденного правосознания могут испытывать отношение к праву противоположенное – от поверхностных идей, чувств, эмоций, взглядов и настроений до правомерно активного настроения, которое порождает возникновение правовой культуры [2].

Особое внимание в юридической науке уделяется изучению правового сознания специального и теоретического, тогда как исследование феномена правового сознания гражданина испытывает явный дефицит научного внимания. В результате категория «правосознание гражданина» в анонсируемой ранее дифференциации исследуемого понятия апробируется в двух вариантах: во-первых, интерпретируется в качестве правосознания обыденного; во-вторых, полностью игнорируется.

В настоящее время юридическая наука нуждается в более полном и глубоком осмыслении и осознании места и роли такой правовой категории, как «правовое сознание гражданина». Как уже было отмечено ранее, отдельные авторы трудов, посвященных проблеме феномена правосознания, воспринимая парадигму правового сознания гражданина в недопустимо узком формате – с позиции обыденного. Данная теория не может быть признана объективно правильной в связи с тем, что ассоциирует правосознание гражданина с эмпирическим правовым сознанием. Подобная научная мысль не лишена недостатков, так как в таком случае главные направления деятельности гражданина в политической системе страны необоснованно искусственно минимизируются, что влечет за собой деградацию статуса гражданина, недопустимое ограничение диапазона его правосознания. В многовековом и динамично развивающемся обществе на гражданина возложена инициативная, ведущая роль, обеспечивающая реализацию механизма гражданского общества, формирования институтов правового государства, образования устойчивой системы уважения прав и свобод личности в государстве. В ус-

ловиях современных реалий граждан имеет возможность стать активным участником различных правовых отношений, в первую очередь политических, а также социальных, культурных, экономических. Приобретение человеком статуса гражданина позволяет ему не только формально трансформировать свое правовое положение в обществе, но и ментально (сознательно) воспринимать правовую действительность в качестве носителя уникального правового статуса, участника правовых отношений, лица, находящегося в тесной политико-правовой связи с государством. Неотождествление правового сознания гражданина с обывательским сознанием позволит гражданину осознать важность своей роли как в обществе, так и в государстве, будет стимулировать его к активной правомерной деятельности в общественных делах, поспособствует многостороннему развитию государства и гражданского общества, создаст посыл в укреплении социальной справедливости.

Научную категорию «правосознание гражданина» следует генерировать в системе классификации правосознания по субъектному критерию. В данной системе дифференциации правового сознания можно выделить, во-первых, на уровне общества в целом (общественное), во-вторых, на уровне группы (групповое), в-третьих, на уровне индивида (индивидуальное). Стоит отметить тот факт, что групповое и общественное правовое сознание не существует вне индивидуального [8].

Парадигма правосознания гражданина – принятая научным сообществом модель интерпретации рассматриваемого феномена – способствует переосмыслению роли правового сознания гражданина как в обществе, так и в государстве. Безусловно, общество представляет собой взаимообусловленную систему социальных связей между индивидами, большими и малыми социальными группами. В результате социальных связей происходит соприкосновение, взаимосвязь, конкуренция определенных прав, свобод, установок, интересов, мотивов поведения. Современная общественная организация

индивидов невозможна без надлежащего регуляторного инструментария поведения индивидов, объективно востребованного в тех или иных сферах их жизнедеятельности. Такая регуляторная механика обусловлена наличием системы социальных инструментов (норм и институтов, установленных в обществе). Представленная институализация общественной жизни демонстрирует парадигму осуществления социального контроля за деятельностью членов общества, в связи с чем думается полезным апробировать такой вид правового сознания, с учетом субъектного состава, как индивидуальное, которое, в свою очередь, дифференцируется на правосознание человека и правосознание гражданина, в процессе реализации инструментов регуляторной механики в системе социальных связей [4].

В данной статье автор не ставил задачу рассмотрения правосознания человека, а озадачился попыткой осмысления природы правового сознания. Представляется необходимым обозначить интерпретацию термина «правовое сознание гражданина», которое является важнейшим видом правового сознания индивидуального и представляет собой осознание лицом, состоящим в устойчивой политико-правовой связи с государством, правовых явлений, системы законодательства и права, правопорядка и законности [подр.: 5].

В целях надлежащего изучения данного феномена мы предлагаем следующие признаки правосознания гражданина.

1. Правосознание лица, носителя статуса «гражданин», выступает в качестве отдельного вида правосознания индивидуального вкупе с другими видами индивидуального правового сознания (апатрида – лица без гражданства, гражданина (подданного) иностранного государства).

2. Формирование правосознания гражданина обеспечено совокупностью социальных связей, отношений в обществе и государстве, устоявшимися традициями в государстве на протяжении всего генезиса его возникновения и дальнейшего развития, а также внутренними факторами, в качестве

которых выступают психологические особенности личности в обществе.

3. Правовое сознание гражданина обусловлено политико-правовым положением индивида (участника общественных отношений) в государстве.

4. Правовое сознание гражданина взаимосвязано с правовым статусом лица, который легально закреплен (в Конституции РФ и в других нормативно-правовых актах).

5. Демонстрирует психическое отношение лица (гражданина) к таким категориям, как «государство», «общество», «закон», «право», к предоставленным ему государством правовым ролям (в качестве лица, наделенного статусом гражданина).

6. Деятельность по становлению правосознания лица – участника гражданского общества представляет собой процесс адаптации гражданина в коллективе, процесс социализации его личности.

7. Правовое сознание гражданина взаимообусловлено профессиональным правосознанием. Данная парадигма взаимной корреспонденции выражена в формате статусно-ролевого аспекта, социально-ролевого мышления, потенциальной возможности гражданина занимать государственно-властные посты. При этом следует отметить, что их научная взаимозаменяемость вызывает отрицательную реакцию научного сообщества, так как каждая из указанных категорий несет собственную уникальную смысловую нагрузку (профессиональное правовое сознание выражает отношение к правовой действительности специальных субъектов, носителей прав и обязанностей, обусловленных их компетенцией, такое правосознание носит организованно выраженный, специализированный характер правореализующей деятельности).

Резюмируя представленное выше, видится объективно необходимым (с учетом теории разграничения индивидуального правосознания) дифференцировать правовое сознание гражданина и правовое сознание человека, которое имеет определенное тождество с обывательским правосознанием.

После изучения понятия и признаков исследуемого научного явления следует проанализировать глубинные аспекты феномена правового сознания гражданина. Гражданин представляет собой неотъемлемую часть природы, проявляющейся в его биологических, физических, физиологических и психологических процессах, он находится в тесной политико-правовой связи с государством, с наличием специальных прав и обязанностей, формально закрепленных законодательством [1].

Гражданин является человеком, а человек – это личность планетарного характера, которая наделена объемом правомочий вне зависимости от ее принадлежности к государству. Политико-правовая связь человека с государством представляет собой отдельное правовое явление с уникальными организационно-правовыми характеристиками.

Каждое лицо, носитель гражданства, обладает потенциальной возможностью участия в определенных социальных институтах и учреждениях (в первую очередь в политических). Кроме того, каждый гражданин является носителем собственных взглядов и догматов на общественно-политические явления и процессы в государстве, «представителем» которого он является, правил мышления, восприятия, психологии и других формы общественного сознания. Чтобы стать полноправным членом гражданского общества, принимать непосредственное участие в делах государства, активно реализовывать всю совокупность прав и свобод, которыми он (гражданин) наделен в силу своего статуса, гражданин должен в той или иной мере эмпирически усваивать, а затем формировать собственное представление, информацию о праве и государстве, законности и правопорядке, справедливости и балансе прав и обязанностей в обществе и государстве. Овладев необходимыми знаниями и навыками, гражданин сможет активно включаться в систему социальных связей в качестве члена определенной социальной группы – граждане государства. Каждый гражданин с одной стороны как биосоциальное существо

(человек), а с другой – как участник политико-правовых отношений, обусловленных связью с государством, имеет определенную совокупность идей, представлений, взглядов в отношении государства и права, их роли и взаимообусловленном характере, что может быть ассоциировано с сущностью феномена такой научной категории, как «правовое сознание гражданина». Любая деятельность гражданина генерирована его правовым сознанием (его поведенческим компонентом), все правомочия гражданина, закрепленные законодательно, все юридические поступки опосредованы правовой идеологией и правовой психологией гражданина. Поэтому отношение гражданина к праву является его (гражданина) правовым сознанием [8].

Сравнительный анализ разных, но безусловно взаимосвязанных понятий – правовое сознание человека и правовое сознание гражданина – показывает, что их общими признаками являются, во-первых, обязательное наличие психического отношения к праву в качестве дефиниции; во-вторых, оба рассматриваемых понятия являются видами правового сознания индивидуального; в-третьих, их формирование обусловлено волей законодателя, выраженной в действующих нормативно-правовых актах, так как субъекты (носители правосознания) соотносят свое поведение с нормативно-правовыми установлениями государства; в-четвертых, анализируемые правовые категории ориентированы на восприятие сложившихся в государстве юридических средств и правовых ценностей.

Наконец, после изложения общих признаков правового сознания человека и гражданина, необходимо исследовать отличительные особенности данных видов правового сознания.

Во-первых, в природе социальной сути лица-гражданина базовым критерием является его политико-правовая принадлежность к тому или иному государству. Во-вторых, институт гражданства презюмирует взаимные права и обязанности лица (носителя гражданства) и государства. В-третьих, в научной парадигме гражданин воспринимается

в качестве человека, находящегося в тесной политико-правовой связи с государством, политической системой властных отношений в обществе. В-четвертых, законодатель апеллирует к правовому статусу гражданина, основанному на государственно-правовом признании конкретного индивида носителем особых (в том числе политико-правовых) субъективных прав и юридических обязанностей. Исторический экскурс свидетельствует о том, что процесс принятия Конституции в Российской Федерации (12 декабря 1993 года) может быть по праву оценен в качестве перехода к принципиально новому этапу генезиса отечества. К этапу, когда в доминанте политической системы возникает человек-гражданин с его правами и свободами. Конституция государства поставила на приоритетное, лидирующее место личные интересы граждан государства, их демократические свободы [3]. В-пятых, при исследовании правового сознания гражданина, необходимо фокусировать внимание на связь государства с гражданином, на особую роль гражданина в государствоорганизованном обществе.

В завершение хотелось бы отметить необходимость адекватной интерпретации указанной выше роли гражданина, так как обладание правовым статусом гражданина предполагает неотъемлемую возможность выступать в качестве «носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации» (ст. 3 Конституции РФ). Таким образом, законодатель наделил гражданина огромным диапазоном социально-правовых ролей, которые характеризуют его как активного преобразователя общества и государства. В нормах законодательства приоритетным направлением выступает приращение гражданину, как созидателю, строителю правового государства, существенных возможностей в системе государственно-политических отношений.

Резюмируя изложенное, хотелось бы отметить принципиально важную задачу государства формирования у гражданина развитого правосознания, что предопределено духом закона и самой идеей законодателя, определившего гражданина в качестве «выс-

шей ценности», наделившего его важнейшими правами (политическими, гражданскими, экономическими, социальными).

Парадигма изучения правового сознания гражданина опирается на такие идентификаторы исследуемого феномена, как творческое и инициативное отношение к труду, активная гражданская позиция гражданина, его личная заинтересованность в общественных и государственных делах. Все изложенное выше демонстрирует потребность в создании надлежащей системы формирования правового сознания гражданина, пересмотра его роли (с учетом гражданской индивидуальности) в процессе становления правового государства и укрепления гражданского общества.

Современное российское общество освобождает гражданина от однобокого и уродливого развития, которое имело место в

определенные периоды генезиса национальной идеологии, открывает широкий диапазон для проявления всех качеств носителя правового статуса «гражданин», его желаний и способностей в любой сфере деятельности с учетом многополярного мира.

Подводя итог, следует отметить, что роль правового сознания гражданина сложно переоценить в системе реализации гражданином объема прав и обязанностей. Правореализующая деятельность на всех ее стадиях с субъективной стороны требует использования гражданином правового сознания, развитые правовые элементы которого вместе с иными компонентами как ситуативной, так и длительной готовности к правореализации являются необходимой внутренней предпосылкой активной, соответствующей закону и процессуальной форме деятельности гражданина в государстве.

Библиографический список

1. Дробницкий, О.Г. Некоторые аспекты проблемы ценностей / О.Г. Дробницкий. – М., 1996.
2. Лазарев, В.В. Становление философского сознания нового времени / В.В. Лазарев ; отв. ред. Д.В. Джохадзе. – М., 1987.
3. Лившиц, Р.З. Теория права / Р.З. Лившиц. – М., 1994.
4. Маркарян, Э.С. Очерки теории культуры / Э.С. Маркарян. – Ереван, 1969.
5. Сафронов, В.В. Генезис правосознания гражданина : монография / В.В. Сафронов. – Красноярск, 2012.
6. Соколов, Н.Я. Профессиональное сознание юристов / Н.Я. Соколов. – М., 1988.
7. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. проф. В.М. Корельского и проф. В.Д. Перевалова. – 2-е изд. – М., 2000.
8. Тихомиров, Ю.А. Теория закона / Ю.А. Тихомиров. – М., 1989.
9. Чефранов, В.А. Правовое сознание как разновидность социального отражения: философско-методический очерк / В.А. Чефранов. – Киев, 1976.

Ксения Ивановна КОРСУН,

преподаватель кафедры конституционного права
Уральского юридического института МВД России
(г. Екатеринбург)

korsunksenia@mail.ru

СИСТЕМА ЕДИНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННОЕ ТОЛКОВАНИЕ И РЕАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

THE SYSTEM OF UNIFIED PUBLIC AUTHORITY IN THE RUSSIAN FEDERATION: CONSTITUTIONAL INTERPRETATION AND REAL PRACTICE

В российском конституционализме появилась новая категория – система единой публичной власти. Поправки 2020 года в Основной закон государства закрепили, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти. Однако Федеральный закон «О Государственном Совете Российской Федерации» содержит несколько иную трактовку категории «система единой публичной власти». В статье автор последовательно анализирует положения части 3 статьи 132 Конституции РФ и названного Федерального закона, приходя к выводу о том, что на практике в систему единой публичной власти входят не только органы государственной власти и местного самоуправления. Как элемент новизны в статье предложена авторская формулировка категории «публичная власть», а также проведена комплексная систематизация признаков публичной власти.

In Russian constitutionalism, a new category has emerged - the system of unified public power. The 2020 amendments to the Basic Law of the State established that local self-government bodies and state authorities are part of a single system of public power. However, the Federal Law «On the State Council of the Russian Federation» contains a slightly different interpretation of the category «system of unified public authority». In the article, the author consistently analyzes the provisions of part 3 of Article 132 of the Constitution of the Russian Federation and the above-mentioned Federal Law, coming to the conclusion that in practice, the system of unified public power includes not only state authorities and local self-government. As an element of novelty, the author's formulation of the category «public power» is proposed in the article, and a comprehensive systematization of the signs of public power is carried out.

Ключевые слова: публичная власть, система единой публичной власти, государственная власть, местное самоуправление, поправки в Конституцию РФ.

Keywords: public power, the system of unified public power, state power, local self-government, amendments to the Constitution of the Russian Federation.

2020 год был знаковым для теории и практики российского конституционализма. Впервые Основной закон страны претерпел столь масштабные изменения. Преобразованиям подверглись главы с третьей по восьмую, всего поправки затронули более сорока статей Конституции Российской Фе-

дерации, плюс были добавлены пять новых статей со знаком «1».

Вопрос о необходимости конституционных перемен поднимался правоведами на протяжении последних нескольких лет [1; 6; 10-12] и обосновывался в первую очередь «отставанием» конституционных положений

от стремительно развивающейся реальности. Последние два десятилетия свидетельствуют о развитии всех сфер жизни общества: социальной, научной, технической. Соответственно, и законодательство должно отражать современные реалии, не превращаясь в «мертвые нормы» и «пережитки прошлого». И в первую очередь это касается Основного закона.

Начало конституционного реформирования задал Президент Российской Федерации, обращаясь к Совету Федерации Российской Федерации с ежегодным посланием¹, в котором озвучил основные направления предстоящих преобразований. В своей речи Глава государства подчеркнул, что не видит «необходимости в принятии новой Конституции, так как действующая еще не исчерпала весь свой потенциал». Изменения коснулись социальной, политической, экономической сфер жизни государства. Отдельного внимания заслуживает новая концепция организации публичной власти.

Публичная власть выделена от народа и выражает его волю. В толковом словаре термин «публичный» означает «общественный, находящийся в распоряжении общества, устроенный для общества, не частный»².

Отметим, что сам термин «публичная власть» довольно активно используется в официальных нормативных правовых актах федерального³ и регионального⁴ уровней, а в 2020 году получил закрепление и в Конституции Российской Федерации, однако легального определения понятия «публичная власть» в российском конституционализме до сих пор нет.

Поправки в Конституцию Российской Федерации 2020 года ввели в конструкцию статьи 132 новое понятие – «система единой публичной власти», и согласно задумке законодателя в данную систему входят органы государственной власти и органы местного самоуправления. Но так ли это на самом деле?

Проанализировав мнения ведущих российских конституционалистов [2; 4; 8; 9; 13] по данному вопросу, выделим признаки публичной власти:

1) обезличенность, то есть публичная власть не принадлежит одному лицу либо группе лиц, а исходит от всего народа государства;

2) через органы публичной власти выражается воля всего многонационального народа, а не отдельной его группы;

3) правом принимать законы наделены только органы и должностные лица публичной власти;

4) принятые органами и должностными лицами публичной власти правовые нормы образуют правовые институты (например: институт парламентаризма, институт президентства, институт уполномоченных по правам человека, институт федерализма и т.д.);

5) территория, на которой действует публичная власть, имеет деление на несколько уровней: федеральный и региональный для государственной власти и муниципальный для местного самоуправления.

На основании изложенного считаем возможным предложить следующее определение юридической категории «публичная власть», под которой предлагаем понимать власть, выделенную от народа и правонаделенную

1 См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 15 января 2020 года // Официальное интернет-представительство Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru>. (дата обращения: 04.03.2021).

2 Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка М.: Аделант, 2014. С. 562.

3 См., например: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год от 17.05.2017 // Российская газета. 2017. N 104; О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами»: постановление Правительства РФ от 27.03.2019 N 325; О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов: Федеральный закон от 29.11.2018 N 459-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

4 См., например: Конституция Республики Башкортостан от 24.12.1993 N BC-22/15 // Известия Башкортостана. 1994. N 3 (627); Устав (Основной Закон) Рязанской области от 18.11.2005 N 115-ОЗ // Рязанские ведомости. 2005. N 251-252; Устав Иркутской области от 17.04.2009 // Ведомости Законодательного собрания Иркутской области. 2009. N 9.

им на осуществление полномочий от своего имени и в своих интересах.

Исходя из конструкции статьи 3 Конституции Российской Федерации в структуру публичной власти входят органы государственной власти и органы местного самоуправления, что соответствует новой редакции части 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации о том, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти.

Здесь отметим, что статья 3 Конституции Российской Федерации (в отличие от части 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации) на первое место выдвигает органы государственной власти, что считаем вполне логичным ввиду подзаконного характера местного самоуправления. Далее важно обратить внимание на тот факт, что ни статья 3 Конституции Российской Федерации, ни часть 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации не говорят о должностных лицах, которые также входят в систему публичной власти (например, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, должностные лица органов местного самоуправления). Кроме того, согласно доктринальному анализу [3; 5; 7] органами публичной власти являются не только органы государственной власти и местного самоуправления, но и система органов прокуратуры Российской Федерации, которая, соответственно, также должна входить в систему публичной власти России. Современная конструкция части 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации данного тезиса не содержит.

Таким образом, полагаем, что формулировка части 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации не в полной мере отражает существующую на сегодняшний день систему публичной власти в России и необходимо разъяснение законодателя относительно данного вопроса, например путем официального толкования указанной нормы Конституционным Судом Российской Федерации.

Кроме того, в конце 2020 года в российской правовой системе появилось легальное

определение системы единой публичной власти, под которой в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. N 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» понимаются «федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности».

Конструкция данной нормы отличается от конституционной только наличием в ней «иных государственных органов», под которым, несомненно, понимается сам Государственный Совет Российской Федерации, а вот должностные лица указанных органов законодателем все также «вытеснены» из системы единой публичной власти, что, по нашему мнению, является существенным упущением.

Впрочем, стоит отметить и положительные стороны новой редакции части 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации. Так, впервые на конституционном уровне закреплено взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления. Безусловно, государственная власть и местное самоуправление взаимодействовали и до внесения поправок в Конституцию Российской Федерации в различных формах (например: наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, создание совместных совещательных органов, советов, рабочих групп, законодательская инициатива органов местного самоуправления в органы государственной власти субъекта Российской Федерации и т.д.), однако институт государственно-муниципального взаимодействия не имел законодательного закрепления.

С принятием конституционных поправок институт взаимодействия государственной власти с местным самоуправлением получил законное закрепление. Новая редакция части 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации выделяет в качестве основной цели государственно-муниципального взаимодействия «наиболее эффективное решение задач в интересах населения». Здесь возникают вопросы; о каких именно задачах идет речь

и каковы критерии для определения эффективности их решения.

Например, вопросы местного значения, безусловно, отражают интересы населения. Возникает вопрос; необходимо ли органам местного самоуправления при решении вопросов местного значения взаимодействовать с органами государственной власти? Ведь, с одной стороны, органы государственной власти не имеют права вмешиваться в решение вопросов местного значения, а с другой – предоставление муниципальным образованиям субвенций, дотаций и субсидий вполне можно считать формой взаимодействия, направленной в том числе на решение вопросов местного значения.

Поэтому считаем, что термин эффективности можно толковать двояко. Конечно, задачи, затрагивающие интересы населения, должны решаться на том уровне власти, который способен обеспечить их эффективную реализацию. Однако оценка эффективности может носить весьма субъективный характер, что недопустимо в вопросах организации публичной власти. Так или иначе, вопрос толкования положений части 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации остается открытым, возможно в скором времени Конституционный Суд Российской Федерации даст разъяснения по данному вопросу.

Кроме того, Федеральный закон «О Государственном Совете Российской Федерации» в статье 2 также содержит положения о взаимодействии органов публичной власти, которое в конструкции данной статьи понимается как принцип деятельности обозначенных органов. Причем законодатель указывает на конкретные виды взаимодействия как принципа деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти: организационно-правовое, функциональное, финансово-бюджетное, по вопросам передачи полномочий. И если первый, третий и четвертый виды взаимодействия еще хоть как-то понятны, то касательно функционального взаимодействия – одни вопросы. При том, что согласно анализируемой статье органы, вхо-

дящие в единую систему публичной власти, осуществляют свою деятельность не только на основе принципа взаимодействия, но и на основе принципа согласованного функционирования. И здесь возникает логичный вопрос: чем отличается принцип согласованного функционирования от принципа функционального взаимодействия?

По нашему мнению, предложенное законодательное определение системы единой публичной власти, чересчур перегружено юридическими терминами, что существенно усложняет толкование данной нормы. Полагаем более рациональным сохранить в конструкции статьи только перечисление органов, входящих в систему единой публичной власти, с обязательным включение должностных лиц как системных элементов публичной власти.

Подводя итог, отметим, что проведенная в России конституционная реформа – мера ожидаемая, обоснованная и необходимая. Законодательство государства должно отражать современные реалии, а нормы права должны быть реальными и «рабочими», а не декларативными или трудно применимыми. В этой связи полагаем, что поправки в Конституцию Российской Федерации 2020 года – событие не только знаковое, но и положительное для всей правовой системы Российской Федерации. В ближайшем будущем научным сообществом не раз будут подниматься те или иные вопросы, связанные с конституционными поправками. В данной статье нами поднята лишь малая часть вопросов, связанных с пониманием системы публичной власти в Российской Федерации, очевидно, что необходимо более глубокое научное осмысление конституционных новелл. Тем не менее считаем, что обозначенные дискуссионные положения части 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации и Федерального закона «О Государственном Совете Российской Федерации» образуют новые векторы познания в теории и практике конституционализма, которые будут способствовать совершенствованию российского законодательства.

Библиографический список

1. Аршинова, Л.А. Стабильность Конституции Российской Федерации: нужны ли реформы / Л.А. Аршинова // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в Российской Федерации. – Иркутск, 2019. – С. 27-30.
2. Астафичев, П.А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ: реализация конституционного принципа разделения властей на федеральном уровне публичной власти / П.А. Астафичев // Современное общество и право. – 2012. – № 3 (8). – С. 111-121.
3. Байрамов, А.Х. Конституционно-правовое регулирование деятельности прокуратуры по обеспечению законности в системе органов публичной власти : дис. ... канд. юрид. наук / А.Х. Байрамов. – М., 2013.
4. Безруков, А.В. Государственная и муниципальная власть в системе единой публичной власти России / А.В. Безруков // Государственная власть и местное самоуправление. – 2015. – № 6. – С. 23-28.
5. Велиев, И.В.о. Прокуратура в системе органов публичной власти: опыт сравнительного исследования по материалам Азербайджанской Республики, Российской Федерации и Республики Казахстан : дис. ... докт. юрид. наук / И.В.о. Велиев. – М., 2006.
6. Дидикин, А.Б. Конституция России: взгляд в будущее. Условия и перспективы конституционной реформы / А.Б. Дидикин // Научные труды Российской академии юридических наук. – 2014. – С. 468-472.
7. Еремина, Н.В. Место прокуратуры Российской Федерации в системе разделения властей (теоретико-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Еремина. – М., 2009.
8. Карасев, А.Т. Представительная власть как вид публичной власти / А.Т. Карасев, А.В. Савоськин, А.С. Морозова. // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 6. – С. 135-140.
9. Лебедев, В.А. Государственная власть как форма выражения публичной власти / В.А. Лебедев // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 25 (206). – С. 5-9.
10. Лебедев, В.А. Конституция Российской Федерации: перспективы реформирования или дальнейшего раскрытия ее потенциала / В.А. Лебедев // Проблемы права. – 2018. – № 4 (68). – С. 7-12.
11. Саликов, М.С. Конституционные реформы и стабильность Конституции: проблемы поиска баланса / М.С. Саликов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – № 3. – С. 5-14.
12. Сахарова, А.Н. Стабильность Конституции: нужны ли реформы? / А.Н. Сахарова, В.Д. Шаколюкова // Конституция Российской Федерации: первые 25 лет : сборник материалов межвузовской научно-практической конференции, посвящённой 25-летию принятия Конституции Российской Федерации и Международному дню прав человека / под ред. С.А. Глотова, М.Ф. Гацко. М., 2019. – С. 343-454.
13. Чиркин, В.Е. Публичная власть в современном обществе / В.Е. Чиркин // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 4. – С. 12-15.

Елена Геннадьевна ЧЕРНОВА,

начальник Правового отдела
ГУ МВД России по Кемеровской области (г. Кемерово),
кандидат юридических наук

helen_black2008@mail.ru

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГАРАНТИЯХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

TO THE QUESTION OF STATE GUARANTEES OF FEDERAL STATE CIVIL EMPLOYEES

В статье на примере правоприменительной и судебной практики проанализированы основные и дополнительные государственные гарантии федеральных государственных гражданских служащих, исследованы некоторые особенности их реализации в Министерстве внутренних дел Российской Федерации. На основе изучения научных позиций, правовых актов федеральных органов исполнительной власти автор высказывает мнение о законодательном закреплении единой системы оценки показателей эффективности деятельности федеральных государственных гражданских служащих. Сформулированы выводы о необходимости специального правового регулирования вопросов медицинского страхования, государственной защиты от неправомерных действий и пенсионного обеспечения федеральных государственных гражданских служащих.

The article analyzes the main and additional state guarantees of federal state civil servants on the example of law enforcement and judicial practice, and examines some features of their implementation in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Based on the study of scientific opinions, legal acts of federal executive authorities, the author expresses the opinion on the need for legislative consolidation of a unified system for evaluating the performance indicators of federal state civil servants. Conclusions are formulated about the need for special legal regulation of issues of health insurance, state protection against illegal actions and pension provision of federal state civil servants.

Ключевые слова: федеральные государственные гражданские служащие, государственная гражданская служба, государственные гарантии, социальная защита, ограничения, органы внутренних дел.

Keywords: : federal state civil servants, state civil service, state guarantees, social protection, restrictions, internal affairs bodies.

Успешное и эффективное функционирование государственных органов напрямую зависит от профессиональной деятельности федеральных государственных гражданских служащих (далее – гражданские служащие), обладающих необходимыми деловыми и моральными качествами, позволяющими добросовестно реализовывать публично-властные функции. В свою очередь, успешное формирование кадрового ядра го-

сударственных органов возможно только на основе продуманной политики, включающей элементы материальной заинтересованности и социальной защиты гражданских служащих [14].

Важнейшим способом обеспечения социальной защищенности гражданских служащих, правовым механизмом защиты их прав и свобод, а также соблюдения законных интересов являются государственные гарантии на

государственной гражданской службе (далее также – гражданская служба). Предоставляемые гарантии должны отвечать современным потребностям государства, так как без данного института невозможно осуществление качественного государственного управления [9, с. 3].

Данная позиция согласуется с правовым подходом Конституционного Суда РФ (определение от 2 апреля 2009 г. N 472-О-О), согласно которому специфика гражданской службы как профессиональной служебной деятельности по обеспечению исполнения полномочий органов государственной власти предопределяет особый правовой статус гражданских служащих, включающий обусловленные характером их деятельности права и обязанности, налагаемые на них ограничения, связанные гражданской службой, а также предоставляемые гарантии.

Соотносительность основных условий оплаты труда и государственных социальных гарантий, установленная п. 1 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Закон о государственной службе) и п. 1 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», обеспечивается законодательным закреплением общих подходов к структуре и исчислению денежного содержания, основных и дополнительных мер, направленных на компенсацию возникающих обременений и стимулирование профессиональной служебной деятельности гражданских служащих [7], что подтверждается многочисленной судебной практикой (постановления Конституционного Суда РФ от 21 марта 2014 г. N 7-П и от 29 ноября 2016 г. N 26-П, апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 29 декабря 2016 г. N 50-АПГ16-29).

Социальная защита гражданских служащих осуществляется посредством реализации гарантий, предусмотренных многочисленны-

ми правовыми актами, изданными разными государственными органами и имеющими различную юридическую силу и сферу действия.

В этой связи следует согласиться с позицией авторов о необходимости принятия отдельного Федерального закона «О государственных гарантиях федеральных государственных гражданских служащих», который завершит нормативную модель механизма обеспечения гражданских служащих социальными гарантиями [9, с. 12-13; 16, с. 163-169; 17, с. 32-33].

В постановлении Конституционного Суда РФ от 27 декабря 1999 г. N 19-П отмечается, что гарантии и льготы, предусмотренные для гражданских служащих, призваны компенсировать ущерб, наносимый принципу равенства введением отдельных ограничений их прав и свобод.

Перечень основных и дополнительных государственных гарантий гражданских служащих, закрепленный гл. 11 Закона о государственной службе, в научной литературе характеризуется по-разному.

Г.А. Малышева определяет их как гарантии служебно-правовой защиты, социально-экономического и социально-бытового характера, а также иные гарантии [9, с. 69]. Н.Ф. Попова делит государственные гарантии гражданских служащих на три группы: в связи с осуществлением профессиональной деятельности; обязательное государственное социальное страхование и гарантии защиты гражданского служащего и членов его семьи от насилия, угроз и других неправомерных действий в связи с исполнением им должностных обязанностей [12, с. 48-50].

М.Д. Неупокоев указывает, что социальная защищенность гражданских служащих реализуется в достаточной обеспеченности материальными, социальными и культурными благами, высоком уровне оплаты труда, перспективе роста, прочных гарантиях прав и уважения достоинства личности, предоставлении особых гарантий гражданскому служащему в результате получения им увечья (травмы) или членам его семьи в случае его гибели (смерти) [10, с. 55-56].

В статье 52 Закона о государственной службе закреплены основные государственные гарантии, которые являются общими статутными гарантиями для всех гражданских служащих и обусловлены их профессиональной принадлежностью [9, с. 114].

В качестве первой гарантии определено установление равных условий оплаты труда, а также сопоставимых показателей оценки эффективности результатов профессиональной служебной деятельности при замещении соответствующих должностей государственной гражданской службы.

По общему правилу гражданским служащим, замещающим равные должности, выполняющим сходные должностные обязанности, должна гарантироваться равная оплата труда, различия в которой могут быть обусловлены уровнем квалификации, образования, стажем работы, то есть критериями, присущими конкретному гражданскому служащему [14].

По мнению А.С. Санаева, данная гарантия в большей степени является декларацией, поскольку условия оплаты труда могут довольно сильно различаться на федеральной государственной и региональной службе [13, с. 20-21].

В соответствии с п. 8 ч. 2 ст. 47, п. 4 ч. 4 ст. 24 Закона о государственной службе показатели эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности гражданского служащего включаются в его должностной регламент (обязательная часть), а также могут быть отражены в служебном контракте как факультативный элемент.

Рассматриваемая гарантия представляет собой критерии оценки исполнения замещаемой гражданским служащим должности,

которые учитываются при проведении конкурса на замещение вакантной должности гражданской службы, аттестации, квалификационного экзамена.

В Рекомендациях Минздравсоцразвития России по разработке должностных регламентов федеральных государственных гражданских служащих в федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах (письмо от 10 августа 2005 г. N 3855-ВС) показатели эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности гражданского служащего имеют абсолютные и относительные величины.

В науке справедливо высказывается мнение, что не только практически невозможно оценить служебную деятельность гражданского служащего по приведенной формуле, но и отсутствуют четкие методики расчета таких показателей [3].

Вместе с тем некоторые федеральные органы исполнительной власти, например, Федеральная налоговая служба¹, Министерство здравоохранения Российской Федерации² и Министерство культуры Российской Федерации³ нормативно закрепили показатели эффективности деятельности своих служащих.

По нашему мнению, отсутствие законодательно закрепленной системы и методики оценки деятельности гражданских служащих влечет рекомендательный характер ее проведения, невозможность установления зависимости между результатом проведенной оценки и материальным стимулированием. В связи с этим прослеживается необходимость создания единой системы оценки в зависимости от специфики работы гражданского служащего.

1 Об утверждении Методических рекомендаций по комплексной оценке федеральных государственных гражданских служащих территориальных органов Федеральной налоговой службы : приказ ФНС России от 23.05.2012 N ММВ-7-4/349@.

2 О целевых показателях эффективности деятельности федеральных бюджетных и казенных учреждений, находящихся в ведении Министерства здравоохранения Российской Федерации, и критериях оценки эффективности и результативности деятельности их руководителей, условиях премирования руководителей федеральных бюджетных и казенных учреждений, находящихся в ведении Министерства здравоохранения Российской Федерации : приказ Минздрава России от 11.07.2013 N 451.

3 Об утверждении примерного должностного регламента федерального государственного гражданского служащего Министерства культуры Российской Федерации и его территориальных органов : приказ Минкультуры России от 19.11.2019 N 1792.

К.В. Давыдов предлагает классифицировать показатели эффективности служебной деятельности государственного служащего в зависимости от субъектного состава, управленческих стандартов, характера источника их оценки (внутренний и внешний анализ деятельности) [3].

По нашему мнению, практическое значение имеет систематизация критериев оценки эффективности деятельности гражданских служащих по интегральным признакам, предложенная В. Жильцовым [5, с. 21]. Она включает следующие показатели: процентные (доля своевременно подготовленных документов, количество граждан, давших положительную оценку), количественные (количество и объем подготовленных документов, обслуженных граждан), рейтинговые (место среди других служащих); экономические (соотношение затрат и полученного результата) и временные (хронометраж работы).

К основным государственным гарантиям относится право гражданского служащего на своевременное и в полном объеме получение денежного содержания, которое является основой стимулирования его служебной деятельности и обеспечением необходимым качеством жизни.

Размеры должностных окладов гражданских служащих дифференцируются по уровням и статусу государственных органов. Аналогично при начислении и выплате надбавок к окладу учитываются критерии, индивидуально повышающие размер денежного содержания гражданского служащего: стаж службы, квалификационный разряд, сложность работы [7].

В силу ст. 50 Закона о государственной службе денежное содержание гражданского служащего состоит из двух частей: основной, составляющей оклад месячного денежного содержания (должностной оклад и оклад за классный чин), и дополнительной, которая состоит из ежемесячных и иных дополнительных выплат.

Практика судов общей юрисдикции Республики Хакасии исходит из того, что дополнительное материальное стимулирование гражданских служащих не является выплатой обязательного характера, наряду с иными поощрительными выплатами и премиями не входит в состав денежного содержания, а относится к другим выплатам, на которые районный коэффициент и процентная надбавка не начисляются⁴.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ опровергла в 2017 г. ранее принятую позицию судов общей юрисдикции о толковании норм материального права в пользу исключения дополнительного материального стимулирования гражданских служащих из состава их денежного содержания и пришла к выводу, что дополнительное материальное стимулирование, осуществляемое в рамках мероприятий, предусмотренных Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», имеет иную правовую природу, так как производится за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета федеральным государственным органам сверх установленного фонда оплаты труда и выплачивается гражданским служащим в зависимости от достижения показателей результативности их профессиональной служебной деятельности (определения от 28 августа 2017 г. N 2-КГ17-13, от 3 июня 2019 г. N 34-КГ19-1, от 22 июля 2019 г. N 34-КГ19-4).

Размеры должностных окладов и окладов за классный чин гражданских служащих устанавливаются Указом Президента РФ от 25 июля 2006 г. N 763 «О денежном содержании федеральных государственных гражданских служащих». В силу ч. 11 ст. 50 Закона о государственной службе их последнее повышение в 1,03 раза осуществлено с 1 октября 2020 г. Указом Президента РФ от 13 июля 2020 г. N 455 «О повышении окладов месяч-

4 Обзор судебной практики по спорам, связанным с прохождением службы государственных гражданских служащих, муниципальных служащих, сотрудников государственных органов, служб и учреждений, в которых предусмотрена правоохранительная служба / Верховный Суд Республики Хакасия. URL: http://vs.hak.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=285 (дата обращения: 07.01.2021).

ного денежного содержания лиц, замещающих должности федеральной государственной гражданской службы».

Стимулирование гражданских служащих к повышению эффективности профессиональной служебной деятельности, развитие системы гарантий является одним из основных направлений развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019-2021 годы, закрепленных Указом Президента РФ от 24 июня 2019 г. N 288.

В рамках осуществления мероприятий по совершенствованию системы оплаты труда гражданских служащих Правительству РФ поручено в 2020 и 2021 годах оптимизировать структуру их денежного содержания (без снижения его уровня) путем поэтапного увеличения в структуре этого содержания доли должностного оклада и соответствующее увеличение размера пенсии за выслугу лет.

Обозначенные задачи нашли отражение в Плане мероприятий («дорожной карты») по реализации основных направлений развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019-2021 годы, утвержденном распоряжением Правительства РФ от 24 июля 2019 г. N 1646-р, где направление «Стимулирование гражданских служащих к повышению эффективности своей профессиональной служебной деятельности, развитие системы государственных гарантий на гражданской службе» включает мероприятие по «развитию системы социальных гарантий на гражданской службе», с ожидаемыми в ноябре 2021 г. вышеуказанными результатами по увеличению должностного оклада и выплаты пенсий.

Однако Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. N 395-ФЗ «О приостановлении действия части 11 статьи 50 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» с 1 января 2021 г. до 1 января 2022 г. приостановлено действие ч. 11 ст. 50 Закона о государственной службе о ежегодной индексации размеров окладов денежного содержания гражданских служащих с учетом уровня ин-

фляции (потребительских цен). Индексация окладов сохранена только гражданским служащим следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, осуществляющим служебную деятельность на территории Северо-Кавказского региона⁵.

Указанное выше свидетельствует о невозможности реализации пятого этапа реформирования и развития гражданской службы [18, с. 80-89] и, как следствие, необеспечении соотносительности основных условий оплаты труда и социальных гарантий (в частности, пенсионного обеспечения гражданских служащих).

К числу гарантий гражданских служащих законодателем отнесены условия прохождения гражданской службы, обеспечивающие исполнение должностных обязанностей в соответствии с должностным регламентом.

В.Ю. Качалов в качестве условий работы рассматривает обеспеченность гражданских служащих мебелью, освещением, отоплением, оргтехникой, а также качественный состав работников, морально-психологический климат в коллективе. В связи с чем, по мнению ученого, многое зависит от руководителя, его деловых и личностных качеств [6].

Согласно пп. 4 ч. 1 ст. 52 Закона о государственной службе гражданским служащим гарантируется отдых, обеспечиваемый установлением нормальной продолжительности служебного времени, предоставлением выходных дней и нерабочих праздничных дней, а также ежегодных оплачиваемых основного и дополнительных отпусков.

Нормальная продолжительность служебного времени для гражданского служащего не может превышать 40 часов в неделю, установлена пятидневная служебная неделя (ч. 2 ст. 45). Гражданским служащим предоставляется ежегодный отпуск с сохранением замещаемой должности и денежного содержания (основной – продолжительностью 30 календарных дней и дополнительный – в зависимости от стажа гражданской службы).

При предоставлении гражданскому служащему ежегодного оплачиваемого отпуска

5 О внесении изменений в Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов»: Федеральный закон от 18.03.2020 N 52-ФЗ.

один раз в год производится единовременная выплата в размере двух месячных окладов денежного содержания, которая судебной практикой не ставится в зависимость от количества предоставляемых дней отпуска и иных обстоятельств его предоставления⁶.

Ненормированный служебный день устанавливается для гражданских служащих, замещающих высшие и главные должности, а замещающим должности иных групп – в соответствии со служебным распорядком государственного органа и служебным контрактом. Гражданским служащим, имеющим ненормированный служебный день, ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск составляет три календарных дня. В случае непредоставления такого отпуска исполнение ими должностных обязанностей за пределами нормальной продолжительности служебного времени оплачивается как сверхурочная работа.

Следующей основной гарантией гражданского служащего является медицинское страхование, в том числе после его выхода на пенсию за выслугу лет. Эта гарантия распространяется и на членов семей.

В соответствии с п. 4 ч. 3 ст. 24 Закона о государственной службе виды и условия медицинского страхования гражданского служащего, иные виды его страхования относятся к существенным условиям служебного контракта. Поскольку специальный федеральный закон о медицинском страховании гражданских служащих не принят [2, с. 27], на них распространяются общие положения Федерального закона от 29 ноября 2010 г. N 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации».

Гражданскому служащему гарантировано обязательное государственное страхование на случай заболевания или утраты трудоспособности в период прохождения гражданской службы либо сохранение денежного содержания при временной нетрудоспособности, а также на время прохождения обследования в медицинской организации, оказывающей

специализированную медицинскую помощь, в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. N 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством». Выплаты по обязательному государственному страхованию осуществляются в порядке и размерах, установленных соответственно федеральными и региональными законами.

Закон о государственной службе не регулирует случаи причинения вреда здоровью гражданским служащим в период прохождения гражданской службы (производственной травмы или профессионального заболевания). Хотя ранее действовавший Федеральный закон от 31 июля 1995 г. 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» предусматривал гарантии обязательного государственного страхования на случай причинения вреда здоровью и имуществу в связи с исполнением гражданским служащим должностных обязанностей.

Следует согласиться с позициями ученых о необходимости регулирования таких правоотношений, поскольку в настоящее время гражданские служащие получают выплаты как при обычной временной нетрудоспособности, а их размер отличается в зависимости от правового положения гражданских служащих разных субъектов Российской Федерации [1; 14].

Законодателем за гражданскими служащими закреплены основные государственные гарантии по возмещению расходов и предоставлению иных компенсаций в связи со служебными командировками, переездом в другую местность, а также оплаты связанных с этим транспортных расходов и оплаты жилья.

Согласно порядку и условиям командирования федеральных государственных гражданских служащих, утвержденным Указом Президента РФ от 18 июля 2005 г. N 813, при направлении гражданского служащего в служебную командировку ему гарантируются сохранение должности гражданской

6 Обзор судебной практики по спорам, связанным с прохождением службы государственных гражданских служащих, муниципальных служащих, сотрудников государственных органов, служб и учреждений, в которых предусмотрена правоохранительная служба / Верховный Суд Республики Хакасия.

службы и денежного содержания, а также возмещаются расходы по проезду к месту командирования и обратно, проезд из одного населенного пункта в другой в случае командирования в несколько государственных органов, расходы по найму жилого помещения, дополнительные расходы, связанные с проживанием вне постоянного места жительства (суточные), иные расходы, связанные со служебной командировкой.

В случае временной нетрудоспособности командированного гражданского служащего ему возмещаются расходы по найму жилого помещения (кроме случаев стационарного лечения) и выплачиваются суточные.

Проблемой, возникающей в правоприменительной деятельности, при направлении гражданского служащего системы МВД России в служебную командировку, является невыплата ему за время командировки премии за выполнение особо важных и сложных заданий, предусмотренной п. 5 Правил исчисления денежного содержания федеральных государственных гражданских служащих, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 сентября 2007 г. N 562. Данная премия также не выплачивается при реализации гражданским служащим дополнительной государственной гарантии в виде дополнительного профессионального образования (при повышении квалификации, переподготовки). Данное обстоятельство существенно затрудняет реализацию представителем нанимателя требований ст. 63 Закона о государственной службе по профессиональному развитию гражданского служащего.

В органах внутренних дел гражданским служащим и сотрудникам в силу различного нормативно-правового регулирования предусмотрен разный размер суточных. Так, согласно пп. «б» п. 1 постановления Правительства РФ от 2 октября 2002 г. N 729 «О размерах возмещения расходов, связанных

со служебными командировками на территории Российской Федерации, работникам, заключившим трудовой договор о работе в федеральных государственных органах, работникам государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, федеральных государственных учреждений» размер расходов на выплату суточных гражданским служащим составляет 100 рублей за каждый день нахождения в служебной командировке. Сотрудникам органов внутренних дел выплачивается 300 рублей суточных за каждый день нахождения в служебной командировке, включая выходные и нерабочие праздничные дни, а также дни нахождения в пути (приказ МВД России от 27 июля 2020 г. N 519).

Возмещение расходов, связанных с переездом гражданского служащего и членов его семьи в другую местность при переводе в другой государственный орган, регламентировано постановлением Правительства РФ от 11 августа 2007 г. N 514 и включает проезд и провоз имущества (весом до 20 тонн) всеми видами транспорта, кроме такси, найм жилого помещения в случае вынужденной задержки в пути, обустройство на новом месте жительства, суточные, а также иные расходы, связанные с переездом (произведенные с согласия представителя нанимателя).

Аналогичным образом расходы возмещаются при назначении гражданского служащего в порядке ротации. Дополнительно предусмотрено обеспечение служебным жильем (при его отсутствии – возмещение расходов на наем (поднаем) жилого помещения) при назначении в государственный орган в другой местности в пределах Российской Федерации⁷.

Государственная защита гражданского служащего и членов его семьи от насилия, угроз и других неправомерных действий в связи с исполнением им должностных обязанностей осуществляется в соответствии с

⁷ Об обеспечении федеральных государственных гражданских служащих, назначенных в порядке ротации на должность федеральной государственной гражданской службы в федеральный государственный орган, расположенный в другой местности в пределах Российской Федерации, служебными жилыми помещениями и о возмещении указанным гражданским служащим расходов на наем (поднаем) жилого помещения : постановление Правительства РФ от 27.10.2012 N 1103.

требованиями Федерального закона от 20 апреля 1995 г. N 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов».

Принятие специального федерального закона в отношении гражданских служащих законодательством не предусмотрено, поэтому в целях обеспечения государственной защиты той или иной категории служащих в научной литературе предлагается внести соответствующие изменения в Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», направленные на уточнение перечня лиц, подлежащих защите [9, с. 135].

Государственное пенсионное обеспечение гражданских служащих является наиболее существенной гарантией и предоставляется в порядке и на условиях, установленных федеральным законом о государственном пенсионном обеспечении граждан в Российской Федерации, проходивших государственную службу, и их семей (п. 11 ч. 1 ст. 52 Закона о государственной службе).

Ввиду отсутствия такого федерального закона условия и порядок пенсионного обеспечения за выслугу лет гражданских служащих определены Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. N 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (далее – Закон о государственном пенсионном обеспечении).

Согласно п. 5 ст. 3 Закона о государственном пенсионном обеспечении гражданские служащие имеют право на одновременное получение пенсии за выслугу лет, предусмотренной названным законом, и доли страховой пенсии по старости, устанавливаемой к указанной пенсии за выслугу лет в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. N 400-ФЗ «О страховых пенсиях». Одним из условий назначения пенсии за выслугу лет гражданским служащим является определенный стаж гражданской службы (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 июня 2020 г. N 93-КГ20-2-К9).

Дополнительные государственные гарантии гражданских служащих предусмотрены

ст. 53 Закона о государственной службе. В отличие от основных они предоставляются гражданским служащим не только в силу их статуса, но и с учетом других факторов, при определенных условиях [9, с. 138].

Рассматривая дополнительное профессиональное образование гражданских служащих, ряд ученых критикуют качество такого обучения, объясняя это отсутствием научно обоснованной и апробированной методики применения норм законодательства о государственной службе и системного характера в применении новых кадровых технологий, недостаточной проработкой методики проведения конкурсов на замещение вакантных должностей гражданской службы, квалификационных экзаменов и аттестации гражданских служащих [8, с. 4-5, 100].

Особенностями получения дополнительного профессионального образования гражданскими служащими МВД России является возможность повышения квалификации в образовательных организациях МВД России.

Дополнительная гарантия в виде единовременной субсидии на приобретение жилого помещения предоставляется гражданскому служащему один раз за весь период службы в соответствии с Правилами предоставления федеральным государственным гражданским служащим единовременной субсидии на приобретение жилого помещения, утвержденными постановлением Правительства РФ от 27 января 2009 г. N 63. При этом основные условия ее предоставления тождественны с получением единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел в соответствии с Федеральным законом от 19 июля 2011 г. N 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Обязательным условием для определения права на предоставление гражданскому служащему единовременной субсидии является стаж гражданской службы, который должен составлять не менее трех лет, а в случае

несения службы в период с 6 по 31 декабря 2016 г. включительно не менее одного года.

Срок использования и способы распоряжения средствами единовременной выплаты законодательно не регламентированы, в связи с чем гражданский служащий может направить их на погашение ипотеки или приобретение жилого помещения при участии в долевом строительстве⁸.

Вопреки статистике о реализации гарантии на единовременную субсидию в редких случаях в ГУ МВД России по Кемеровской области наблюдается положительная тенденция по ее предоставлению. Так, с 2016 г. из 9 гражданских служащих, принятых на учет для получения единовременной субсидии на приобретение жилого помещения, ее получили 3 человека.

М.Б. Добробаба отмечает, что анализ законодательства субъектов Российской Федерации свидетельствует о предоставлении гражданским служащим в качестве дополнительных гарантий: компенсации на оплату жилищных и коммунальных услуг, бесплатной и льготной путевки с оплатой проезда к месту отдыха и обратно, частичной компенсации

проезда пассажирским транспортом, возмещения членам семьи расходов на похороны гражданского служащего и другие [4, с. 109].

Рассмотренные государственные гарантии имеют большое значение для социального признания важности и ответственности труда гражданских служащих [9, с. 34]. Они предоставляются в соответствии с особым характером их профессиональной деятельности, обеспечением нормальной жизнедеятельности, а также способствуют поддержанию высокого социального статуса гражданских служащих в обществе [10, с. 53].

Проведенный анализ свидетельствует об отсутствии специального правового регулирования таких важнейших гарантий социальной защиты гражданских служащих, как их медицинское страхование, государственная защита от неправомерных действий, пенсионное обеспечение. Вместе с тем в силу особого правового статуса гражданских служащих, обусловленного наличием ограничений, данные правоотношения подлежат дополнительной проработке и закреплению их отдельными федеральными законами.

⁸ Методические рекомендации по предоставлению федеральным государственным гражданским служащим единовременной субсидии на приобретение жилого помещения. Версия 3.0 : утв. Минтрудом России.

Библиографический список

1. Аверьянова, М.И. Социальное обеспечение государственных гражданских служащих в форме страхования / М.И. Аверьянова, А.Ю. Гусев // Административное и муниципальное право. – 2020. – N 4. – С. 25-44.
2. Власенкова, В. Исключенные из системы ОМС / В. Власенкова // Кадровик. Трудовое право для кадровика. – 2010. – N 11. – С. 27-33.
3. Давыдов, К.В. Административные регламенты федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: вопросы теории : монография / К.В. Давыдов ; под ред. Ю.Н. Старилова. – М.: NOTA BENE, 2010.
4. Добробаба, М.Б. Административные правоотношения с участием государственных гражданских служащих субъектов Российской Федерации : монография / М.Б. Добробаба. – Краснодар, 2010. – 210 с.
5. Жильцов, В. Эффективность в системе государственной гражданской службы / В. Жильцов // Государственная служба. – 2008. – N 4 (54). – С.14-22.
6. Качалов, В.Ю. Государственная служба в Российской Федерации : курс лекций. – Казань: КЮИ МВД России, 2003.
7. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (постатейный) / Н.И. Воробьев, В.А. Галкин, М.М. Мокеев [и др.] // СПС КонсультантПлюс. 2014 (дата обращения: 26.10.2020).

8. Костенников, М.В. Административно-правовое регулирование минимизации коррупционных рисков в служебной деятельности государственных гражданских служащих : монография / М.В. Костенников, А.В. Куракин, А.В. Марьян. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2011. – 118 с.
9. Малышева, Г.А. Государственные гарантии гражданских служащих: современное административно-правовое регулирование и направления совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук / Г.А. Малышева. – Воронеж, 2012. – 227 с.
10. Неупокоев, М.Д. Социальные гарантии государственных гражданских служащих: социологический анализ : дис. ... канд. соц. наук / М.Д. Неупокоев. – М., 2004. – 141 с.
11. Ноздрачев, А.Ф. Институт ротации в системе государственной гражданской службы / А.Ф. Ноздрачев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – N 5. – С. 5-22.
12. Попова, Н.Ф. Правовое регулирование государственной службы : учебное пособие / Н.Ф. Попова. – М.: ВНИИ МВД России, 2009. – 132 с.
13. Санаев, А.С. О соблюдении принципа соотносительности основных условий оплаты труда и социальных гарантий государственных гражданских служащих и муниципальных служащих в законодательстве города Москвы / А.С. Санаев // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – N 20. – С. 18-23.
14. Современные кадровые технологии в органах власти : монография / А.М. Беляев, Е.Д. Богатырев, А.И. Галкин [и др.] ; под общ. ред. С.Е. Прокофьева, А.М. Беляева, С.Г. Еремина. – М.: Юстицинформ, 2015.
15. Социальная защита государственных служащих: теоретические основы построения системы, практика осуществления : реферат. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2011. – 214 с. URL: [20http://10.5.0.15/onti/niokr/2012/vi/vi120180.htm](http://10.5.0.15/onti/niokr/2012/vi/vi120180.htm) (дата обращения: 26.10.2020).
16. Плетников, В.С. Федеральный закон «О механизме обеспечения социальных гарантий на различных видах государственной службы»: общие требования к содержанию в целях разработки управленческих решений / В.С. Плетников, М.С. Плетникова // Вопросы управления. – 2015. – N 2. – С. 163-171.
17. Плетников, В.С. Нормативная модель обеспечения государственных служащих социальными гарантиями / В.С. Плетников, М.С. Плетникова // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2017. – N 1. – С. 29-43.
18. Уманская, В.П. Государственное управление и государственная служба в современной России : монография / В.П. Уманская, Ю.В. Малеванова. – М.: Норма, 2020. – 176 с.

Закир Равильевич РАХМАТУЛИН,

профессор кафедры административного права
и административной деятельности органов внутренних дел
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), доцент кафедры государственно-правовых
и отраслевых юридических дисциплин Ачинского филиала
Красноярского государственного аграрного университета,
кандидат юридических наук

zakir101@mail.ru

**ПРИНЦИПЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО УСМОТРЕНИЯ
ПРИ ИНДИВИДУАЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРАВООТНОШЕНИЙ,
ВОЗНИКАЮЩИХ В СВЯЗИ С ИСПОЛНЕНИЕМ УГОЛОВНЫХ
НАКАЗАНИЙ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОСУЖДЕННОГО ОТ ОБЩЕСТВА**

**PRINCIPLES OF LAW ENFORCEMENT DISCRETION IN INDIVIDUAL
REGULATION OF LEGAL RELATIONS ARISING IN CONNECTION
WITH EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES WITHOUT ISOLATION
OF CONVICTED PERSON FROM SOCIETY**

В статье анализируются теоретические и практические аспекты правоприменительного усмотрения при индивидуальном регулировании уголовно-исполнительных правоотношений. Изучаются подходы к определению сущности, содержания и системы принципов в теории права и уголовно-исполнительном праве. Обращено внимание на основные начала, действующие для сотрудников уголовно-исполнительной системы, которые закреплены в законодательстве Российской Федерации. В результате сформулированы принципы, дополняющие ныне действующие, которые представляют собой определенные ориентиры для субъектов, участвующих в реализации норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующего исполнение наказаний без изоляции осужденных от общества и иных мер уголовно-правового характера, а также предложены новеллы, которые позволят оптимизировать рассматриваемую деятельность.

The article deals with issues of law enforcement discretion in individual regulation of penal relations. Theoretical and practical aspects of this issue are analyzed, opinions of domestic and foreign authors on these issues are given. It is emphasized that some of them negatively assess the discretionary possibilities available to the enforcer, others on the contrary consider this phenomenon objectively existing and necessary. Subsequently, the work examines approaches to determining the essence, content and system of principles in the theory of law and criminal enforcement law. In addition, attention is drawn to the main principles operating for employees of the penal system, which are enshrined in the legislation of the Russian Federation. Based on this material, taking into account the existing lacunae in the content of the current law, the study formulated principles that complement the current ones, which provide certain guidelines for entities participating in the implementation of the norms of criminal and penal enforcement legislation governing the execution of sentences without isolating convicts from society and other criminal legal measures, as well as proposed short stories that will optimize the activities under consideration.

Ключевые слова: правоприменительное усмотрение, уголовно-исполнительные правоотношения, осужденный, наказания без изоляции от общества.

Keywords: law enforcement discretion, penal relations, convict, penalties without isolation from society.

Индивидуальное регулирование общественных отношений всегда выступало предметом пристального внимания со стороны представителей общей теории права. Особый научный интерес вызывает проблема правоприменительного усмотрения при индивидуальном регулировании правоотношений, возникающих в связи с исполнением уголовных наказаний. В связи с обозначенными моментами целесообразно обратиться к терминологическому аппарату. Так, индивидуальное регулирование – «это конкретизация юридических норм участниками правовых отношений, решение ими юридически значимых вопросов, которым законодатель не дал исчерпывающей нормативной регламентации» [10, с. 218]. Однако заметим, что в юридической литературе встречаются и иные понятия. Так, И.А. Минникес указывает, что «индивидуальное правовое регулирование является самостоятельным видом правового регулирования и представляет собой правовое воздействие на общественные отношения, связанное с установлением, изменением или прекращением юридических прав и обязанностей их участников в индивидуальном порядке, направленное на урегулирование конкретных ситуаций, требующих юридического разрешения, и осуществляемое путем совершения односторонних правомерных юридически значимых действий, заключения договоров и соглашений либо властной правоприменительной деятельности уполномоченных субъектов, результатом которого являются индивидуальные правовые акты» [8, с. 9].

В рамках индивидуального регулирования общественных отношений, безусловно, возникают вопросы правоприменительного усмотрения, поскольку в определенных случаях законодательно не оформлен полный (пошаговый) алгоритм действий различных должностных лиц в конкретной ситуации или имеется определенный диапазон для оценки тех или иных фактов. Эти вопросы давно привлекают внимание отечественных и зарубежных авторов [подр.: 13].

Так, Г. Кельзен указывал, что усмотрение находится за рамками права [4, с. 47-48].

Применение норм права является продолжением правотворческой деятельности государства в качестве индивидуальных нормативных предписаний [1, с. 1]. А.В. Дайси вел речь о том, что это произвол, находящийся вне права и умаляющий права человека [3, с. 487-488].

Заметим, что советская юридическая мысль в целом зиждилась на отрицании усмотрения, поскольку оно противоречит социальной законности [6, с. 379]. Однако следует констатировать, что в правовых предписаниях советского периода встречались нормы, содержащие в себе дискрецию. Более того, некоторые авторы рассматривали усмотрение как явление, которое вполне характерно для правоотношений того периода [5, с. 128-129].

В настоящее время исследователи отмечают, что «эффективность исполнения наказания во многом определяется совершенством его правового регулирования. Среди норм уголовно-исполнительного права (законодательства и подзаконных нормативно-правовых актов) существует ряд предписаний, содержащих так называемые оценочные категории (понятия). Их роль в уголовно-исполнительном правовом регулировании весьма велика, что определяется целями и обстоятельствами исполнения уголовных наказаний, а также тем местом, которое занимает в уголовно-исполнительных отношениях личность осужденного. Не случайно внимание науки и практики к оценочным категориям уголовно-исполнительного права в последнее время возрастает» [1, с. 3]. Следует поддержать данную позицию, но отметить важность понимания практической стороны эффективности правового регулирования. Кроме того, следует иметь в виду, что «поскольку эффективность любого публичного института в процессе сложного мультиплицирования складывается из множества факторов, постольку эффективность ... должна оцениваться путем использования нескольких показателей такой эффективности (описательных (качественных) и количественных индикаторов)» [12, с. 239]. В нашем случае одним из таких показателей выступает на-

личие в законодательстве четких принципов правоприменительной деятельности.

В 2013 г. Кузбасским институтом ФСИН России был проведен мониторинг практической деятельности по вопросам правоприменения в сфере уголовно-исполнительного права [1, с. 3]. По итогу вскрылось, что наибольшие затруднения у практических работников вызывают вопросы, связанные с оценочными категориями, которые, как известно, и подразумевают правоприменительное усмотрение. Эти аспекты и по сей день активно обсуждаются на конференциях различных уровней, в монографических исследованиях.

Заметим, что оценочные категории – это лишь незначительная толика вопросов, включающих в себя усмотрение, поскольку последнее имеет место при разрешении более значительного диапазона общественных отношений. Необходимо использовать широкий инструментарий, который бы позволил контролировать правоприменительное усмотрение в рассматриваемой сфере.

Как представляется, у субъекта, реализующего нормы права, должны быть четкие и понятные ориентиры при принятии тех или иных решений. В рамках данной статьи будем вести речь об установлении пределов правоприменительного усмотрения с помощью выработки определенной системы принципов усмотрения при индивидуальном регулировании.

Отметим, что в общей теории права принципы понимаются как «основные, исходные начала, положения, идеи, выражающие сущность права как социального регулятора. Они воплощают закономерности права, его природу и социальное назначение, представляют собой наиболее общие правила поведения, которые либо прямо сформулированы в законе, либо выводятся из его смысла» [7, с. 82]. Более того, авторами констатируется, что «принципы выступают в качестве своеобразной несущей конструкции, на основе которой создаются и реализуются не только нормы, институты и отрасли, но и вся система права. Они служат своеобразными ориентирами для правотворческой (оказывают

огромное влияние на весь процесс подготовки и издания нормативных актов), правоприменительной и правоохранительной деятельности» [7, с. 83].

В уголовно-исполнительном праве эта тема является весьма дискуссионной, авторами выделяются различные принципы, содержание которых не всегда однозначно истолковывается [14, с. 160; 17, с. 128]. Но в юридической литературе отмечается, что «у каждого института должны быть собственные принципы, предопределяемые особенностями предмета правового регулирования» [14, с. 160]. Однако справедливости ради отметим, что существуют и противоположные мнения [16, с. 215-218].

Весьма убедительна в этом сегменте точка зрения Е.А. Сизой о том, что «не допускается смешение доктринальных принципов права и принципов институтов» [11, с. 249-253]. Следовательно, принципы правоприменительно-го усмотрения при казуальном регулировании уголовно-исполнительных правоотношений представляют собой определенную систему, которая включает в себя комплекс требований и ориентиров для законодателя и правоприменителя. Отметим, что под правоприменительным усмотрением при индивидуальном регулировании в уголовно-исполнительном праве понимается предоставленная судье, сотрудникам уголовно-исполнительной системы и иным должностным лицам свобода действий, основанная на законе, при принятии тех или иных решений, опирающаяся на их опыт, внутреннее мировоззрение, убеждения, принципы законодательства, учет личностных и иных характеристик осужденных, их поведение, осуществляемое при реализации наказаний, связанных и не связанных с лишением свободы, условного осуждения и иных мер, применяемых к осужденным в рамках уголовных и уголовно-исполнительных правоотношений.

Принципы субъектов, реализующих государственно-властные полномочия, рассматриваются в различных отраслях юридических знаний. Так, к ним относятся, в частности, принципы: законность, объективность, конкретность, эффективность,

подотчетность, открытость, ответственность, сочетание единоначалия и коллегиальности, непосредственность деятельности [15, с. 213-218].

Обратим внимание на принципы, которые закреплены в Законе РФ от 21 июля 1993 г. N 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», В ст. 1 указанного правового акта предусмотрено, что «деятельность уголовно-исполнительной системы осуществляется на основе принципов законности, гуманизма, уважения прав человека. Интересы исправления осужденных не должны подчиняться цели получения прибыли от их труда». Как представляется, в данной статье можно усмотреть такой принцип, как целесообразность исправительного воздействия.

В Федеральном законе от 19 июля 2018 г. N 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»» предусмотрено, что служба в уголовно-исполнительной системе осуществляется в соответствии с основными принципами построения и функционирования системы государственной службы Российской Федерации, установленными Федеральным законом от 27 мая 2003 г. N 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации». Следовательно, рассматриваемые принципы достаточно широко представлены в разнообразных группах общественных отношений. Данными принципами также необходимо руководствоваться в правоприменительной деятельности при исполнении уголовных наказаний. Так, принципами службы в уголовно-исполнительной системе являются: единоначалие и субординация (подчиненность) на службе в уголовно-исполнительной системе; обязательный профессиональный отбор при равном доступе граждан к службе в уголовно-исполнительной системе и создание возможностей для продвижения по службе независимо от пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жи-

тельства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств, не связанных с профессиональными и деловыми качествами сотрудника; взаимосвязь ограничений, обязанностей, запретов, ответственности на службе в уголовно-исполнительной системе и социальных гарантий сотрудника.

Отметим, что названные принципы во многом носят общий характер, направлены в целом на учреждение основ организации и деятельности органов государственной власти, отражая специфику функций уголовно-исполнительной системы, охватывают всю деятельность и являются малоинформативными в вопросах усмотрения в уголовно-исполнительных правоотношениях.

Сформулируем принципы правоприменительного усмотрения при индивидуальном регулировании реализации непенитенциарных санкций. К их числу относятся следующие: принцип межотраслевого содержания предписаний, предусматривающих правоприменительное усмотрение при индивидуальном регулировании; принцип применения требований непенитенциарного режима с учетом их необходимой достаточности; принцип своевременного изменения интенсивности требований содержания наказания или иной меры уголовно-правового характера; принцип принятия решения с учетом социально-криминологической обоснованности функционирования меры; принцип исполнимости. Рассмотрим их подробнее.

Принцип межотраслевого содержания предписаний, предусматривающих правоприменительное усмотрение при индивидуальном регулировании, заключается в том, что казуальное регулирование осуществляется на основе норм уголовного и уголовно-исполнительного права. Так, при рассмотрении текста указанных документов в отдельных статьях УК РФ встречаются правила, содержащие усмотрение.

К примеру, в ч. 4 ст. 50 УК РФ предусмотрено: «В случае злостного уклонения осужденного от отбывания исправительных работ суд может заменить неотбытое наказание принудительными работами или лишением

свободы из расчета один день принудительных работ или один день лишения свободы за три дня исправительных работ». Аналогичное правило содержится и в ч. 5 ст. 53 УК РФ, ч. 7 ст. 73 УК РФ.

Усмотрение в нормах уголовно-исполнительного законодательства содержится, к примеру, в ст. 57 УИК РФ. За хорошее поведение и добросовестное отношение к труду и (или) учебе уголовно-исполнительная инспекция может применять (выделено мною. – З.Р.) к осужденным меры поощрения, предусмотренные в данной норме.

Принцип применения требований непенитенциарного режима с учетом их необходимой достаточности состоит в том, что ограничения и обязанности, применяемые к осужденным, иные составляющие режима должны позволить достичь те цели, которые закреплены в ст. 43 УК РФ. В этой связи актуальна точка зрения Н.В. Ольховика о том, что установление осужденным этих требований предполагает не только привлечение осужденных к выполнению карательных требований, но и непосредственно направлено на предупреждение совершения осужденными новых преступлений и обеспечивает благоприятные условия его исправления. Применение излишних ограничений к виновным усложнит процесс их контроля, они будут нести в себе ничем не обоснованные обременения для осужденного. Отсутствие же необходимого объема требований влечет за собой то, что режимные правила не будут действенны, они не смогут повлиять на негативные качества личности осужденного.

Принцип своевременного изменения интенсивности требований содержания наказания или иной меры уголовно-правового характера предполагает, что ограничения и обязанности, применяемые к осужденным, а также меры поощрения и взыскания должны применяться с учетом поведения осужденных в период отбывания наказания. Уголовно-исполнительные инспекции (далее – УИИ) могут обращаться в суд с представлениями о дополнении (изменении) режима в отношении осужденных не только в случаях, когда виновный нарушает правила отбывания наказания

и контроль в отношении него должен усиливаться, но и в случаях, когда в его жизни происходят определенные изменения. К примеру, он устроился на работу, у него изменился распорядок дня или его деятельность стала носить разъездной характер. В этих случаях может потребоваться более мобильное изменение количества правоограничений или их корректировка. Но, к сожалению, судьи в определенных случаях необоснованно долго рассматривают представления УИИ. Следовательно, целесообразно предоставить УИИ право самостоятельно корректировать требования непенитенциарного режима с возможностью обжалования таких решений в суде.

Принцип принятия решения с учетом социально-криминологической обоснованности функционирования меры означает, что процесс установления осужденным соответствующих ограничений и обязанностей, их корректировки, рассмотрения вопроса о замене наказания на более строгое или более мягкое, применении дисциплинарных взысканий и мер поощрения должен опираться на учет личностных характеристик осужденного и преступление, за которое он отбывает наказание. Однозначно правоприменитель должен исходить из того, относится ли осужденный к группе риска, т.е. склонен ли он к совершению новых преступлений, отсюда будет выстраиваться индивидуальный криминологический прогноз его поведения в период нахождения в поле зрения УИИ и после снятия с учета.

Принцип исполнимости сводится к тому, что применяемые судом ограничения и обязанности к осужденным возможно было исполнять УИИ. В частности, такие случаи имеют быть место тогда, когда к лицу применяют запрет не покидать пределы муниципального образования, а УИИ находится вне этой территории. Или к лицу применяют определенные запреты (посещать определенные места либо массовые мероприятия, покидать жилище в ночное время), а они не поддаются контролю ввиду того, что к виновному не применяется электронный мониторинг. Или решением суда возлагаются определенные обязанности, сроки исполнения которых ли-

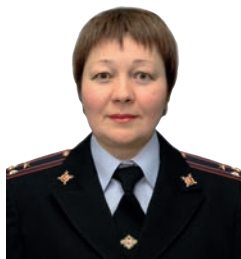
митируются, что объективно не позволяет их реализовать.

Безусловно, при учете данных принципов можно будет изменить отдельные нормы, которые содержатся в ведомственных актах,

а также дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

Библиографический список

1. Антонян, А.Г. Оценочные категории в уголовно-исполнительном праве : дис. ... канд. юрид. наук / А.Г. Антонян. – Томск, 2016.
2. Барченкова, К.А. Чистое учение о праве Г. Кельзена: теоретико-правовой анализ / К.А. Барченкова // Право: современные тенденции : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2017 г.). – Краснодар, 2017.
3. Дайси, А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции / А.В. Дайси // Антология мировой правовой мысли. – М., 1999.
4. Кельзен, Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен ; пер. с нем. Вып. 1. – М., 1987.
5. Мартынчик, Е.Г. Развитие уголовно-процессуального законодательства / Е.Г. Мартынчик. – Кишинев, 1977.
6. Марченко, М.Н. Источники права / М.Н. Марченко. – М., 2005.
7. Матузов, Н.И. Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М., 2004.
8. Минникес, И.А. Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / И.А. Минникес. – Екатеринбург, 2009.
9. Ольховик, Н.В. Принципы установления непенитенциарного режима и механизмы его обеспечения / Н.В. Ольховик // Сибирский юридический вестник. – 2013. – N 2 (61).
10. Рыбаков, В.А. Теория государства и права : конспекты лекций для студентов юридического факультета / В.А. Рыбаков. – Омск, 2005.
11. Сизая, Е.А. Принципы исполнения уголовных наказаний: теоретикометодологические основы, реализация, эффективность : монография / Е.А. Сизая ; под ред. В.П. Малкова, М.А. Кириллова. – М., 2009.
12. Тепляшин, П.В. Оценка эффективности реализации лишения свободы: уголовно-исполнительный анализ и сравнительно-правовой аспект / П.В. Тепляшин // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сборник тезисов выступлений и докладов участников (г. Рязань, 21-23 ноября 2017 г.). в 8 т. Том 3. Материалы Международной научно-практической конференции «Исполнение отдельных видов уголовных наказаний: проблемы и пути совершенствования». – Рязань, 2017.
13. Тепляшин, П.В. Перспективы расширения судебно-правового регулирования уголовно-исполнительных отношений / П.В. Тепляшин // Российская юстиция. – 2010. – N 4.
14. Фаткуллин, Ф.Н. Проблемы общей теории социалистической правовой надстройки. Т. 1 / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань, 1960.
15. Хропанюк, В.Н. Теория государства и права / В.Н. Хропанюк ; под ред. В.Г. Стрекозова. – М., 2002.
16. Черкасов, К.В. Принципы организации и деятельности представителей органов государственной власти субъектов Российской Федерации: вопросы теории и практики / К.В. Черкасов, Д.А. Осипов // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – N 430.
17. Чубраков, С.В. Проблема принципов в уголовно-исполнительном праве: история и современность / С.В. Чубраков ; под ред. В.А. Уткина. – Томск, 2015.

Валерия Владимировна ПОНОМАРЕВА,
начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск), доктор юридических наук, профессор
valery_e378he@mail.ru

**ДВОЙНОЕ ГРАЖДАНСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ: ПРОБЛЕМЫ ДОКТРИНАЛЬНОГО
ТОЛКОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)**

**DUAL CITIZENSHIP OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE REPUBLIC OF ABKHAZIA: PROBLEMS OF DOCTRINAL
INTERPRETATION AND LAW ENFORCEMENT
(BASED ON THE MATERIALS OF JUDICIAL PRACTICE)**

В статье с учетом анализа закономерностей становления института двойного гражданства рассматриваются вопросы правового регулирования правового статуса граждан Российской Федерации, имеющих двойное гражданство, одним из которых является гражданство стран, не получивших признания международным сообществом. Сравнительно-правовой анализ и телеологическое толкование положений Конституции РФ 1993 г., Конституции Республики Абхазия 1999 г. позволили автору сделать вывод о том, что выдаче, экстрадиции и привлечению к ответственности лиц с двойным гражданством препятствуют конституционные коллизионные нормы, которые были приняты Российской Федерацией и Республикой Абхазия с целью ограничения возможностей государства по разрыву правовой связи со своим гражданином и содержат конституционный запрет лишения гражданства. Однако эти нормы не препятствуют включению в двусторонний международный договор правил о выдаче и экстрадиции лиц с двойным гражданством. Условиями выдачи лиц с двойным гражданством, совершивших преступление на территории Российской Федерации, может стать введение в двусторонние соглашения Российской Федерации и Республики Абхазия (а равно и других стран ближнего зарубежья) принципа взаимности, правил и порядка выдачи, экстрадиции с целью устранения взаимных препятствий для исполнения решений суда в отношении лиц, имеющих двойное гражданство.

Taking into account the analysis of the regularities of the formation of the institution of dual citizenship, the article considers the issues of legal regulation of the legal status of citizens of the Russian Federation who have dual citizenship, one of which is the citizenship of countries that have not received recognition by the international community. Comparative legal analysis and teleological interpretation of the provisions of the Constitution of the Russian Federation of 1993, the Constitution of the Republic of Abkhazia of 1999. They allowed the author to conclude that the extradition, extradition and prosecution of persons with dual citizenship are hindered by constitutional conflict of laws norms that were adopted by the Russian Federation and the Republic of Abkhazia in order to limit the state's ability to break the legal connection with its citizen and contain a constitutional ban on the deprivation of citizenship. However, these norms do not prevent the inclusion in a bilateral international treaty of rules on the extradition and extradition of persons with dual citizenship. The conditions for the extradition of persons with dual citizenship who have committed a crime on the territory of the Russian Federation may be the introduction into the bilateral agreements of the Russian Federation and the Republic of Abkhazia (as well as other neighboring countries) of the principle of reciprocity, the rules and procedure for extradition,

extradition in order to eliminate mutual obstacles to the execution of court decisions in respect of persons with dual citizenship.

Ключевые слова: гражданство, двойное гражданство, выдача, лишение гражданства, экстрадиция, преступление, ответственность.

Keywords: citizenship, double citizenship, extradition, revocation of citizenship, crime, responsibility.

Современное правовое пространство характеризуется усложнением и интенсификацией коммуникативного процесса, растущей интенсивностью миграционных процессов, резким ростом круга лиц, обладающих двойным гражданством, которое, исходя из «буквы и духа» ст. 21 Европейской Конвенции о гражданстве 1977 г., означает, что один и то же человек одновременно обладает гражданством двух государств. Эта ситуация является весьма распространенной на территории стран постсоветского пространства, включая так называемые непризнанные либо частично признанные государства (Республика Абхазия, Республика Южная Осетия и др.), значительную часть населения которых (если не абсолютное большинство) составляют лица с двойным гражданством, одно из которых – гражданство Российской Федерации.

Несмотря на тот факт, что Республика Абхазия провозгласила свою независимость в 1999 г. и в 2008 г. была признана Россией суверенным государством, международного признания стране добиться не удалось до сих пор, она не имеет представительства в ООН, Совете Европы или других международных организациях, абсолютное большинство государств продолжают рассматривать Абхазию (как, впрочем, и Южную Осетию) как сепаратистские регионы Грузии. Этой же позиции придерживаются страны Содруже-

ства Независимых Государств, включая союзную России Беларусь.

Практически единственной страной, признавшей 26 августа 2008 г. независимость и суверенитет Республики Абхазия, стала Россия. Договорная основа международно-правового сотрудничества Российской Федерации и Республики Абхазия включает более 130 соглашений разных уровней¹, а в марте 2021 г. Россией передан на рассмотрение абхазской стороне проект соглашения о регулировании вопросов двойного гражданства. Хотя стоит согласиться с мнением Смашникова Т.Б. о том, что заключение межгосударственных договоров о двойном гражданстве не являются приоритетом международной деятельности Российской Федерации², добавим, равно как и остальных стран постсоветского пространства. Более того, исполнение добровольно взятых обязательств по уже подписанным международным соглашениям сталкивается на практике с системными проблемами отправления правосудия, столь характерных для стран постсоветского пространства (олигархический и националистический характер правящих элит, коррупция и клановые интересы, этно-социальное давление на судью, межэтнические конфликты и пр.)

Несмотря на то, что в Конституции Республики Абхазия 1993 г. в качестве фундаментальных конституционных ценностей

1 Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 2008 г., Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Абхазия о сотрудничестве в борьбе с преступностью 2009 г., Договор о взаимной правовой помощи по уголовным делам 2015 г., Протокол о сотрудничестве между Следственным комитетом при прокуратуре Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Республики Абхазия 2008 г., Соглашение о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Республики Абхазии 2008 г. и др.

2 Хотя, полагаем, что автор добросовестно заблуждается, утверждая факт отсутствия договоров о сотрудничестве РФ и стран ближнего зарубежья по вопросам двойного гражданства, упуская из вида многочисленные подписанные межведомственные соглашения, регулирующих отдельные вопросы правового статуса лиц с двойным гражданством. См. Смашникова Т.Б. Особенности статуса лиц, имеющих двойное гражданство в Российской Федерации // Современные инновации. N 1. 20017.

провозглашены верховенство право и приоритет прав и свобод человека и гражданина, приверженность общепризнанным принципам и нормам международного права, а международные договоры признаны составной частью ее правовой системы, Абхазия до сих пор не является участником ни универсальных международных конвенций, ни базовой для стран постсоветского пространства многосторонней Минской конвенции 1993 г., правила которой применяются по категориям споров, отнесенных к компетенции судов общей юрисдикции.

Перед национальными судами непризнанных стран постсоветского пространства, провозгласивших приверженность доктрине верховенства права, но не принадлежащих к так называемой западной традиции права и заимствовавших европейские правовые институты и ценности, стоит непростая задача применения норм и принципов, гарантирующих соблюдение прав человека и вынесение правосудных решений, с учетом особенностей и обстоятельств конкретных дел, отдельных составов преступлений, совершенных лицами с двойным гражданством.

Так, внимание автора привлекли два уголовных дела – убийство гражданина Российской Федерации Иванькова В.К. в 2009 г. и убийство граждан Российской Федерации Букия Р. и его племянника в 2006 г., имеющие схожие признаки: фигурантами дела в обоих случаях выступали лица с двойным гражданством – Российской Федерации и Абхазии, этнические абхазы, совершившие преступления, предусмотренные ст. 105 УК РФ и ст. 99 УК РА, скрывшиеся от российского правосудия на территории Абхазии, компетентные органы которой отказались выдать подозреваемых российской стороне. В одном случае Верховный Суд Республики Абхазия уже вынес оправдательный приговор, вступивший в силу, а во втором – судебное разбирательство еще предстоит. Есть ли основания рассчитывать на выдачу подозреваемых российской стороне? Преодолимы ли препятствия для осуществления правосудия и реализации принципа неотвратимости уго-

ловной ответственности в отношении лиц с двойным гражданством?

Итак, в январе 2021 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации обратилась с запросом о правовой помощи по уголовному делу по факту убийства Иванькова В.К. В настоящее время стало известно, что Следственным управлением Генеральной прокуратуры Республики Абхазия проводятся следственные и процессуальные действия в отношении Папава Н.З. и Бутба А.С., обвиняемых в убийстве гражданина Российской Федерации Иванькова В.К. Следует обратить внимание на некоторые расхождения в позициях компетентных органов: российская сторона утверждает, что запрос не содержит поручения о задержании и выдаче лиц, имеющих двойное гражданство Российской Федерации и Республики Абхазия, поскольку Конституцией Республики Абхазия 1999 г. и уголовно-процессуальным законодательством запрещена экстрадиция граждан Абхазии любому иностранному государству для осуществления уголовного преследования. Вместе с тем в соответствии с межгосударственным договором о правовой помощи, подписанным Республикой Абхазией и Российской Федерацией в 2015 г., возможно привлечение указанных лиц к уголовной ответственности компетентными органами Абхазии в случае поступления из Российской Федерации соответствующих материалов уголовного дела.

Абхазская сторона категорично утверждает, что не выдаст граждан своей страны, несмотря на то, что правило «двойной подсудности» соблюдено, то есть преступление, за совершение которого запрашивается экстрадиция, должно признаваться таковым в законодательстве как запрашивающей, так и запрашиваемой стороны, составы преступления ст. 105 УК и ст. 99 УК РА идентичны.

Как установлено следователями СК РФ, исполнители убийства Н. Папава и А. Бутба выехали из Российской Федерации в Абхазию. Им заочно были предъявлены обвинения в совершении убийства в составе организованной группы, незаконном хранении оружия, они объявлены в международный

розыск и арестованы судом заочно. Следственным комитетом РФ решается вопрос об их экстрадиции на территорию России. Представляется, что перспективы привлечения к уголовной ответственности лиц с двойным гражданством весьма сомнительны, если учесть имеющуюся судебную практику Верховного Суда РА по схожему уголовному делу.

Фабула второго дела такова: летом 2006 г. ООО «Мрамор», принадлежащее Букия Н., выиграло тендер на поставку бордюрного камня, объявленный мэрией г. Иркутска, на сумму около 60 млн руб. 12 августа 2006 г. Букия Р., ее муж, собрал около 2 млн руб. наличными на приобретение бордюрного камня в г. Уфе, куда планировал выехать совместно с племянником и своим компаньоном Смыром Г. Однако Букия Р. и его племянник пропали, а 18 августа 2006 г. с заявлением об исчезновении мужа и племянника в органы предварительного следствия обратилась гражданка Букия Н., было возбуждено уголовное дело. Тела пропавших мужчин были обнаружены 8 сентября 2006 г. на территории базы, принадлежавшей на праве собственности Акиваеву А.А. и находящейся в совместном пользовании компаньонов Букия Р. и Смыра Г. 21 августа 2006 г. прокуратурой Куйбышевского района г. Иркутска было возбуждено уголовное дело по факту совершения преступления. В качестве обвиняемого по возбужденному уголовному делу Смыр Г. был привлечен 19 сентября 2006 г., и с этого момента в отношении гражданина РФ Смыра Г. было возбуждено уголовное преследование в Российской Федерации.

Последний, обоснованно опасаясь предъявления обвинения в убийстве и последующего заключения под стражу, выехал из России на этническую родину, в г. Сухум (где, кстати, проживает до сих пор и продолжает заниматься предпринимательской деятельностью). МВД Республики Абхазия был подтвержден факт пребывания Смыра Г. на территории Абхазии и наличие у него гражданства этой страны. Смыру Г. органами предварительного следствия заочно было предъявлено обвинение в совершении на территории России

преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, он был объявлен в международный розыск.

Согласно ст. 27 Конституции РА Смыр Г., получивший гражданство Абхазии, не подлежал выдаче. После длительных переговоров органов предварительного следствия Российской Федерации и Абхазии и основываясь на конвенционных нормах двустороннего договора было принято решение о привлечении к уголовной ответственности Смыра Г. на территории Республики Абхазия и рассмотрении вопроса по существу.

Верховный Суд Республики Абхазии в открытом судебном заседании рассмотрел уголовное дело в отношении лица с двойным гражданством Смыра Г., вынес оправдательный приговор на основании п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РА, признал его не причастным к совершению вменяемого ему в вину преступления – умышленного убийства двух и более лиц из корыстных побуждений (ст. 99 УК РА). Верховный Суд Республики Абхазии сослался на ряд оснований:

1) согласно ст. 416 УПК РА уголовное преследование в отношении гражданина Абхазии, совершившего преступление на территории иного государства, осуществляется в том случае, если имеется *официальный запрос* компетентного органа. Однако Генеральная прокуратура Российской Федерации поручение о проведении судебного расследования не направляла и не могла направить, поскольку в отношении гражданина Российской Федерации подобное поручение неприемлемо.

2) *неправомерность возбуждения уголовного дела Генеральной Прокуратурой РА на основании копий, а не оригиналов* уголовного дела, предоставленных российской стороной, которая подлинники документов не предоставила и не могла предоставить, поскольку это правило действует в отношении иностранцев и лиц без гражданства, но не граждан Российской Федерации.

Итак, проблема была порождена двойным гражданством Смыра Г., законодательство каждой страны – и конституционное, и уголовно-правовое – рассматривало его как

своего собственного гражданина, что и породило правовую коллизию «суверенитетов», а точнее, национальных юрисдикций.

Действительно, обе конституции содержат аналогичные по содержанию нормы – иностранцы и лица без гражданства, совершившие преступления вне пределов Абхазии, равно как и России, и пребывающие либо проживающие на территории каждой страны соответственно, могут быть выданы по запросу компетентного органа иностранного государства для привлечения к уголовной ответственности либо отбывания наказания.

Однако факт последующего приобретения второго гражданства не предусматривает прекращения либо лишения первого гражданства законодательством ни Российской Федерации, ни Республики Абхазия. Судьи обеих стран, вынося решения, не обращались к теориям «эффективного гражданства», «первичного» и «вторичного» гражданства, сформулированных либо разделяемых некоторыми представителями российской науки конституционного и уголовно-процессуального права³.

Т.В. Решетнева связывает решение вопроса о выдаче с принципом эффективного гражданства и правовой природой двойного гражданства, утверждая, что в отсутствие двустороннего международного договора государство последующего гражданства *должно(!)* удовлетворить просьбу государства первоначального гражданства при условии отсутствия иных препятствий выдаче [1]. Представляется, что предложенный Т.В. Решетневой алгоритм решения проблем выдачи лица с двойным гражданством теоретически логически непоследователен и практически неосуществим. Например, применительно к конкретным обстоятельствам выдачи Смыра Г.: какое из гражданств прокуратурам России и Абхазии следует рассматривать как эффективное, первоначальное – гражданство СССР (не существующего государства,

в котором он был рожден), Российской Федерации либо последующее – гражданство Абхазии – с учетом его этнической принадлежности и самоидентификации? Представляется, что с точки зрения целей получения гражданства в данном деле гораздо большее значение имеет время подачи заявления Смыра Г. о предоставлении гражданства Республики Абхазия – до совершения вменяемого ему в вину преступления либо после? Это косвенно указало бы на его мотивы приобретения гражданства Абхазии. К сожалению, ни в решениях Верховного Суда Республики Абхазии, ни в решениях Иркутского областного суда либо Верховного Суда РФ таких сведений установить не удалось.

Статья 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. N 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», подтверждая понимание гражданства как устойчивой правовой связи между государством и человеком, предусматривает, что гражданин России, получивший второе гражданство, рассматривается Российской Федерацией исключительно как гражданин России за исключением случаев, прямо предусмотренных международным договором либо федеральным законом. В настоящее время продолжаются переговоры о заключении двустороннего договора между Россией и Абхазией по вопросам двойного гражданства, однако, как представляется, он в большей степени касается иных вопросов, а именно социального и пенсионного обеспечения, и вряд ли попытается (а главное, сможет юридически) разрешить выявленную конституционно-правовую и уголовно-правовую коллизию. Согласно ст. 27 Конституции РА и ст. 12, 13 УК РА гражданин Абхазии, совершивший преступление на территории иностранного государства, не подлежит выдаче по запросу компетентного органа этой страны.

После признания Смыра Г. Верховным Судом РА не причастным к совершению пре-

3 Согласно с выводом М.В. Арзамасцева о том, что количество лиц с множественным и даже глобальным гражданством имеет тенденцию неуклонного роста, следовательно при определении возможных правовых последствий совершаемых ими преступлений на территории одного из государств их гражданства, следует учитывать особенности правового регулирования полипатризма. См. Арзамасцев М.А. Допустимость лишения гражданства и экстратрадиции полипатрида, совершившего преступление //Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. Сер. 14. Вып. 3. С. 19.

ступления, запрос Российской Федерации о его выдаче невозможен ни в теории, ни на практике, согласно правилам Европейской конвенции о выдаче 1957 г., подписанной Российской Федерацией 7 ноября 1996 г. и вступившей в силу 9 марта 2000 г. Этот международный договор предусматривает выдачу беглых преступников и подозреваемых с учетом Дополнительных протоколов 1975 г. и 2015 г., ст. 9 Конвенции раскрывает правила применения принципа *ne bis in idem*, согласно которым выдача не осуществляется, если компетентные органы запрашиваемой стороны вынесли «окончательное решение в отношении лица, требуемого в связи с преступлением или преступлениями, по поводу которых запрашивается выдача». В выдаче может быть отказано, если компетентные органы запрашиваемой стороны вынесли «решение не осуществлять или прекратить судебное преследование в отношении того же преступления или преступлений».

Значение Дополнительного протокола 2015 г. весьма существенно, поскольку предусматривает внесение поправок и дополнений в ряд положений Европейской конвенции о выдаче с целью ее адаптации к современным требованиям при осуществлении международного сотрудничества в области выдачи лиц, в отношении которых компетентные органы запрашивающей стороны осуществляют судопроизводство в связи с каким-либо преступлением или которые разыскиваются этими органами для приведения в исполнение приговора. В протоколе рассматривается вопрос об истечении давности, процедура информирования о запросах об экстрадиции. В документе прописывается, что при решении вопроса о выдаче запрашиваемая сторона при определенных условиях может не учитывать срок давности, предусмотренный ее законодательством. Ряд положений протокола направлен на упрощение формальностей при составлении и направлении запросов о выдаче и транзите выданного лица. Однако Абхазия, будучи не признанным международным сообществом государством, в отличие от Российской Федерации не является и не может являться стороной этого договора, а,

следовательно, не обязана соблюдать правила и процедуры выдачи беглых подозреваемых, обвиняемых либо осужденных, но может добровольно придерживаться ее «духа и буквы».

Правоохранительные органы Российской Федерации оказались в ситуации цугцванга, когда последующие действия только ухудшали сложившуюся ситуацию. С одной стороны, фактически были выполнены все действия, как следственные, так и процессуальные, необходимые формально юридически для принятия процессуального решения по делу. С другой стороны, 5 томов уголовного дела не могли быть направлены в суд в порядке, установленном ч. 5 ст. 247 УПК РФ, с целью последующей выдачи Смыра Г. на территорию России, проведения судебного процесса и приведения приговора суда в исполнение. Однако в выдаче Смыра Г. было категорически отказано, хотя органы Генеральной прокуратуры РА имели правовое основание для удовлетворения запроса о выдаче гражданина России, совершившего преступление на территории Российской Федерации, исходя из провозглашенной приверженности идеям взаимной помощи, сотрудничества, согласно Конвенции 2008 г. и Соглашению о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Республики Абхазии 2008 г.

Действительно, несмотря на отсутствие единых правил либо международных стандартов выдачи обвиняемых и подозреваемых в преступлениях на территории непризнанных государств постсоветского пространства, в число которых входит и Абхазия, такое решение могло быть принято. Отсутствие двустороннего межгосударственного договора или международной региональной конвенции не является непреодолимым препятствием для межгосударственного взаимодействия по вопросам правовой помощи по уголовным делам. Нормы международного обычая, т.е. сложившаяся международная практика, позволяет разрешать спорные вопросы на основе конвенционных норм либо опираясь на принцип взаимности.

Представляется, что в подобной ситуации самым действенным способом возвращения лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, служат не юридические, а дипломатические каналы и взаимовыгодный «обмен преступниками», в основу которого положен принцип взаимности, предписывающий государству относиться к чужому национальному правопорядку *comitas gentium* («вежливо и обходительно»).

Верховный Суд РФ в деле Смыра Г. мог бы, опираясь на факт наличия двустороннего соглашения о правовом сотрудничестве Российской Федерации и Абхазии 2008 г., учесть провозглашенный «общий дух взаимной выгоды» как основание для признания исполнения судебных решений, вынесенных на территории Абхазии.

Наличие договора о правовой помощи по уголовным делам между Российской Федерацией и Абхазией 2015 г. не помешало категоричному отказу от исполнения решения Верховного Суда Республики Абхазия на территории России, принцип взаимности фактически был проигнорирован обеими сторонами спора. Позволим утверждать, что лоббирование собственных (суверенных) интересов обеими странами не способствовало в прошлом, не способствует сейчас и будет выступать непреодолимым препятствием появлению эффективного согласованного правового механизма экстрадиции между двумя странами, равно как и признанию судебных решений относительно лиц с двойным гражданством.

Закономерно, что живейший исследовательский интерес вызвало решение Верховного Суда РА по делу Смыра Г., которым подсудимый был признан не причастным к совершению преступления. Анализ аргументации Верховного Суда РА позволил, с одной стороны, непредвзято и критически оценить деятельность органов предварительного следствия и Российской Федерации, и Республики Абхазия, с другой – выявить допущенные ошибки в оценке фактов и толковании норм и принципов права самим Верховным Судом РА.

Оценивая представленные органами предварительного следствия материалы по делу Смыра Г., Верховный Суд РА указал, что органами представительного следствия точно не были установлены время, место, способ, а также виновность гражданина Смыра Г. в совершении преступления, форма его вины и мотив преступления.

Суд признал недопустимыми доказательствами по делу копии, а не подлинники процессуальных документов, а также процессуальные документы выполненные по поручению прокуратуры Республики Абхазия прокуратурой Российской Федерации. Основанием признания процессуальных доказательств недопустимыми как нарушающими требования закона и, соответственно, не имеющими юридическую силу стало нарушение требований ст. 155 УПК РА, поскольку они были добыты до возбуждения рассматриваемого уголовного дела 10 марта 2009 г. По тем же основаниям Верховный Суд РА признал недопустимыми доказательствами копии протоколов допроса практически всех свидетелей по делу, в целом оценив проведенное предварительное расследование как поверхностное и крайне небрежное.

Претензии были предъявлены к существенным расхождениям между видеозаписью проверки показаний подозреваемых в соучастии в совершении преступления граждан Российской Федерации Ш. и Б. на месте его совершения и записанными в протоколах показаниями граждан Ш. и Б., тогда как поручение о повторном допросе и видеозаписи было проигнорировано российской стороной.

Следует согласиться с наличием оснований для критического отношения Верховного Суда РА к полноте, всесторонности и объективности доказательств по делу, когда судом были выявлены факты абсолютного совпадения, вплоть до знаков препинания, показаний основных свидетелей стороны обвинения граждан Ш. и Б., допросы которых проводились тремя следователями Следственного комитета РФ с разницей во времени около двух лет. Действительно, не

могут быть положены в основу обвинения доказательств, полученные не предусмотренным законом способом, путем сканирования либо копирования предыдущих протоколов допросов свидетелей. Так, в протоколе допроса свидетеля Б. (жена) от 24 июня 2009 г. записано: «на ногах у мужа были черные туфли, которые вчера были изъяты в ходе выемки», тогда как протокол выемки этих самых туфель ее мужа (свидетеля Б.) датирован 12 сентября 2006 г., т.е. с разницей в три года. В протоколы допроса свидетелей Д. и М. от 23 мая 2007 г. и 26 июня 2009 г. следователем были внесены два противоречащих друг другу показания и др. Обоснованные сомнения Верховного Суда РА вызвали исправления нумерации листов, подшитых в дело, без внесения специальной оговорки, в результате из т. 9 оказались изъяты 49 листов.

Претензии Верховный Суд РА предъявил также и органам предварительного следствия Абхазии. Так, получив из прокуратуры Российской Федерации 5 томов уголовного дела, прошнурованных, пронумерованных и скрепленных печатью прокуратуры Российской Федерации, сотрудники органов предварительного следствия Абхазии изменили нумерацию листов, вложили дополнительные документы без необходимой отметки. Этот факт был признан в ходе открытого публичного слушания дела Верховным Судом РА, однако государственный обвинитель не смог пояснить, каким образом такое могло произойти.

Однако основной аргумент Верховного Суда РА заключается в отсутствии оснований возбуждения уголовного дела органами предварительного следствия Абхазии. Статья 413 УПК РА предписывает, что уголовное преследование гражданина Абхазии, совершившего преступление на территории иностранного государства и возвратившегося на территорию Республики Абхазия, осуществляется в порядке, установленном УПК РА, в том случае, *если имеется запрос* компетентного органа иностранного государства, т.е. в данном случае Генеральной прокуратуры РФ. Однако из письма начальника Главного

управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ от 20 июля 2009 г. на имя начальника Следственного управления Генеральной прокуратуры РА следует, что Генеральной прокуратурой РФ поручение об осуществлении уголовного преследования Смыра Г. за преступление, совершенное им на территории России, не давалось. Кроме того, из ст. 458 УПК РФ следует, что для осуществления уголовного расследования компетентными органами иностранного государства, в данном случае Республики Абхазия, в отношении гражданина иностранного государства *все материалы возбужденного и расследуемого уголовного дела направляются* Генеральной прокуратурой РФ в компетентные органы иностранного государства. Поскольку сама по себе передача оригиналов уголовного дела в отношении гражданина Российской Федерации Смыра Г. за пределы России согласно ст. 458 УПК РФ невозможна, постольку в подобных случаях Генеральной прокуратурой РФ в компетентные органы иностранных государств передаются не оригиналы уголовного дела, а *копии для обеспечения неотвратимости наказания, без просьбы об осуществлении уголовного преследования.*

При соблюдении Генеральной прокуратурой РФ данной нормы права, Генеральная прокуратура РА на основании ст. 416 УПК РА была бы вправе осуществлять расследование по делу, а суд – рассматривать его по существу. Суд пришел к выводу, что органы предварительного следствия Республики Абхазия были не вправе возбуждать уголовное дело по ксерокопиям другого уголовного дела, возбужденного по одному и тому же факту и в отношении одного и того же лица. Действительно, прокуратурой Иркутской области 19 сентября 2006 г. вынесено постановление о привлечении Смыра Г. в качестве обвиняемого, а через 2 года и 6 месяцев было возбуждено уголовное дело следственными органами РА на основании копии уголовного дела № 45575, возбужденного прокуратурой Куйбышевского района г. Иркутска 21 августа 2006 г., в котором действительно имеются достаточные основания, указывающие на

признаки преступления. Однако ст. 139 УПК РА, определяющая поводы и основания для возбуждения уголовного дела, не предусматривает в таком качестве ксерокопии другого уголовного дела, возбужденного по тем же основаниям и в отношении того же лица. Таким образом, допущенные нарушения порядка возбуждения уголовного дела лишают юридической силы все последующие процессуальные действия.

Верховный Суд РА выявил также нарушения, допущенные в досудебном производстве, связанные с получением доказательственной информации, фактическими обстоятельствами, вопросами квалификации действий и доказанности вины обвиняемого. Полагаем немаловажным факт признания гражданкой России потерпевшей Б. нарушений закона, допущенных органами предварительного следствия Республики Абхазия. В результате гражданин Абхазии Смыр Г. решением Верховного Суда Республики Абхазия 3 мая 2011 г. был оправдан за отсутствием в его действиях состава преступления, мера пресечения в форме подписки о невыезде отменена, за ним было признано право на реабилитацию.

В двух кассационных определениях от 21 июля 2011 г. и 6 сентября 2011 г., а также в постановлении об отказе в удовлетворении надзорной жалобы Верховный Суд Республики Абхазия жалобу о нарушении прав потерпевших на доступ к правосудию оставил без удовлетворения.

Полагаем, что качество правосудия в обеих странах несомненно бы выиграло, если бы решения судов обеих стран, включая не только окончательные, но и так называемые неустоявшиеся и отмененные высшей судебной инстанцией в апелляционном порядке⁴, стали транспарентными, доступными, и в четко

установленные национальным законодателем разумные сроки были размещены на сайтах соответствующих судебных органов как реализация гарантированного Конституцией РФ и действующим законодательством права граждан на доступ к правосудию, которое относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, признается и гарантируется Конституцией РА и общепризнанными принципами и нормами международного права.

Почему такое возможно? По своей природе принцип взаимности является одним из принципов применимого права, но не является частью *jus cogens*, т.е. императивной нормой или общепризнанным принципом международного права. Подобная позиция сформулирована в определении Верховного Суда РФ от 28 июля 2009 г. N 38-Г09-7, который установил отсутствие предусмотренных законом оснований для признания и исполнения на территории Российской Федерации постановлений иностранного суда вследствие отсутствия международного договора о взаимном признании судебных решений, а кроме того, страна не является участником Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.

Еще одним аргументом в пользу признания иностранного судебного решения на территории Российской Федерации, Абхазии, равно как и стран ближнего зарубежья могло стать предоставление в суде доказательств следования судами вышеуказанных стран международному принципу взаимности в вопросе исполнения, например, российских судебных решений. По сути, взаимное признание судебных решений напрямую зависит от

⁴ Это замечание касается в равной мере Приговора Верховного суда Республики Абхазии от 3 мая 2011 г. и отмененного Постановления Иркутского областного суда от 17 мая 2019 г., согласно которым уголовное дело и уголовное преследование Смыра Г. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного пп. «а» и «з» ст. 105 УК РФ было прекращено в связи с наличием в отношении него вступившего в законную силу приговора Верховного суда Республики Абхазия по тому же обвинению от 3 мая 2011 г. Кстати, на наше письменное обращение в Иркутский областной суд с просьбой предоставить копию Постановления Иркутского областного суда от 17 мая 2019 г. в 2021 г. был получен письменный отказ. Аргументация незатейлива: решение не устояло, отменено. Полагаем, что подобная практика неправомерна и нарушает гарантированный Конституцией РФ 1993 г. доступ каждого гражданина России к правосудию, включая юристов-правоприменителей, а также ученых, преподавателей и студентов.

политической воли и субъективного желания государств участвовать в укреплении правового сотрудничества друг с другом на началах равенства.

Представляется, что анализ судебных споров между Российской Федерацией и Республикой Абхазия по проблемам привлечения к уголовной ответственности лиц с двойным гражданством позволяет предложить в качестве практической реализации правового сотрудничества равных сторон возможности признавать судом решения иностранного суда либо презюмируя принцип взаимности в межгосударственных соглашениях, либо доказывая, что принцип взаимности присутствует в правоприменительной практике судов. Второй вариант более сложен, поскольку каждый раз судья должен определять, какое количество доказательств и какого рода доказательства должны быть представлены, чтобы убедить суд в целесообразности применения принципа взаимности. По сути, оба варианта не являются взаимоисключающими.

В качестве убедительного аргумента приведем следующий пример правоприменительной практики. Так, в определении Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 июля 2012 г. N ВАС-6580/12 признание решений английского суда осуществлено «на основании принципов международной вежливости и взаимности, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации», под которыми Суд понимал следующее: «принцип международной

вежливости предписывает государствам относиться к иностранному правопорядку вежливо и обходительно, а принцип взаимности предполагает уважение судами различных государств деятельности друг друга». Представляется, что подобный подход, применяемый в странах Европейского Союза, наиболее целесообразен и эффективен в вопросах привлечения к уголовной ответственности лиц с двойным гражданством, учитывая интернационализацию конституционного права в странах постсоветского пространства, значительная часть населения которых имеет гражданство своей страны и гражданство Российской Федерации, т.е. являются лицами с двойным гражданством.

Полагаем, что существует объективная потребность введения в двусторонние соглашения Российской Федерации и Республики Абхазия (а равно и других стран ближнего зарубежья) правил и порядка исполнения решений суда, указания на принцип взаимности и расширение сферы его практического применения компетентными органами российского правосудия в целях улучшения сотрудничества правоохранительных органов стран постсоветского пространства по противодействию преступности, расширения оснований выдачи и экстрадиции для уголовного преследования, устранения взаимных препятствий для выдачи обвиняемых в совершении преступления лиц, имеющих двойное гражданство, одним из которых, как правило, является гражданство России.

Библиографический список

1. Арзамасцев, М.А. Допустимость лишения гражданства и экстрадиции полипатрида, совершившего преступление / М.А. Арзамасцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2016. – Сер. 14. – Вып. 3. – С. 14-27.
2. Решетнева, Т.В. Экстрадиция полипатридов в российском уголовном процессе. Проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.В. Решетнева. – Екатеринбург: УрГЮА, 2009. – 31 с.
3. Смашникова, Т.Б. Особенности статуса лиц, имеющих двойное гражданство в Российской Федерации / Т.Б. Смашникова // Современные инновации. – N 1. – 2017. – С. 65-66.

Елена Анатольевна ТИТОВА,

доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Барнаул), кандидат юридических наук

leo_bir@mail.ru

Михаил Олегович ТЯПКИН,

начальник кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России, доктор исторических наук, доцент

tyapkin@rambler.ru

ПРОПАГАНДА ЛЕСНОЙ ПОЛИТИКИ РСФСР НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ЛЕСА РЕСПУБЛИКИ» (1918-1919 ГГ.)

PROPAGANDA OF THE FOREST POLICY OF THE RSFSR ON THE PAGES OF THE JOURNAL «FORESTS OF THE REPUBLIC» (1918-1919)

В статье дается характеристика способов и форм ведения пропаганды основных положений лесной политики и лесного законодательства РСФСР на основе анализа материалов журнала «Леса Республики» за 1918-1919 гг. Особое внимание уделено анализу ведения пропаганды правовых знаний, поскольку советская власть прекратила действие лесного законодательства дореволюционной России и взяла курс на принятие новых нормативных предписаний в сфере лесных правоотношений.

The article describes the methods and forms of propaganda of the main provisions of the forest policy and forest legislation of the RSFSR based on the analysis of the materials of the journal «Lesa Respubliki» for 1918-1919. Particular attention is paid to the analysis of the propaganda of legal knowledge, since the Soviet government terminated the forest legislation of pre-revolutionary Russia and headed for the adoption of new regulations in the field of forest legal relations.

Ключевые слова: лесная политика, пропаганда, журнал «Леса Республики», лесное хозяйство, лесопользование, национализация.

Keywords: forest policy, promotion, journal «Forests of the Republic», forestry, forest management, nationalization.

Формирование законопослушного человека с высоким уровнем правового сознания и правовой культуры – процесс чрезвычайно сложный, длительный и трудоемкий. Эффективность правовоспитательной деятельности во многом зависит от того, насколько целенаправленный и комплексный характер она имеет, какие ресурсы в нее вкладываются и ее обеспечивают.

На сегодняшний день существуют очевидные проблемы использования правовой пропаганды в российском обществе. На наш взгляд, решение этой проблемы возможно лишь при условии проведения детального теоретического анализа сущности и природы правовой пропаганды, ее технологии и критериев эффективности. Ретроспективный анализ опыта в сфере правовой пропаганды,

безусловно, внесет существенный вклад в решение подобных проблем и позволит выработать на государственном уровне стратегию по использованию правовой пропаганды для укрепления законности и правопорядка в российском обществе.

По определению, содержащемуся в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, пропаганда – это распространение и углубленное разъяснение каких-нибудь идей, учения, знаний. На различных этапах развития общества значение пропаганды возрастало или уменьшалось. Советский период в истории нашей страны характеризовался колоссальным вниманием, которое государство уделяло официальной пропаганде. С первых дней своего существования советская власть активно включилась в борьбу за умы и сердца людей, используя агитационно-пропагандистские методы, приемы и средства. По мнению Д.Д. Юшук и А.С. Бочкаревой, в первые годы после революционных событий 1917 г. «агитационно-пропагандистская деятельность была направлена на разрушение старой монархической системы, пересмотр традиционных ценностей, лишение человека веками складывающихся нравственных ориентиров для формирования новых, более устраивающих пришедшие к власти силы» [7, с. 278].

В отечественной исторической и историко-правовой науке различные аспекты ведения агитационной работы и пропаганды (в том числе правовой) в общероссийском масштабе и на примере отдельных регионов в период революционных событий и гражданской войны получили достойное освещение (А.Н. Акиншина, А.С. Бочкарева, В.А. Добин, А.О. Егоров, Н.А. Зиновьева, Е.В. Киселева, В.Г. Кокоулин, А.А. Конкин, Р.Я. Кузьмин, Е.Е. Лежень, А.В. Лосяков, В.И. Московских, О.В. Сергеева, В.А. Скребнев, Н.В. Чаус, Д.Д. Юшук и др.). В рамках нашей статьи мы остановимся на ретроспективной характеристике такого направления пропагандистской деятельности, как пропаганда основных положений лесной политики и лесного законодательства РСФСР на основе анализа материалов официального печат-

ного органа Народного комиссариата земледелия (далее – Наркомзем) – журнала «Леса Республики» за 1918-1919 гг.

Значение лесных ресурсов для России в период глубочайшего социально-экономического кризиса, в который погрузилась страна в период гражданской войны, трудно переоценить. Известное выражение В.И. Ленина «лес спас революцию» было абсолютно справедливым. Древесина была не только топливом и строительным материалом, но превратилась в фактор обеспечения государственного суверенитета молодой советской республики. Кроме того, необходимо учитывать, что земельный и лесной вопросы являлись краеугольным камнем русской революции, а популярность той или иной политической партии во многом зависела от того, какие способы их решения она предлагала.

Советская власть, отменив все лесное законодательство императорской России, взяла ориентир на обобществление лесов и превращение их в общенародную собственность. Лесоуправление, лесопользование, лесосохрана, лесная торговля, организация лесных промыслов – эти и другие составляющие лесного хозяйства подверглись коренной перестройке. Речь шла о формировании принципиально новой лесной политики, смысл и содержание которой было необходимо донести до населения, убедить его в том, что происходившие в отрасли изменения были направлены на формирование социально ориентированной и справедливой системы лесопользования.

Ранее мы отмечали, что основными принципами и программными установками, которые легли в основу лесной политики РСФСР, являлись отмена всех форм собственности на леса и объявление их достоянием всего народа, введение новой системы лесоуправления и лесопользования, отмена всех коммерческих операций с древесиной, установление монополии государства на внешнюю лесную торговлю, перевод лесного хозяйства на плановую основу и создание широкой сети специальных образовательных заведений низшего, среднего и высшего уровня, а также ведение среди населения просветительской

и пропагандистской деятельности [подр.: 6, с. 38-39].

Советская лесная политика постепенно приобретала очертания и наполнялась содержанием, но механизм ее пропаганды находился в стадии формирования. А.В. Лосяков отмечает, что до 1920 г. в РСФСР не было четких планов ведения пропагандистской работы и единого центра ее координации [4, с. 163]. Каждое ведомство занималось пропагандой по мере своих сил и понимания текущих задач, но при этом даже политические противники большевиков отмечали, что в деле ведения пропагандистской работы они достигли больших успехов.

Сотрудники Центрального лесного управления (бывший Лесной департамент), принявшие советскую власть и ставшие разработчиками основных постулатов новой лесной политики, с готовностью и энтузиазмом развернули широкую пропаганду ее демократических принципов. Желание построить новое общество и новое лесное хозяйство рождало к жизни различные формы донесения правовых, хозяйственных и культурных знаний о лесе.

Основными формами и способами пропаганды стали выпуск специализированных брошюр, устройство курсов, издание плакатов, внешкольное образование в избах-читальнях, привлечение крестьянского населения, прежде всего детей, к проведению праздников древонасаждения. Периодике в этом ряду отводилось особое место. В.Г. Кокоулин справедливо отмечает, что среди агитационных и пропагандистских материалов первенство необходимо отдать периодической печати [2, с. 202].

Журнал «Леса Республики» должен был стать не только официальным источником опубликования принимаемых правительством и Наркомземом нормативных предписаний, но, в первую очередь, рупором, доносящим постулаты новой лесной политики до профессионального лесоводческого сообщества и рядовых лесопользователей.

Адепты новой лесной политики пытались с помощью пропаганды преодолеть то

природное качество, которое позволило П.И. Мельникову (А. Печерскому) назвать русского человека «врагом леса» [5, с. 34]. Внук декабриста князь С.М. Волконский писал, что «крестьянин смотрит на дерево как на материал; его тень, его прохлада, а тем паче его краса ему не нужны. Он не сознает даже того, что рост дерева есть своего рода капитал и что, как капитал начинается с копейки, так мачтовое дерево начинается с посаженного прутика. Риск в хозяйстве ему чужд, и все имеет цену лишь с точки зрения единовременной наживы» [1, с. 171]. Новая власть верила, что только обобществление лесов, превращение их из чужого имущества в «свое» – близкое и дорогое, сделает крестьянина настоящим хозяином леса, заставит относиться к лесу как к своему богатству. На страницах журнала не только публиковались материалы, раскрывавшие содержание советской лесной политики, но и обсуждались инициативы, которые должны были способствовать замене сугубо потребительского отношения населения к лесу чувством уважения к нему.

Один из постоянных авторов журнала «Леса Республики», скрывавшийся под псевдонимом «Не-Лесовод», в серии статей под общим названием «Уровень лесных знаний», отмечал, что у леса есть два страшных врага – человеческая жадность и «черная, тупая, упрямая людская темнота»¹. При этом автор полагал, что если с первой проблемой справиться относительно легко, то решение второй требует новых подходов на государственном уровне. Центральные органы должны были взять на себя реализацию задачи по пропаганде среди населения знаний (в том числе правовых) о лесе и о тех возможностях, которые должна была открыть перед ним лесная политика советской власти. В частности, говорилось о необходимости подготовки специальных изданий о лесном деле, их масштабном распространении среди населения и формировании сети низших учебных заведений. Эта задача была нормативно закреплена в декрете РСФСР «О лесах», изданном в мае 1918 г. Так, ст. 9 в качестве одной из задач

1 Уровень лесных знаний // Леса Республики. 1918. N 5-6-7. С. 385.

органов центральной советской власти в лесохозяйственной сфере называла «поднятие уровня лесохозяйственных и лесных знаний в населении путем открытия и содержания лесных учебных заведений»². На местные органы советской власти возлагалась задача по распространению этих знаний среди населения.

На страницах журнала обсуждались примеры плодотворной деятельности местных властей по пропаганде положений советской лесной политики. Так, в ноябрьском номере за 1918 г. описывался первый подобного рода опыт Витебского лесного подотдела, постановившего разработать особый плакат, иллюстрировавший и разъяснявший основные положения декрета «О лесах» и смысл национализации лесов. Автор статьи Н.А. Кузнецов, поддержав инициативу местных органов советской власти, признал, однако, не слишком удачным объяснение национализации через словосочетание «леса стали как бы казенными», посчитав, что более корректно было бы раскрыть ее сущность через термин «обобществление» [4, с. 871-872].

Особое внимание редакцией журнала «Леса Республики» уделялось пропаганде правовых знаний о новом лесном законодательстве, принимаемом в РСФСР.

Говоря о правовой пропаганде, мы понимаем под ней форму идеологического воздействия на сознание человека, целью которого является формирование у него устойчивых правовых ориентиров и установок правомерного поведения, высокого уровня правосознания. Среди основных признаков правовой пропаганды можно выделить ее информационный и правовой характер, целенаправленность коммуникации, формирование убеждений, ориентиров и установок правомерного поведения, наличие целевой аудитории (это может быть ограниченный или неограниченный круг лиц), возможность, но не обязательность получения конечного результата.

Объектом правовой пропаганды является сознание личности, массовое сознание, а предметом выступает распространение и

утверждение обусловленных социальными отношениями правовых идей, суждений и взглядов, стимулирование осознанной правомерной активности людей в целях социального управления обществом. Правовая пропаганда подразумевает, помимо прочего, массовое распространение правовых идей и знаний с их детальным разъяснением в целях формирования у адресата пропагандистского сообщения устойчивой убежденности в важности соответствующей правовой информации и готовности воспринимать ее в качестве собственного поведенческого ориентира, ценностной установки.

Ревизия всего предшествующего лесного законодательства заставила большевиков незамедлительно приступить к разработке новых правовых норм, которые должны были стать основными регуляторами отношений в сфере лесопользования и лесоохраны и определить объем прав и обязанностей субъектов лесных правоотношений.

Одним из важнейших документов, которому на страницах журнала было отведено много места и уделено много внимания, стал декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета РСФСР «О лесах» от 27(14) мая 1918 г., сразу же получивший неофициальное наименование «Основной закон о лесах». До принятия декрета журналистами активно обсуждалась подготовка законопроекта, а после его принятия – новеллы, которые он содержал.

Подробному разбору содержания «Основного закона о лесах» был посвящен специальный выпуск журнала (№ 5-6-7 от 1 июня (19 мая) 1918 г.). В нем помимо полного текста декрета содержались подробнейшие комментарии к статьям, разъяснения содержания отдельных его норм и рекомендации по их применению на практике. Материалы аналитического характера перемежались с короткими, но емкими лозунгами, выделенными крупными буквами и жирным шрифтом: «Лес – достояние всего народа», «Все равны в правах на лес», «Никто не может покупать-про-

2 О лесах : Декрет Всероссийского Центрального исполнительного комитета советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов от 27(14).05.1918 // Деятельность государства по охране лесов в 1917-1929 гг. : сборник документов / сост. М.О. Тяпкин. Барнаул, 2017. С. 76.

давать лес», «Все обязаны приложить свой труд к лесу», «Никто не может продавать лес за границу, кроме государства», «Тайные покупатели и продавцы – враги общенародного достояния» и т.п.

Номер открывался серией статей, посвященных анализу предшествующего лесного законодательства, выявлению его негативного влияния на общественные отношения дореволюционной России, характеристике капиталистических основ лесного хозяйства и описанию подходов различных политических сил к решению лесного вопроса. Затем следовали статьи, содержавшие разбор основных положений вступившего в силу декрета. В одном из материалов отмечалось, что принятие декрета «О лесах» должно положить начало активной правотворческой деятельности, итогом которой станет принятие первого в истории страны Лесного кодекса. Изложение зачастую построено на проведении сравнения между теми порядками в сфере лесопользования, которые существовали до революции и теми, которые устанавливал «Основной закон о лесах». Естественно, что сравнение всегда было в пользу последнего. Фактически материалы этого выпуска журнала могли использоваться местными земельно-лесными органами для ведения пропагандистской работы среди населения.

Еще в ходе разработки проекта декрета «О лесах» и после его принятия в мае 1918 г. у авторов-составителей (среди них были и члены редколлегии журнала «Леса Республики») возникла идея создания специализированных курсов по изучению декрета, слушатели которых впоследствии стали бы проводниками советской лесной политики на местах. Первые такие курсы должны были открыться летом 1918 г. в Москве при Центральном лесном управлении в помещениях Петровской сельскохозяйственной академии. Подготовленные таким образом лекторы должны были направляться на места для

организации подобных курсов на губернском уровне³.

На страницах журнала уже летом 1918 г. стала появляться информация о том, что на местах начали функционировать лесные курсы, однако они главным образом носили технический практикоориентированный характер и готовили лесных техников, требовавшихся для описания и учета бывших частновладельческих лесов. Основным недостатком курсов было отсутствие единообразия в учебных программах, в связи с чем центр взял на себя заботу о разработке единой программы. Планировалось, что к замещению должностей лесных техников будут допускаться лишь те, кто прошел обучение по этой единой программе. Однако чуть позже было решено, что подготовка техников должна носить более систематический характер, поэтому осуществлять ее должны не временно действующие курсы, а лесные школы. Устроителям лесных курсов было рекомендовано направить свою деятельность исключительно на популяризацию знаний (в том числе правовых) о лесе среди населения. Планировалось также, что пропаганда лесной политики будет вестись посредством «изб-читален», в которых «кроме лекций и бесед агрономического характера, будут насаждаться и политические знания»⁴.

В февральском номере за 1919 г. было озвучено предложение лесничего А. Ульяева о создании передвижных лесных курсов, выставок и т.п. на базе автомобилей или поездов (по образцу созданного в 1914 г. правлением Московской Казанской железной дороги «агрономического поезда»)⁵. Весной 1919 г. некий анонимный корреспондент высказал предложение о создании штата «странствующих инструкторов-техников», которые откомандировывались бы в места, испытывавшие кадровые трудности, а затем, решив проблему, следовали бы дальше. Обоснование необходимости этого нововведения заключалось в том, что «устраивать повсеместно курсы

3 Курсы по закону о лесах // Леса Республики. 1918. N 4. С. 225.

4 Лесные избы // Леса Республики. 1919. N 23-24. С. 1250.

5 Разъездные выставки-курсы // Леса Республики. 1919. N 21-22. С. 1136.

невозможно, а инспектора лесов завалены работой»⁶. Предложение оказалось несвоевременным, поскольку в условиях продолжавшейся гражданской войны реализовать эту идею не представлялось возможным.

Большое значение при проведении пропагандистской работы отводилось изданию и распространению среди населения разного рода брошюр, плакатов и других наглядных информационных материалов. Летом 1918 г. на страницах журнала редакция уведомила читателей, что планирует приступить к изданию серии популярных брошюр объемом шестнадцать страниц с рисунками и чертежами под общим названием «Коммунистическое лесное хозяйство». Спустя несколько месяцев были разработаны сорок две темы, по которым желающие могли подготовить брошюры и получить гонорар. Тематика работ была следующей: «Почему нельзя делить лес по душам, едокам, деревням», «Лесные интересы городского пролетариата и деревни», «Лесные хозяйственные коммуны», «Советский лес», «Все равны в лесных правах», «Как удовлетворяется лесом пролетариат», «Лесные обязанности граждан», «Как деревни устраивают лесные праздники», «Все должны охранять лес», «Как сделаться лесным хозяином» и т.д.⁷

Параллельно с пропагандой преимуществ коммунистического лесного хозяйства шла работа по изданию популярных брошюр на общие лесохозяйственные темы: «Сколько у нас лесов, какие они и что они для нас значат», «Что нам делать в наших лесах», «Как бы от наших лесов не остались одни пустыри», «Нам нужен лес, а не отдельные деревья», «Что такое лес и что он значит для человека, зверей, птиц и растений», «Как ведется в лесу хозяйство», «Враги и друзья леса», «Леса и реки», «Леса и урожай», «Лес, пески и овраги», «Лес и охота», «Лес и пчела», «Наши зеленые друзья» (последняя предназначалась для раздачи на праздниках древонасаждения)⁸.

Весной 1918 г. анонсировалась подготовка лесной азбуки для взрослых крестьян и их детей, чтобы «с малолетства внушить им бережливое отношение к лесу и его богатствам»⁹. Издать азбуку планировалось колоссальным тиражом – несколько миллионов экземпляров. Редакция журнала «Леса Республики» поясняла, что основное содержание азбуки должны были составить сведения о способах разработки леса, о «практике и технике» спичечного, ящичного и бондарного производства, выделки бумаги и смолы, а также определитель лесной растительности.

Продолжением работы над лесной азбукой должна была стать подготовка хрестоматии, включавшей в себя художественные произведения отечественных и иностранных писателей, объединенных общей темой любви к русскому лесу. Составители хрестоматии рассчитывали на то, что она произведет впечатление, «во много раз более неотразимое, нежели гладкие лекции и учебники по лесовозрастанию»¹⁰. Усиливать воспитательный эффект от художественных произведений должны были иллюстрации, к изготовлению которых предполагалось привлечь «лучшие художественные силы». Планировалась рассылка хрестоматии в низшие лесные школы и в начальные учебные заведения. Два этих издания – лесная азбука и хрестоматия – должны были открыть «широкие двери в область подлинной народной лесной политики».

В ноябре 1918 г. редакция сообщила, что работа по составлению хрестоматии под руководством Е.Г. Шумиловой завершена. В нее вошли четырнадцать разделов («Русский лес», «Лес и солнце», «Лес, как сообщество», «Чудесное в лесу», «Враги леса», «Лес, как живое существо», «Первобытный лес», «Северные леса. Восточные леса. Западные леса. Южные леса», «Лес весной, летом, осенью, зимой», «Лес и человек», «Рубка леса», «Лес как полезность», «Деревья в лесу», «Парки и сады»), включивших в себя художественные

6 Переброска инструкторов // Леса Республики. 1918. N 23-24. С. 1223.

7 Популяризация лесного коммунизма // Леса Республики. 1919. N 20. С. 1049-1050.

8 Популярная лесная литература // Леса Республики. 1918. N 8-9. С. 517-518.

9 Лесная азбука // Леса Республики. 1918. N 2. С. 106.

10 Лесная хрестоматия // Леса Республики. 1918. N 4. С. 223.

произведения более чем двухсот русских и иностранных авторов. Работа была названа «первой пролетарской школьной хрестоматией чисто прикладного утилитарного типа»¹¹.

Отдельной разновидностью пропаганды советской лесной политики являлись агитационные плакаты, названные «новым мощным средством воздействия на ум и волю малообразованного читателя»¹². В феврале 1919 г. редакция журнала планировала подготовку сорока тематических плакатов самой разнообразной тематики: «Сколько у кого лесу», «Устраивайте праздники древонасаждения», «Что значит лес для сельского хозяина», «Лесные нормы», «Матери, леса берегут ваших детей!», «Тушите лесные пожары!», «Вали дерево с уважением», «Как гонят спирт из дерева», «Попроси у дерева – оно и сахару даст», «Рябятишки, собирай семена да шишки» и т.п. В мартовском номере журнала «Леса Республики» за 1919 г. были представлены несколько эскизов плакатов, печать которых планировалась в семицветном исполнении формата «ватманского листа» (841Ч1189 мм).

Для повышения наглядности пропаганды и охвата большей аудитории предлагалось приступить к выпуску настольных и отрывных сельскохозяйственных календарей, в которых должны были помещаться «популярные сведения и графики для крестьянства и сельского хозяйства и приведены практические данные по отпуску леса ..., произведения русских писателей, относящиеся к лесу, изречения лесных деятелей, практические сведения по заготовке ... и лесной культуре»¹³.

Таким образом, в первые годы существования советская власть столкнулась с необходимостью проведения масштабной пропаганды своей лесной политики, в том числе ее правовой составляющей. Коренные изменения, по-

следовавшие после октябрьской революции во всех сферах жизни общества, не обошли стороной лесную отрасль. Формирование советской лесной политики шло, в первую очередь, за счет принятия новых нормативных актов, которые должны были полностью заменить собой все дореволюционное лесное законодательство. Задачу по донесению до населения содержания первых декретов и иных нормативных актов советской власти в области лесопользования, лесоохраны и т.д. взяло на себя профессиональное лесное сообщество и представители Центрального управления лесами, под эгидой которого весной 1918 г. началось издание журнала «Леса Республики». Журнал стал не только местом официального опубликования нормативных актов, но и дискуссионной площадкой, на которой активно обсуждались новеллы лесного законодательства, а также инструментом правовой пропаганды.

В силу ряда причин оценить эффективность и результативность проводимой журналом «Леса Республики», довольно сложно. Условия военного времени и всеобщая разруха зачастую приводили к тому, что правовые нормы не действовали вовсе или подменялись принципом революционной целесообразности. Кроме того, советское лесное хозяйство постепенно сменило вектор развития и к концу 1920-х гг. заняло подчиненное положение по отношению лесной промышленности, а в условиях плановой экономики отпала необходимость в существовании государственной лесной политики. Тем не менее журнал «Леса Республики» стал важнейшим инструментом пропаганды новых принципов лесной политики в первые годы существования советской власти.

11 Лесная хрестоматия // Леса Республики. 1918. N 16. С. 876.

12 Агитационные плакаты // Леса Республики. 1919. N 20. С. 1047.

13 Сельскохозяйственные календари // Леса Республики. 1919. N 20. С. 1050.

Библиографический список

1. Волконский, С.М. Павловка. Глава из книги «Родина» / С.М. Волконский // Октябрь. – 1991. – N 8. – С. 168-176.
2. Кокоулин, В.Г. Агитация и пропаганда в годы гражданской войны в Сибири / В.Г. Кокоулин // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2019. – N 3 (20). – С. 202-210.
3. Кузнецов, Н.А. Пропаганда основного закона о лесах / Н.А. Кузнецов // Леса Республики. – 1918. – N 16. – С. 871-872.
4. Лосяков, А.В. Политика агитации и пропаганды советской власти в Пензенской губернии в 1917-1920 гг. / А.В. Лосяков // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. – N 1 (23). – С. 163-166.
5. Мельников, П.И. (Андрей Печерский). На Горах: в 2 кн. Кн. 1. / П.И. Мельников – М., 1956.
6. Тяпкин, М.О. Журнал «Леса Республики» как источник по истории лесной политики России / М.О. Тяпкин // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. – 2021. – N 2 (118). – С. 35-40.
7. Юшук, Д.Д. Социалистическая пропаганда и агитация в России в период революций и становления советской власти / Д.Д. Юшук, А.С. Бочкарева // Научные труды КубГТУ. – 2017. – N 10. – С. 277-288.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

УДК 342.7

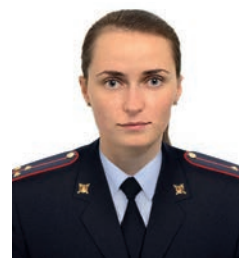
DOI 10.51980/2542-1735_2021_3_171

Юрий Васильевич АНОХИН,

заместитель начальника института (по научной работе)
Барнаульского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, профессор

anohinuv@buimvd.ru

Екатерина Владимировна КРАСИЛОВА,

адъюнкт Барнаульского юридического института
МВД России

krasilova1357@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОЗАЩИТНЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ON THE QUESTION OF THE HUMAN RIGHTS POWERS OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассматриваются правозащитные полномочия Президента Российской Федерации как главного субъекта реализации правозащитной функции государства. В зависимости от характера выполняемых задач в процессе реализации правозащитной функции Президент Российской Федерации признается субъектом, гарантирующим государственную защиту прав и свобод человека. Предметно анализируются теоретико-правовые основания деятельности главы государства по защите прав, свобод и интересов человека и гражданина. Авторы приходят к выводу, что именно Президент как гарант Конституции Российской Федерации, прав и свобод имеет широкие возможности для защиты человека и гражданина. В связи с этим подтверждается тезис о центральном положении Президента Российской Федерации в системе реализации правозащитной функции государства. Предлагается авторская система основных правозащитных полномочий Президента Российской Федерации.

The article examines the main human rights powers of the President of the Russian Federation, as the main implementation of the human rights function of the state. In the process of implementing the human rights function, the President of the Russian Federation is recognized as a subject that guarantees the state dependence of human rights and freedoms. Substantive analysis of the theoretical and legal foundations of the head of state for the protection of the rights, freedoms and interests of man and citizen. The authors come to the conclusion that it is the President, as the guarantor of the Constitution of the Russian Federation, rights and freedoms, that has ample opportunities to protect a person and a citizen. In this regard, the thesis about the central position of the President of the Russian Federation in the system of implementation of the human rights function of the state is confirmed. The author's system of basic human rights powers of the President of the Russian Federation is proposed.

Ключевые слова: правозащитная деятельность, Президент Российской Федерации, защита прав, правозащитная функция государства, прав человека.

Keywords: human rights activity, President of the Russian Federation, protection of rights, human rights function of the state, human rights.

В современных реалиях правозащитная деятельность, ориентированная на защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, становится приоритетной. В связи с этим именно государство должно осуществлять правовую защиту. Справедливость этого тезиса доказывает ст. 2 Конституции Российской Федерации, в которой закреплено важное утверждение: «Защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». В соответствии с этим положением и во исполнение главного обязательства страны в настоящее время актуализируются вопросы, связанные с полномочиями государственных органов в системе реализации правозащитной функции государства.

Безусловно, деятельность всех государственных органов направлена на обеспечение правовой защиты человека и гражданина. Однако стоит заметить, что некоторые государственные субъекты, исходя из специфики осуществляемой ими деятельности, имеют больше правозащитных полномочий. Вместе с тем государственная защита не может быть разрозненной, это есть целостная система, которая должна работать слаженно и оперативно при любых обстоятельствах [2, с. 55].

Как верно отметил В.С. Нерсесянц, правозащитными являются все государственные органы, а выделение отдельной группы каких-то особых субъектов означает, будто все остальные в сфере своей компетенции не занимаются и не должны заниматься правозащитной деятельностью [6, с. 264]. Конечно, в своей работе каждый государственный орган ориентируется на главную обязанность по защите прав человека и гражданина. Однако в силу многочисленности органов государственной власти существует возможность классифицировать их по разным основаниям.

К примеру, профессор Ю.В. Анохин в основу организации и деятельности государства в сфере обеспечения прав и свобод личности заложил принцип разделения властей как один из основополагающих принципов организации государственной власти [подр.: 1, с. 296]. О.А. Снежко классифицирует орга-

ны, осуществляющие государственную защиту прав и свобод личности, по характеру деятельности (органы специальной юрисдикции и органы общей компетенции), по юридической силе решений (консультативные и обязательные) [9, с. 86]. Однако в юридической литературе чаще всего рассматривают государственные органы в аспекте разделения их на судебные и внесудебные [12, с. 148].

Безусловно, исследование органов государственной власти посредством различных группировок никак не отражается на сути правозащитных полномочий. По нашему мнению, стоит рассматривать государственные органы в зависимости от характера выполняемых задач в процессе реализации правозащитной функции государства:

- гарантирование государственной защиты прав и свобод человека (Президент РФ);
- законодательная защита прав (Федеральное Собрание РФ, законодательные органы субъектов Федерации);
- организация исполнения правовой защиты (Правительство РФ);
- восстановление нарушенных (оспариваемых) прав посредством правосудия (судебная система в составе: федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов Российской Федерации);
- надзор за соблюдением прав и свобод человека (прокуратура РФ);
- обеспечение гарантий государственной защиты прав и свобод граждан (Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации).

Исходя из того, что Конституция РФ определила Президента РФ как главного гаранта конституции, прав и свобод человека и гражданина, представляется целесообразным рассмотреть его правозащитные полномочия.

Президент РФ, исходя из его конституционного статуса, является первостепенным субъектом правозащитной функции. Следовательно, основным направлением деятельности главы государства является правовая защита граждан, а остальные полномочия реализуются в целях его исполнения. Главная

задача Президента РФ – не допустить никаких препятствий в осуществлении прав, а в случае возникновения – устранить их [10, с. 13]. Однако в научной литературе правозащитные полномочия Президента РФ не были всесторонне рассмотрены. В связи с этим в целях улучшения процесса правовой защиты государственных органов возникает необходимость анализа правозащитной деятельности указанного субъекта.

При более детальном рассмотрении правозащитных полномочий главы государства можно заметить, что их список достаточно велик. Так, он вправе выступать с законодательной инициативой по наиболее важным вопросам защиты прав и свобод личности. Статистика показывает, что за 2017-2019 гг. были зарегистрированы 95 законопроектов, инициатором которых являлся Президент РФ¹. Подавляющее большинство из них затрагивали сферу обеспечения и защиты прав человека.

Президент РФ уполномочен осуществлять правотворческую деятельность. В частности, он вправе издавать указы и распоряжения, которые в том числе направлены на правовую защиту человека. Нормативное регулирование распространяется как на всех граждан, так и на отдельные категории. К примеру, распоряжение Президента РФ от 30 июля 2020 г. N 189-рп «О мерах по предупреждению и устранению загрязнения окружающей среды на территории городского округа г. Усолье-Сибирское Иркутской области» направлено на обеспечение экологической безопасности жителей города, снижение экологических рисков, вызванных негативным воздействием на окружающую среду экономической деятельности, связанной с производством химической продукции.

В научной литературе выделяется проблема юридической природы актов Президента РФ. Как отмечает В.И. Радченко: «Ситуация в России осложняется наличием обширных пробелов в законодательном урегулировании, и в связи с этим возникает вопрос: вправе ли Президент устанавливать новые нор-

мы» [7, с. 75]. В соответствии с положениями Конституции РФ издание актов Президента РФ является его исключительной компетенцией. Исходя из функционирования системы сдержек и противовесов, вопрос о законности того или иного нормативного акта Президента РФ решает Конституционный Суд РФ. К примеру, в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы Конституционный Суд РФ вынес постановление по делу о проверке конституционности Указа Президента РФ от 27 сентября 2000 г. N 1709 «О мерах по совершенствованию управления государственным пенсионным обеспечением в Российской Федерации», в котором отметил, что в соответствии с Конституцией РФ Президент РФ как глава государства и гарант Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина в целях осуществления предусмотренного Конституцией РФ полномочия по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти и в целях исполнения возложенной на него обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина был вправе предпринять правовое регулирование указом – при условии, что действие такого указа во времени ограничивается моментом вступления в силу соответствующего законодательного акта. В связи с этим необходимо отметить первостепенное значение актов Президента РФ, благодаря которым восполняются пробелы в законодательстве.

Не менее важным аспектом правозащитной деятельности Президента РФ являются ежегодные послания Федеральному Собранию РФ. Мы согласны с мнением М.В. Мархгейм в части того, что они способствуют обнаружению тенденций, динамики и оценке действительности принимаемых мер в целях разрешения правозащитных проблем [5, с. 215].

Каждое из ежегодных посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ сопровождается освещением проблем какой-либо из сфер правовой защиты. К примеру, в послании 2018 г. был сделан акцент на

¹ Статистика законодательного процесса. URL: www.gosduma.net/legislative/statistics (дата обращения: 28.04.2021).

защите прав человека в сфере строительства: «Люди, которые вкладывают свои деньги в строительство жилья, должны быть надежно защищены. От долевого строительства нужно поэтапно переходить на проектное финансирование»². В 2019 г. затронута защита в сфере финансов: «Для защиты людей нужны дополнительные законодательные гарантии. Так, предлагаю предусмотреть «ипотечные каникулы»»³. В 2020 г. Президент РФ заострил внимание на роли Конституционного Суда РФ для правовой защиты граждан: «Для повышения качества отечественного законодательства, для надежной защиты интересов граждан предлагаю усилить роль Конституционного Суда, а именно: наделить его возможностью по запросам Президента проверять конституционность законопроектов, принятых Федеральным Собранием, до их подписания главой государства. Можно подумать и о распространении полномочий Конституционного Суда оценивать на соответствие Конституции не только законы, но и иные нормативно-правовые акты органов государственной власти как федерального, так и регионального уровня»⁴. В 2021 г. Президент РФ большое внимание уделил защите семьи и детства: «Положения о демографическом развитии, защите семьи и детства обозначены в обновленной Конституции России, и они должны получить практическое воплощение в работе всех уровней власти»⁵.

Анализируя содержание и значение ежегодных посланий Президента РФ, стоит прийти к выводу, что их реализация необходима, так как они служат неким ориентиром как в правозащитной деятельности, так и в других основополагающих функциях государства. Президент РФ определяет основные направления работы, назревшие проблемы,

поиски путей их решения. К тому же в последующем происходит контроль выполнения поставленных задач. В этой связи ежегодное упоминание главой государства вопросов правовой защиты граждан означает, что правозащитная функция несовершенна и требует устранения проблемных вопросов.

Следующим полномочием Президента РФ по реализации правовой защиты является рассмотрение обращений граждан, организаций и общественных объединений. Так, в 2020 г. поступили 1017425 обращений (60,1% корреспонденции), 290202 запроса информации (17,2% корреспонденции) и 384854 сообщения (22,7% корреспонденции). Количество содержащихся в обращениях вопросов в 2020 г. увеличилось по сравнению с 2019 г. на 43,5%. Наибольшее количество поступивших вопросов касаются социальной сферы⁶. Созданная Президентом РФ система работы с обращениями не только в полной мере гарантирует реализацию конституционного права на обращение и обеспечивает право каждого на доступ к главе государства, но и предопределяет высокую вероятность разрешения поставленных в обращениях вопросов по существу [8, с. 104].

Проведение «Прямой линии» с Президентом РФ является еще одним правозащитным аспектом его деятельности. Важность такого традиционного ежегодного мероприятия заключается в том, что каждый гражданин с любой части страны может напрямую посредством телефонной связи, видеоконференцсвязи сообщить главе государства о своих нарушенных правах. По итогам «Прямой линии» Президент РФ составляет перечень поручений, в которых закреплены конкретные меры по разрешению обозначенных проблем, срок выполнения, а также ответственный

2 Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 01.03.2018. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/56957 (дата обращения: 28.04.2021).

3 Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 20.02.2019. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/59863 (дата обращения: 28.04.2021).

4 Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/62582 (дата обращения: 28.04.2021).

5 Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 21.04.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения: 29.04.2021).

6 Информационно-статистический обзор рассмотренных в 2020 году обращений граждан, организаций и общественных объединений, адресованных Президенту Российской Федерации, а также результатов рассмотрения и принятых мер. URL: <http://letters.kremlin.ru/digests/248> (дата обращения: 28.04.2021).

ные лица. В научной литературе отмечается положительная роль таких мероприятий, так как они выполняют имиджевые, информативные, терапевтические, преобразовательные и функции демократизации [3, с. 117-125]. Можно согласиться с таким мнением и добавить, на наш взгляд, восстановительную функцию, в ходе которой восстанавливаются нарушенные права. Помимо этого устанавливаются доверительные отношения с главой государства. Обращаясь со своими проблемами, граждане помогают Президенту РФ выявить слабые стороны различных сфер жизнедеятельности, что стимулирует правозащитную функцию государства.

В целях защиты прав граждан, помимо «Прямой линии», Президент РФ на других мероприятиях также уделяет внимание восстановлению нарушенных прав. Так, на заседании президентского Совета по науке и образованию на соответствующий вопрос В.В. Путина сотрудница Института цитологии и генетики СО РАН ответила (г. Новосибирск), что ее оклад составляет 25 тысяч рублей, а с учетом небольшой надбавки на руки за декабрь 2020 г. она получила 32 тысячи. Проблема заключается в том, что некоторых из ее коллег и вовсе перевели на полставки, формально выполняя президентский указ, согласно которому ученые должны получать вдвое больше средних по региону зарплат. После указанного мероприятия Президент РФ обратился к Губернатору Новосибирской области, который сообщил, что средняя зарплата в регионе составляет 39 тысяч рублей. Следовательно, в представленном случае были нарушены права сотрудников. В целях их восстановления Президент РФ поручил министру финансов и министру высшего образования разобраться в ситуации. Позже подключились сотрудники Следственного комитета, пообещав дать оценку действиям должностных лиц, которые отвечали за организацию начисления денежного вознаграждения ученым, а областная прокуратура заявила о проверке соблюдения трудового законодательства и достаточности финанси-

рования научных учреждений при формировании фонда оплаты труда⁷.

Осуществлять свои полномочия главе государства помогает особый аппарат. Стоит выделить Администрацию Президента РФ, деятельность которой направлена на реализацию контроля за исполнением решений Президента РФ. Она выполняет следующие функции: контролирующая, организационная, аналитическая, проверочная. Вся деятельность Администрации направлена на качественное осуществление правозащитных полномочий Президентом РФ. В состав рассматриваемого структурного подразделения входит около двадцати управлений различной направленности.

По мнению В.И. Кайнова, Администрация Президента РФ дублирует Правительство РФ [4, с. 334]. Однако стоит заметить, что рассматриваемое нами подразделение, хотя и является институтом, не упомянуто в Основном законе государства, в своей деятельности выполняет не менее важные функции, по сравнению с Правительством РФ. В правозащитных целях Администрация Президента РФ, например, проводит большую работу с обращениями граждан и организаций, обеспечивает реализацию конституционных полномочий главы государства по вопросам гражданства Российской Федерации и предоставления политического убежища и т.д. В связи с этим Администрация Президента РФ является неотъемлемой структурой в реализации главой государства правозащитных полномочий.

Особо стоит отметить деятельность такого органа, как Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (далее – Совет). Он образован в целях оказания содействия главе государства в реализации его конституционных полномочий в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, информирования Президента РФ о положении дел в этой области, содействия развитию институтов гражданского общества, подготовки предложений главе государства

7 Чтоб ты жил на одну зарплату. – URL: <https://rg.ru/2021/02/11/reg-sibfo/v-institutah-so-ran-posle-obrashcheniia-uchenyh-k-prezidentu-nachalis-proverki.html> (дата обращения: 28.04.2021).

по вопросам, входящим в компетенцию Совета.

Указанный орган решает достаточно большое количество задач, одной из которых является содействие правовому просвещению населения путем активного взаимодействия Совета с представителями средств массовой информации (далее – СМИ) и иных структур гражданского общества. Однако в научной литературе выделяется главная проблема рассматриваемого органа – информационная закрытость [11, с. 2730]. В частности, исходя из официального сайта Совета, информация об аспектах деятельности различных структурных составляющих – постоянных комиссий – представлена в крайне малом количестве и на сегодняшний день является устаревшей. Так, по состоянию на май 2021 г. в разделе информации о постоянной комиссии по политическим правам указано о том, что последнее мероприятие проведено в 2018 г.⁸ Эта проблема касается и других постоянных комиссий Совета, в связи с чем в целях пропаганды своей правозащитной деятельности необходимо посредством СМИ предостав-

лять актуальную информацию о проводимых мероприятиях.

Резюмируя вышеизложенное, можно выделить следующие основные правозащитные полномочия Президента РФ:

- законодательная инициатива;
- правотворчество;
- ежегодное послание Федеральному Собранию РФ;
- рассмотрение обращений граждан, организаций и общественных объединений;
- проведение «Прямой линии».

В заключение можно отметить, что именно Президент РФ как гарант Конституции РФ, прав и свобод имеет широкие возможности для защиты человека и гражданина. В связи с этим Президент РФ является основополагающим субъектом реализации правозащитной функции государства. Однако в настоящее время остается неутешительная тенденция нарушения прав человека, в связи с чем государственным органам необходимо направить все усилия на качественное выполнение своих правозащитных полномочий.

⁸ Постоянные комиссии Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://president-sovet.ru/about/comissions/permanent/> (дата обращения: 28.04.2021).

Библиографический список

1. Анохин, Ю.В. Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности: на материалах Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук / Ю.В. Анохин. – Саратов, 2007.
2. Антропов, Р.В. Государственная защита прав и свобод человека и гражданина: вопросы теории и практики / Р.В. Антропов, Н.А. Антропова // Актуальные проблемы государственно-правового развития России : материалы всероссийской конференции. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. – С. 52-65.
3. Давыборец, Е.Н. «Прямые линии с Владимиром Путиным» как механизм демократии / Е.Н. Давыборец, Н.К. Оврах // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2016. – N 3 (38). – С. 117-125.
4. Кайнов, В.И. Институт президентства: конституционно-правовой статус : дис. ... д-ра юрид. наук / В.И. Кайнов. – СПб., 1999.
5. Мархгейм, М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук / М.В. Мархгейм. – М., 2005.
6. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства / В.С. Нерсесянц. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.
7. Радченко, В.И. Президент Российской Федерации в системе разделения властей : дис. ... канд. юрид. наук / В.И. Радченко. – Саратов, 1995.

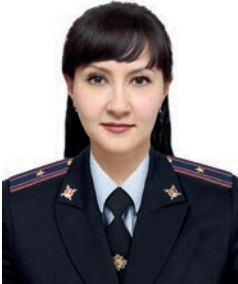
8. Савоськин, А.В. Обращения граждан к Президенту РФ: конституционно-правовое исследование / А.В. Савоськин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – N 6 (46). – С. 97-104.

9. Снежко, О.А. Конституционные основы государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Снежко. – Саратов, 1999.

10. Тихон, Е.А. Президент Российской Федерации – гарант прав и свобод человека и гражданина : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Тихон. – Саратов, 2006.

11. Чуксина, В.В. Государственные специализированные органы по содействию и защите прав человека в условиях глобализации прав человека: российская и зарубежная практика / В.В. Чуксина // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – N 12 (49). – С. 2729-2733.

12. Шубина, Т.Б. Теоретические проблемы защиты права : дис. ... канд. юрид. наук / Т.Б. Шубина. – Самара, 1997.

Екатерина Александровна КОТ,
старший преподаватель кафедры
административно-правовых дисциплин
и информационного обеспечения органов
внутренних дел Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России
katerina.kot.89@bk.ru

ТАКТИКА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ПОБУЖДЕНИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА

TACTICS OF INVESTIGATIVE ACTIONS IN CASES RELATED TO INITIATING MINORS ON THE INTERNET TO COMMIT SUICIDE

Появление информационно-телекоммуникационной сети Интернет существенным образом оказывает влияние на расширение коммуникационных возможностей и формирование виртуального пространства, позволяющего осуществлять взаимодействие индивидов практически во всех сферах жизнедеятельности, в том числе в преступной. В статье выделяются особенности криминалистической тактики производства следственных осмотров в рамках расследования преступлений, совершаемых в сети Интернет и связанных с побуждением несовершеннолетнего к суициду.

The emergence of the Internet information and telecommunications network has a significant impact on the expansion of communication capabilities and the formation of a virtual space that allows individuals to interact in almost all spheres of life, including criminal. The article highlights the features of the forensic tactics of the production of investigative examinations, in the framework of the investigation of crimes committed on the Internet and associated with inducing a juvenile to commit suicide.

Ключевые слова: тактика следственных действий, следственный осмотр, сеть Интернет, побуждение к самоубийству, суицид, несовершеннолетний, социальные сети, IT-технологии, расследование преступлений, связанных с суицидом.

Keywords: *tactics of investigative actions, investigative examination, Internet network, inducement to suicide, suicide, minor, social networks, IT-technologies, investigation of crimes related to suicide.*

Коммуникационное взаимодействие в виртуальном пространстве, особенно в период пандемии коронавирусной инфекции, укоренилось в нашей повседневной жизни, пронизывая практически все сферы деятельности человечества. Согласно статистическим данным, в начале 2021 г. насчитывалось около 4,66 миллиардов пользователей сети Интернет (59,5% мирового населения), из них 4,2 миллиарда – пользователи социальных сетей¹, подавляющее большинство из них – подростки поколения «Z» – многоза-

дачного поколения, дети информационного общества, цифрового следа и технического прогресса, полностью сформировавшегося под влиянием гаджетов и интернет-ресурсов. Практически у каждого из них имеются аккаунты в социальных сетях «ВКонтакте» и «Instagram», личные каналы на YouTube, блоги и сайты, они предпочитают самостоятельно выбирать, что смотреть в сети, при этом активно создавая свой новый контент.

Безусловно, современные дети более динамичны в развитии, однако их «погружен-

ность» в современное информационно-телекоммуникационное пространство находит отражение в «клиповости» мышления, неумении фильтровать поступающие потоки информации, дефиците навыков личного общения, бесконтактной и обезличенной коммуникации, приводящей в большей степени к вседозволенности и безнаказанности. Ранее не известные миру, на первый взгляд безобидные «пранки» и «челленджи» приобрели совершенно новую форму деструктивной деятельности в сети Интернет; как справедливо отметила Е.И. Галяшина, деятельности, порождающей «вирусоподобное распространение деструктивной пропаганды и агитации в социальных сетях, представляя особую опасность для молодых пользователей сети» [5, с. 82]. К таковым относятся кибербуллинг, сексуальный онлайн-грумминг, распространение порнографии в сети Интернет, пропаганда экстремистской идеологии.

В настоящее время особую актуальность приобретает проблема противодействия преступлениям, связанным с побуждением несовершеннолетних к суициду, вовлечением их в «смертельные квесты» и различного рода закрытые интернет-сообщества – «группы смерти», создающиеся в информационном пространстве, оказывающие влияние на психику подростков, посредством использования интернет-ресурсов, электронных (цифровых) устройств и программного обеспечения [3, с. 3-10].

Как представляется, существующие правовые институты недостаточно эффективны с точки зрения противодействия преступлениям, совершающимся с применением IT-технологий, о чем со всей очевидностью свидетельствуют данные официальной статистики.

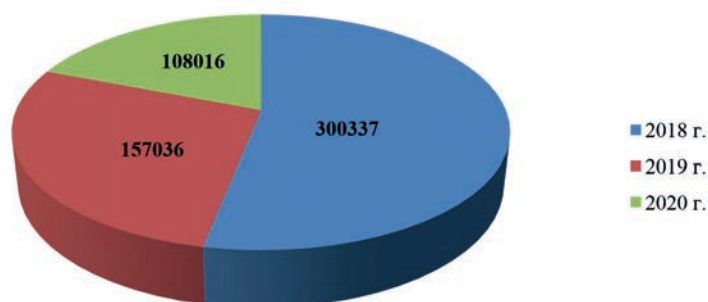

Рисунок. Количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в Российской Федерации в 2018-2020 гг

Основываясь на анализе количества зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в Российской Федерации в 2018-2020 гг.² (рис.), представляется возможным обозначить основные проблемные факторы, оказывающие влияние на их динамику.

Во-первых, прежде всего к таковым стоит отнести недостаточную методологическую

проработанность частных методик расследования преступной деятельности, осуществляемой посредством использования сети Интернет, в частности новых видов деструктивной деятельности, связанной с побуждением несовершеннолетних к суициду.

Во-вторых, недостаточное количество специалистов в области IT-технологий, оказывающих содействие правоохранительным органам на месте совершения преступлений

1 Вся статистика интернета и соцсетей на 2021 год – цифры и тренды в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-i-socsetej-na-2021-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения 06.05.2021).

2 Официальные статистические данные ФКУ «ГИАЦ МВД России» // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (дата обращения 06.05.2021).

при производстве неотложных следственных действий, умеющих максимально эффективно работать с программным обеспечением, электронными следами, обеспечивая, в частности, просмотр «электронного» содержимого (данных) устройств, определение места нахождения владельца такого устройства, а также в рамках компетенции выявление криминалистически значимой информации на электронных носителях и обеспечение доказательственной базы по конкретному уголовному делу. Ведь электронные устройства (носители информации) представляют собой сложные технические устройства, в работе с которыми необходимо участие специалиста, обладающего знаниями в области именно компьютерной экспертизы (компьютерно-технической экспертизы), поскольку довольно часто возникает необходимость в получении замаскированной, даже удаленной информации.

В-третьих, латентность преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет, обусловленная отсутствием обращений в правоохранительные органы, что зачастую объясняется непониманием того, во что подростков вовлекают, недоверием к правоохранительным органам, боязнью подростка перед родителями и др.

В-четвертых, использованием злоумышленниками средств сокрытия следов преступления – сайтов-анонимайзеров (VPN-сервисов), позволяющих открывать веб-ресурсы, скрывая информацию о пользователе сети Интернет, в том числе о его реальном местонахождении.

В-пятых, отсутствие систем криминалистических учетов и идентификации, которые предназначены для работы в информационном пространстве, позволяющих идентифицировать электронные устройства пользователей, модель электронного устройства, IP-адреса, авторизованные аккаунты и др. [2, с. 16].

Специфика преступлений, связанных с побуждением несовершеннолетних к суициду, состоит именно в том, что они являются одним из видов как преступлений против личности, совершенных в отношении несо-

вершеннолетних, так и преступлений в сфере компьютерных технологий, совершаемых посредством использования сети Интернет.

Электронные устройства и различного рода интернет-ресурсы, в частности социальные сети, являются не только типичными средствами реализации преступной деятельности, но и важными источниками криминалистической информации как ориентирующего, так и доказательственного значения, что, в свою очередь, оказывает значительное влияние на организацию и тактику проведения первоначальных следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие следов и предметов, имеющих значение в ходе расследования преступления.

В данном случае идет речь об информации, которая поступает следователю в результате изучения содержания различных электронных источников информации (смартфонов, стационарных и переносных носителей цифровой информации). Следует также отметить, что часть информации о подготавливаемом или совершаемом преступлении может быть получена не только в ходе следственных действий, но и по результатам проведения оперативно-розыскных мероприятий. Рассматривая вопросы удаленного доступа к электронной информации с целью противодействия преступлениям, совершаемым с применением высоких технологий, А.А. Новиков и А.В. Поляков отмечают невозможность получения сведений о противоправной деятельности лиц гласным способом либо без предварительной установки специального программного обеспечения на электронные устройства этих лиц [7, с. 38].

Современные технические средства хранения информации представлены широким разнообразием. Каждое из этих устройств имеет особенности, а следовательно, как с технической, так и с тактической стороны требует отдельного подхода в получении криминалистически значимой информации.

Результаты проведенного нами изучения материалов следственной и судебной практики, а также анкетирования следователей Следственного комитета РФ показали, что важное место в системе следственных дей-

ствий по расследованию преступлений, совершаемых в сети Интернет, связанных с побуждением несовершеннолетних к самоубийству, занимают следственные осмотры: осмотры места происшествия (осмотр места обнаружения трупа несовершеннолетнего (места совершения попытки суицида) и осмотр места проживания несовершеннолетнего), осмотр электронных носителей информации, осмотр страниц в социальных сетях, освидетельствование.

Осмотр места происшествия является важным следственным действием, позволяющим воссоздать следовую картину криминального деяния, извлечь как материальные, так и электронные следы преступления. Структуру тактики и производство указанного вида следственного осмотра целесообразно разделить на соответствующие этапы его проведения: подготовительный, основной и заключительный.

Этап подготовки к проведению осмотра места происшествия включает в себя аналитическую деятельность следователя, предполагающую:

- 1) построение мысленной модели криминального деяния [4];
- 2) определение направлений и стратегии производства следственных действий;
- 3) принятие решения о составе участников следственно-оперативной группы.

Основной этап включает в себя руководство и организацию работы следственно-оперативной группы, а также факультативных участников, не входящих в ее состав (инспектор по делам несовершеннолетних и участковый уполномоченный полиции).

Следует обратить внимание и зафиксировать в протоколе на месте происшествия следующие особенности при проведении данного вида осмотра.

1. Вблизи места обнаружения трупа / места совершения попытки суицида подлежат отысканию различного рода знаки, надписи, рисунки, граффити, возможно, воспроизведенные самим несовершеннолетним перед совершением акта суицида, зачастую носящие религиозный либо депрессивный характер.

2. Принять меры к поиску вещей, принадлежащих потерпевшему несовершеннолетнему, находящихся при нем в момент совершения суицида (смартфон, электронные носители информации, например, flash-карта, sim-карта и др.).

3. При осмотре трупа необходимо уделить особое внимание содержимому карманов на предмет наличия документов потерпевшего для скорейшего установления личности и обнаружения предсмертной записки. При возможности осуществления доступа в смартфон, принадлежащий потерпевшему, проверить последние исходящие/входящие звонки, отправленные/полученные SMS-сообщения, переписки в мобильных приложениях (социальных сетях и мессенджерах). Более того, следует обратить внимание на наличие телесных повреждений в области предплечья и иных частях тела, имеющихся на трупе несовершеннолетнего, возможно полученных до наступления смерти несовершеннолетнего как следствие выполнения одного из условий «смертельного квеста».

4. Подлежат установлению наличие систем видеонаблюдения вблизи места происшествия, а также по ходу движения несовершеннолетнего.

Особенности осмотра места жительства несовершеннолетнего.

1. Подлежит фиксации в протоколе осмотра общая информация, отражающая жилищно-бытовые условия проживания несовершеннолетнего.

2. Производится детальный осмотр комнаты несовершеннолетнего либо помещения, где он проводил большую часть времени.

3. В осматриваемом помещении в ходе осмотра следует уделить внимание наличию электронных носителей информации и электронных устройств, посредством которых возможен доступ к сети Интернет, которыми мог пользоваться потерпевший. Подлежат поиску и изъятию: личный дневник, тетради с записями, предсмертная записка, брошюры, постеры, рисунки несовершеннолетнего, а также литература, возможно побудившая несовершеннолетнего к совершению суицида (книги суицидального содержания и др.).

4. Учитывая тот факт, что выполнение заданий «смертельного квеста» осуществляется поэтапно и сопровождается отправлением различного рода отчетов кураторам/администраторам групп (к ним относятся различного рода фото-, видеоматериалы, подтверждающие нанесение подростком самому себе различного рода повреждений, просмотр деструктивного контента, убийства животных и т.д.), подлежат обязательному изъятию в рамках осмотра фотоаппараты, внутренние и внешние накопители информации, видеокамеры и др.

Осмотр электронных носителей информации. Спецификой осмотра электронных носителей информации является описание не только внешних признаков объекта (повреждений, формы, размерных характеристик; основные маркировочных обозначений и наличия следов пальцев рук), но и их информационной составляющей. Следует указывать путь расположения искомым файлов и их содержимое. Протокол осмотра электронного носителя информации при необходимости может быть дополнен фототаблицей, содержащей скриншоты, полученные результаты или распечатки содержимого файлов. Все действия с включенным устройством следует производить лишь в случае абсолютной уверенности в правильности своих действий либо воспользовавшись помощью специалиста из числа экспертов, имеющих право самостоятельного производства компьютерной (компьютерно-технической) экспертизы, который сможет должным образом обеспечить контроль над перемещением информации по сети и сохранностью содержимого носителей информации [1, с. 134]. Это необходимо, поскольку даже простое подключение большинства носителей информации к иным устройствам во многих случаях приводит к изменению первоначального состояния.

Следователь должен помнить, что есть вероятность дистанционного удаления переписки и иной информации, размещенной в интернет-ресурсах и программных приложениях, используемых несовершеннолетним (социальных сетях, почте подростка, мессенджерах и др.), поэтому снятие информации с

электронных носителей необходимо осуществлять при возможности непосредственно на месте происшествия, а также предпринимать исчерпывающие меры к их копированию с электронных носителей информации. Важно отметить, что указанные действия должны осуществляться квалифицированным специалистом, обладающим знаниями в области компьютерной экспертизы (компьютерно-технической экспертизы), с использованием криминалистического оборудования и программного обеспечения.

Отдельно рассмотрим особенности производства осмотра страниц в социальных сетях. Отличительным признаком указанного осмотра является то, что в ходе его производства может использоваться любое техническое устройство, имеющее доступ к сети Интернет.

Осмотр страницы несовершеннолетнего в социальных сетях позволяет установить следующие сведения:

- факт участия несовершеннолетнего в группах «смерти», группах деструктивного, депрессивного характера, суицидальной направленности и наличия/отсутствия контроля со стороны родителей, официальных опекунов;
- наличие переписки между несовершеннолетним и злоумышленником, а также общения с «незнакомыми» людьми, страницы которых содержат вредоносный контент или которые состоят в закрытых сообществах суицидальной направленности;
- наличие постов, статусов и комментариев депрессивного характера на странице несовершеннолетнего, а также отчетов о выполнении заданий (об этом могут свидетельствовать сохранившиеся фото- и видеотчеты нанесения порезов на руках, убийства животного и др.);
- факт нахождения в ночное время в сети Интернет (отсутствие полноценного сна);
- место и время выхода подозреваемого в сеть Интернет;
- технические и мобильные устройства, используемые как подозреваемым, так и несовершеннолетним потерпевшим;

– возможные новые преступные эпизоды, совершенные в отношении других несовершеннолетних потерпевших.

Подводя итог рассмотрению вопроса об особенностях и специфике проведения следственных осмотров в рамках расследования дел, связанных с побуждением несовершеннолетних к суициду посредством использования сети Интернет, следует рассмотреть еще один, по нашему мнению, важный вид следственного осмотра – освидетельствование, производством которого, к сожалению, пренебрегают в практической деятельности. По результатам опроса следователей Следственного комитета РФ всего 10% из общего числа опрошенных сотрудников указали, что освидетельствование следует отнести к числу типичных следственных действий, производство которых осуществляется в рамках расследования дел указанной категории.

Согласно ст. 179 УПК РФ целью освидетельствования является «обнаружение на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявление состояния опьянения или иных свойств и признаков», то есть определение исключительно на теле живых освидетельствуемых лиц особых примет, признаков внешности, следов преступного деяния, телесных повреждений, а также различного рода состояний опьянения [подр.: 6, с. 75].

В протоколе следственного освидетельствования должны находить отражение лишь такие телесные повреждения и особые приметы, которые расположены на поверхности тела несовершеннолетнего (живого лица) и не требуют специальных медицинских познаний и дополнительных исследований для обнаружения и фиксации: область расположения, конфигурация, состояние, ширина и длина повреждений, цвет и др. Проведение указанного следственного действия позволит закрепить факт причинения подростком самому себе повреждений в процессе выполнения заданий «суицидального квеста».

О причинах и давности причинения телесных повреждений, степени их тяжести, могут быть получены пояснения в рамках проведения судебно-медицинской экспертизы.

Выявленные нами особенности тактики производства следственных осмотров будут способствовать повышению эффективности криминалистического и информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений, свершенных в сети Интернет, связанных с побуждением несовершеннолетних к суициду.

Библиографический список

1. Абсаров, Р.Р. Противоречия в деятельности государственных экспертных учреждений и пути их решения / Р.Р. Абсаров // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – N 1(55). – С. 134-138.
2. Бедеров, И.С. Проблемы и тенденции в расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Противодействие киберпреступлениям и преступлениям в сфере высоких технологий : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 10 декабря 2020 года) / под общ. ред. Д.Н. Кожухарика. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. – 260 с.
3. Волчецкая, Т.С. Криминалистический анализ использования Интернет-ресурсов как места и средства побуждения несовершеннолетних к суициду / Т.С. Волчецкая, Е.А. Кот // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2020. – N 3. – С. 3-10.

4. Волчецкая, Т.С. Криминалистическое моделирование в уголовном судопроизводстве : учебно-методическое пособие / Т.С. Волчецкая, Е.В. Осипова. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2020. – 126 с.

5. Галяшина, Е.И. Использование специальных знаний для диагностики интернет-коммуникации экстремистской направленности в молодежной среде / Е.И. Галяшина // Предупреждение и расследование преступлений экстремисткой направленности в молодежной среде : материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 21 марта 2019 года. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. – С. 80-83.

6. Кот, Е.А. Отграничение следственного освидетельствования от иных следственных действий: процессуальные и тактические аспекты / Е.А. Кот // Союз криминалистов и криминологов. – 2019. – N 2. – С. 74-78.

7. Новиков, А.А. О некоторых аспектах удаленного доступа к электронной информации с целью противодействия преступлениям, совершаемым с применением высоких технологий / А.А. Новиков, А.В. Поляков // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – N 1(63). – С. 38.

Наталья Эдуардовна СОРОКОЛЕТОВА,

адъюнкт

Барнаульского юридического института МВД России

sorokoletova.natalia.1993@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ»

LEGAL FRAMEWORK OF THE OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY «RESEARCH OF OBJECTS AND DOCUMENTS» IN THE OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

Правовая основа оперативно-розыскной деятельности имеет ключевое значение в процессе регулирования деятельности при проведении сотрудниками правоохранительных органов оперативно-розыскных мероприятий, которые отражены в исчерпывающем перечне ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В статье раскрываются четыре уровня правового регулирования относительно ОРМ «Исследование предметов и документов», отражаются проблемы правового регулирования, возникающие при проведении рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия.

The legal basis of operational-search activities is of key importance in the process of regulating activities of law enforcement officers that carry out operational-search activities, which are reflected in the exhaustive list of Art. 6 ФЗ N144 «On operational-search activity». This article reveals four levels of legal regulation regarding ORM «Research of objects and documents»; it also reflects the problems of legal regulation arising in the conduct of the considered operational-search measures.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, исследование предметов и документов, правовая основа, нормативные правовые акты, уровни правового регулирования.

Keywords: operational-search activity, research of objects and documents, legal basis, normative legal acts, levels of legal regulation.

Оперативно-розыскное законодательство находится на этапе развития, в силу чего имеется ряд недостатков в регулировании оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). А.Е. Чечётин отмечает, что, несмотря на наличие массива нормативных правовых актов, составляющих правовую основу оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), во многих из них отсутствует регламентация проведения ОРМ [10, с. 22]. Данный факт без исключения относится к ОРМ «Исследование предметов и документов». Проблемы правового регулирования ОРД заключаются в декларативности ряда норм, их несогласованности с нормами

других отраслей законодательства, противоречивости отдельных предписаний, а также нечеткости законодательных формулировок [5]. Все это можно отнести и к рассматриваемому нами ОРМ.

Актуальность рассмотрения правовых аспектов подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий рассматривали множество ученых: В.Г. Бобров, Д.В. Гребельский, Н.С. Железняк, А.Е. Чечётин, А.Ю. Шумилов и др.

По мнению А.Ю. Шумилова, «правовая основа ОРД – это базовая, фундаментальная часть правового регулирования посредством нормативных правовых актов всех возни-

кающих в ОРД общественных отношений» [7, с. 212].

По мнению М.С. Десятова, под правовой основой ОРД следует понимать «совокупность законодательных и иных нормативных актов, регламентирующих отношения, возникающие в сфере этой деятельности» [8, с. 13].

Мы считаем, что вышеуказанные определения в полной мере отражают сущность правовой основы ОРД. Тем самым можно сформулировать понятие правовой основы ОРМ «Исследование предметов и документов»: это комплекс различных нормативных правовых актов, регламентирующих отношения при проведении различных видов исследований в рамках оперативно-розыскной деятельности.

Наиболее целесообразным мы считаем рассмотреть правовую основу ОРМ «Исследование предметов и документов» в соответствии со следующими уровнями правового регулирования: международный, конституционный, законодательный, подзаконный [6, с. 78].

Предлагаем более детально рассмотреть каждый уровень правового регулирования.

Международный уровень. В соответствии со ст. 4 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» международно-правовые акты не являются источниками правовой основы в сфере ОРД на территории Российской Федерации, но в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

В системе МВД России организацией международного сотрудничества по борьбе с преступностью занимается НЦБ Интерпола МВД России, отдельные подразделения в главках и департаментах центрального аппарата МВД России [3].

К группе международно-правовых актов следует отнести следующие:

– Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.;

– Конвенция о защите прав человека и основных свобод, заключенная 4 ноября 1950 г.;

– постановление Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности от 26 ноября 2015 г. N 8-14 «О проекте Рекомендаций по сближению и гармонизации законов государств – членов ОДКБ об оперативно-розыскной деятельности»;

– постановление Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности от 30 октября 2018 г. N 11-4 «О проекте модельного Соглашения о сотрудничестве государств – членов ОДКБ в сфере оперативно-розыскной деятельности»;

— Модельный закон «Об оперативно-розыскной-деятельности», принятый на 27-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление от 16 ноября 2006 г. N 27-6) и другие международные правовые акты.

Например, ч. 1 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, заключенная 4 ноября 1950 г., указывает право каждого гражданина на «уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции». Ограничение данного права, в том числе и при проведении ОРМ «Исследование предметов и документов», регламентируется ч. 2 ст. 8 конвенции. В ней говорится о наличии исключительных случаев, при которых данное «вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц»¹.

Международные договоры Российской Федерации наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются в соответствии с Конституцией РФ составной частью ее правовой системы. Международные договоры – это существенный элемент стабильности международного правопорядка и отношений России с зарубежными

1 Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Рим 04.11.1950; О международных договорах Российской Федерации : Федеральный закон от 15.07.1995 N 101-ФЗ.

ми странами, а также ее функционирования как правового государства.

На международном уровне сотрудничество органов внутренних дел в области ОРД основано на международных нормах права и нормах права, которые регулирующих ОРД на территории Российской Федерации. Данное сотрудничество имеет общую цель, которая направлена на решение задач ОРД. Развитие международного сотрудничества в оперативно-розыскной деятельности необходимо, это подтверждает тот факт, что уровень преступности растет, с каждым годом появляются новые виды преступлений при участии лиц, обладающих специальными познаниями в определенных сферах деятельности, в связи с чем роль международного сотрудничества в сфере оперативно-розыскной деятельности становится лишь более важной.

В.Б. Волженкин в пояснительной записке к Модельному Уголовному кодексу для государств – участников Содружества Независимых Государств отмечал, что наличие различий в законодательстве стран СНГ приводит к возникающим сложностям при взаимодействии правоохранительных органов в целях противодействия преступности. В связи с этим необходимо наличие единообразия в нормативных правовых актах, касающихся в том числе проведения ОРМ «Исследование предметов и документов».

Следует отметить, что в рассматриваемой норме российского закона в числе правовых источников ОРД нет ссылки на международные договоры, участником которых является Россия, что, по мнению некоторых ученых, можно считать «белым пятном» законодательства [2, с. 25].

Также мы считаем, что странам ЕАЭС, куда входят Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Россия, необходимо на межгосударственном уровне согласовать понятие видов ОРМ, так как при наличии единого понимания содержательной части ОРМ гораздо проще будет достигнуть консенсуса при взаимодействии субъектов ОРД [9, с. 155].

Международные договоры, касающиеся оперативно-розыскной деятельности, а так-

же включающие в себя нормы, регулирующие проведение ОРМ «Исследования предметов и документов», занимают важное место в правовой системе Российской Федерации. Они являются юридически обязательными для осуществления задач ОРД.

Конституционный уровень. Одну из главных ролей в правовом регулировании оперативно-розыскной деятельности занимает Конституция РФ, которая гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Ряд норм, которые содержатся в Конституции РФ, регламентируют проведение отдельных видов ОРМ. Это ОРМ, которые ограничивают конституционные права граждан.

Конституционный уровень правового регулирования ОРД является базовым и определяющим в установлении границ.

Обязанность соблюдения прав и свобод человека и гражданина, являющихся естественными и неотчуждаемыми, возложена и на органы, осуществляющие ОРД. В связи с этим правам и свободам уделяется большое внимание при проведении ОРМ «Исследование предметов и документов». Их перечень в полном объеме закреплен в Конституции РФ.

Конституция отражает важнейшие принципы отношений между правоохранительными органами и гражданами в сфере борьбы с преступностью. Это такие принципы, как признание государством высшей ценностью прав и свобод человека (ст. 2), равенство граждан перед законом (ст. 19), соблюдение норм международного права в области обеспечения прав человека (ст. 17), обеспечение прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23), неприкосновенность жилища (ст. 25), гарантии судебной защиты прав и свобод граждан (ст. 46), презумпция невиновности (ст. 49), установление законодательного порядка ограничения основных конституционных

прав для достижения общественно значимых целей (ст. 55) и другие.

Законодательный уровень. Федеральные законы отражают в своем содержании стратегию уголовной политики, основные задачи, компетенцию оперативно-розыскных органов в борьбе с преступностью, направления, формы и методы борьбы с криминальными проявлениями [6, с. 81]. Ключевым законом, регулирующим оперативно-розыскную деятельность, а также проведение оперативно-розыскных мероприятий, является Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», определяющий задачи ОРД (ст. 2), принципы ОРД (ст. 3), основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий (ст. 7, 8), использование результатов ОРД (ст. 11), органы, осуществляющие ОРД (ст. 13) и т.д. Важно отметить, что в указанном Федеральном законе отсутствуют конкретные нормы, посвященные ОРМ «Исследование предметов и документов».

В настоящее время сотрудники правоохранительных органов неоднозначно трактуют некоторые нормы, отраженные в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». Данный факт приводит к неправильной интерпретации содержательной части ОРМ, закрепленных в ст. 6 закона, в которой указывается и ОРМ «Исследование предметов и документов» [1]. В связи с этим возникает проблема создания эффективного механизма правового регулирования, касающаяся организации взаимодействия подразделений, производящих ОРМ «Исследование предметов и документов».

Не менее важными при правовом регулировании ОРМ «Исследование предметов и документов» являются Федеральные законы от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции», от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

В Российской Федерации много законов, которые обладают различной степенью влияния на содержание правовой основы оперативно-розыскной деятельности, также важную роль играют Уголовный и Уголовно-процессуальные кодексы Российской Федерации.

Подзаконный уровень. Подзаконные акты – это официальные акты, принятые компетентными органами или должностными лицами на основании и во исполнении закона [4, с. 95].

Экспертно-криминалистические центры проводят исследования в рамках оперативно-розыскной деятельности по заданиям из оперативных подразделений. Также они осуществляют взаимодействие с оперативными подразделениями на основании следующих документов:

– Наставление по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России, утвержденное приказом МВД России от 11 января 2009 г. N 7;

– приказ МВД России от 29 апреля 2015 г. N 495 дсп «Об утверждении инструкции по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений ОВД Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел»;

– приказ МВД России от 29 июня 2005 г. N 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации».

Отличительной особенностью ОРМ «Исследование предметов и документов», требующей особого внимания, является то, что основными лицами, проводящими исследования по заданиям в рамках рассматриваемого ОРМ, являются специалисты экспертно-криминалистических подразделений и других учреждений. Это связано с тем, что сотрудники оперативных подразделений не могут обладать познаниями во всех областях, требуемых для проведения различных исследований, в связи со спецификой своей деятельности.

Одной из целей взаимодействия сотрудников экспертно-криминалистических цен-

тров с сотрудниками оперативных подразделений является взаимопомощь и постоянный контакт при проведении тех или иных мероприятий, в том числе и ОРМ «Исследование предметов и документов», при расследовании преступлений.

ЭКЦ субъектов Российской Федерации в своей деятельности при проведении исследований в рамках оперативно-розыскной деятельности пользуются различными НПА. Например, на территории Алтайского края действует приказ ГУ МВД России по Алтайскому краю от 10 марта 2017 г. N 155 «О взаимодействии сотрудников органов внутренних дел Алтайского края в раскрытии и расследовании преступлений».

Важно отметить, что вопросы взаимодействия зачастую регламентируют документы, которые носят рекомендательный характер, а также создаются для определенного круга субъектов (например, методические рекомендации, научно-практические комментарии и т.д.).

Обеспечение безопасности личности, общества и государства в современном мире осуществляют большое количество ведомств, в связи с чем одной из актуальных проблем является организация их взаимодействия через соответствующие зоны ответственности.

Эффективность взаимодействия оперативных подразделений различных ведомств не может быть налажена без четкого механизма правового регулирования их деятельности. Взаимодействие будет продуктивным лишь в том случае, когда у сотрудников оперативных подразделений и экспертно-криминалистических центров будет психологический настрой и убежденность в том, что при совместном выполнении своих профессиональных обязанностей они достигнут поло-

жительного результата, а именно раскрытия преступлений.

В системе Министерства внутренних дел Российской Федерации в структуре УЭБиПК территориальных органов МВД России на региональном уровне имеется субъект, осуществляющий ОРМ «Исследование предметов и документов», – отделы документальных исследований. Стоит отметить, что в настоящий момент приказом МВД России в данных подразделениях установлены такие должности, как эксперты-ревизоры и специалисты-ревизоры².

Положительный опыт субъектов Российской Федерации относительно взаимодействия оперативных подразделений с экспертно-криминалистическими службами необходимо систематически обобщать для дальнейшего анализа, проводимого с целью внесения изменений в нормативные правовые акты, касающиеся взаимодействия вышеуказанных подразделений, что в дальнейшем повлияет на эффективность проведения ОРМ «Исследование предметов и документов».

Мы считаем, что на основе обобщения и сравнения практики органов, осуществляющих исследования в рамках оперативно-розыскной деятельности, важно приступить к разработке нормативного документа, который должен содержать порядок, сроки проведения исследований, а также способы реализации результатов проведенных исследований. Необходимо отразить в нормативном документе положения, которые исключат двоякое толкование законодательных предписаний, что в дальнейшем будет способствовать укреплению правовой основы проведения ОРМ «Исследование предметов и документов».

Мы считаем целесообразным на законодательном уровне определить круг должност-

2 О Перечне должностей федеральной государственной службы в Министерстве внутренних дел Российской Федерации и должностей в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством внутренних дел Российской Федерации, при замещении которых сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации, федеральные государственные гражданские служащие и работники, а также граждане при назначении на должности в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством внутренних дел Российской Федерации, обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей : приказ МВД России от 16.12.2016 N 848.

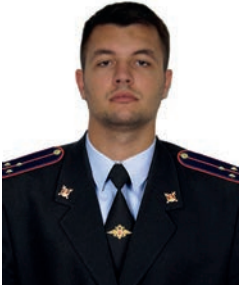

ных лиц из числа сотрудников экспертных криминалистических центров, на которых в дальнейшем будут возложены полномочия

по проведению исследований в рамках ОРМ «Исследование предметов и документов».

Библиографический список

1. Введенский, А.Ю. Законодательное закрепление новых оперативно-розыскных мероприятий не необходимость, а реальность, продиктованная практикой / А.Ю. Введенский // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – N 1. – С. 189-192
2. Железняк, Н.С. «Черные дыры» и «белые пятна» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: юридические и лингвистические аспекты : монография / Н.С. Железняк, А.Д. Васильев. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2009. - 164 с.
3. Ивашук, В.К. Международно-правовые стандарты в оперативно-розыскной деятельности / В.К. Ивашук // Академическая мысль. – 2019. – N 2. – С. 23-30.
4. Колоткина, О.А. Теория государства и права : учебное пособие / О.А. Колоткина, И.Д. Ягофарова. – Екатеринбург: Уральский институт коммерции и права, 2015. – 176 с.
5. Лиджаев, К.В. Проблемы и возможность совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности / К.В. Лиджаев // Вестник Брянского государственного университета. – 2013. – N 2. – С. 156-161.
6. Оперативно-розыскная деятельность : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под. ред. И.А. Климова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 407 с.
7. Оперативно-розыскная энциклопедия / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. – М.: Изд. Шумилова И. И., 2004. – 364 с.
8. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / под ред. М.С. Десятова. – Омск : Омская академия МВД России, 2017. – 88 с.
9. Парманасов, А.Д. Законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности в странах участниках Евразийского Экономического союза (по материалам органов внутренних дел) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / А.Д. Парманасов. – СПб., 2017. – 263 с.
10. Чечётин, А.Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий : монография / А.Е. Чечётин. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2016. – 232 с.

Максим Валерьевич МЕЛЬНИКОВ,

адъюнкт

Академии управления МВД России (г. Москва)

exelent_007@mail.ru

ОБЪЯСНЕНИЕ КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

EXPLANATION AS A SOURCE OF EVIDENCE AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE: STATEMENT OF THE PROBLEM

Статья посвящена проблемам использования в качестве доказательства по уголовному делу объяснений, полученных в ходе осуществления проверки сообщения о преступлении. Автор анализирует различные точки зрения, вносит некоторые предложения по совершенствованию уголовно-процессуальных норм, регулирующих процесс доказывания. Помимо этого автором делается вывод о необходимости использования информации, содержащейся в объяснениях, в доказывании по уголовным делам при условии соответствия ее принципу оценки доказательств с позиции их относимости, допустимости, достоверности и достаточности, а также возможности использования участником проверки прав и гарантий, непосредственно затрагивающих его интересы.

The article is devoted to the problems of using as evidence in a criminal case the explanations obtained during the verification of a crime report. The author analyzes various points of view regarding this issue, makes some suggestions for improving the criminal procedure rules governing the process of proof. In addition, the author concludes that it is necessary to use the information contained in the explanations in proving criminal cases, provided that it complies with the principle of evaluating evidence, from the point of view of their relevance, admissibility, reliability and sufficiency, as well as the possibility of using the rights and guarantees directly affecting its interests by the participant in the verification.

Ключевые слова: объяснение, доказывание, доказательства, проверка сообщения о преступлении, следственные и процессуальные действия, иные документы.

Keywords: explanation, proof, evidence, verification of a crime report, investigative and procedural actions, and other documents.

На сегодняшний день этап процессуальной проверки сообщения о преступлении имеет принципиально важное значение для дальнейшего расследования ввиду того, что немалую часть следственных и иных процессуальных действий, проводимых на данном этапе, зачастую достаточно затруднительно эффективно реализовать после возбуждения уголовного дела.

К таким следственным действиям можно отнести, например, получение первоначаль-

ной информации от заинтересованных участников процессуальной проверки, которая обличается в форму объяснения.

Несмотря на то, что законодатель наделяет должностных лиц полномочиями получать объяснения при проведении проверки сообщения о преступлении [10], процессуальная форма получения объяснения как доказательства по уголовному делу до настоящего времени уголовно-процессуальным законом не закреплена. Существует подход [7, с. 74],

согласно которому объяснение расценивается как иной документ, что, вероятно, не вполне обоснованно, ведь таким образом объяснение формально приравнивается к обозначенным в статье 84 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) материалам фото- и кино- съемки, аудио- и видеозаписи и иным носителям информации, хотя, на наш взгляд, они несоотносимы. Более того, рассмотрение объяснения в качестве иного документа не решает проблемы его доказательственного значения, так как по своей правовой природе иные документы не предполагают фиксации сведений, относящихся к обстоятельствам преступления, сообщенных участниками уголовного судопроизводства. Отвечает таким требованиям такой вид доказательства, как показание, которые могут быть получены только в ходе производства допроса (очной ставки), а иные документы не отвечают цели фиксации показаний [9, с. 156].

При этом стоит отметить, что сведения, установленные в ходе проверки сообщения о преступлении и содержащиеся в объяснении, в последующем могут послужить как для решения вопроса о наличии признаков преступления и возбуждении уголовного дела, так и для установления истины по уголовному делу при расследовании в форме сокращенного дознания (ст. 226.5 УПК РФ). Поэтому возможность придания объяснению доказательственного значения является крайне важным аспектом, требующим законодательного разрешения.

В продолжение обозначенной нами позиции, следует отметить, что положениями ч. 11 ст. 144 УПК РФ предусмотрена необходимость разъяснения лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, как их прав и обязанностей, так и одновременно обеспечения прав и законных интересов данных лиц в части, их затрагивающей, однако конкретизирующие нормы, предопределяющие порядок и условия такого разъяснения, в УПК РФ отсутствуют.

Из сказанного следует, что уголовно-процессуальный закон сегодня не содержит пе-

речня прав, которые должны быть разъяснены, и указаний, в каком объеме и каким участникам, что в данном контексте полагаем вполне объяснимым, поскольку процессуальные права, гарантии и обязанности являются составляющими элементами процессуального статуса лица, регламентация которого на этапе доследственной проверки законодателем не предусмотрена.

Данный вопрос представляется крайне актуальным, ведь при отсутствии закрепленного перечня процессуальных прав, являющихся составной частью процессуального статуса конкретного участника уголовного процесса, вряд ли можно говорить о законности проводимых следственных действий, в частности получения объяснения, что является препятствием для дальнейшего использования юридически значимых фактов, в нем содержащихся, в процессе доказывания.

Для того, чтобы ответить на вопрос о том, чем по существу является объяснение, необходимо уделить внимание рассмотрению его правовой природы, отметив, что учеными на этот счет высказываются различные мнения. Например, В.Ю. Стельмах говорит об уголовно-процессуальной правовой природе объяснения, поставив под сомнение его административно-правовые корни. Им приводится точка зрения, согласно которой процессуальный порядок объяснения отождествляется с порядком производства допроса, которому по возможности он должен соответствовать [9, с. 148].

Указанная точка зрения, на наш взгляд, не вполне соответствует содержанию действующих норм УПК РФ, потому как:

во-первых, нельзя отрицать, что отсутствие процессуальной формы объяснения не только не предусматривает возможности разъяснения лицу ряда фундаментальных прав, но и делает невозможным предупреждение лица об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний, что, в свою очередь, ставит под сомнение соблюдение принципов относимости и допустимости доказательств (хотя стоит отметить, что единая позиция относительно данного момента отсутствует и в

правоприменительной практике, где встречаются случаи предупреждения лица об уголовной ответственности, предусмотренной санкциями статей 307-308 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ);

во-вторых, несмотря на положения статьи 144 УПК РФ, на сегодняшний день сведения, содержащиеся в объяснении, не расцениваются как показания лица и если и используются в уголовном судопроизводстве, то в качестве иных документов.

Указанные выше причины, а именно отсутствие процессуального статуса у участников проверки сообщения о преступлении, влекущее невозможность установления круга их субъективных прав и гарантий, и, как следствие, отсутствие механизма, гарантирующего достоверность получаемых сведений, обуславливают невозможность придания объяснению доказательственного значения.

В то же время получение объяснений представляет собой наиболее часто применяемое проверочное действие, в связи с чем вопрос о его правовой природе является сегодня в науке достаточно обсуждаемым. Некоторые авторы придерживаются мнения о том, что с точки зрения правового регулирования объяснение, получаемое в стадии возбуждения уголовного дела, представляет собой административно-правовой акт [8, с. 66].

Однако наиболее преобладающей является точка зрения, поддерживаемая рядом ученых [4, с. 59; 12, с. 393; 13, с. 361], согласно которой объяснение все же является уголовно-процессуальным актом. Автору представляется, что данная точка зрения является вполне обоснованной, поскольку непосредственное действие – получение объяснения предусмотрено нормами уголовно-процессуального права и отвечает потребности решения задач уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела

Следовательно, хотя объяснение и не предусмотрено в качестве самостоятельного вида доказательства в ст. 74 УПК РФ, полагаем, что оно все же представляет собой уголовно-процессуальное действие, требующее во время его проведения максимального

применения общих правил, предъявляемых к формированию доказательств, что, на наш взгляд, следует отразить в конкретной норме уголовно-процессуального закона.

В связи с вышесказанным далее считаем целесообразным рассмотреть вопрос о том, каким должен быть процессуальный статус лица, от которого отбирается объяснение, и необходим ли он в целом, а также перечень каких именно процессуальных прав и гарантий он должен содержать.

В настоящее время процесс получения объяснений не имеет различий и не зависит от правового положения лица. Полагаем, что в первую очередь, говоря о возможности использования объяснения в качестве доказательства по уголовному делу, следует констатировать, что оно должно дифференцироваться в зависимости от процессуального статуса лица, участвующего на этапе проверки сообщения о преступлении. При этом каждый участник должен обладать индивидуальным набором прав и гарантий, соответствующих его правовому положению, что, в свою очередь, невозможно без закрепленного процессуального статуса.

Обращаясь к данному вопросу, следует уточнить, что законодатель не конкретизирует круг лиц, у которых следователь или дознаватель могут получать объяснения. При этом в соответствии с положениями ч. 11 ст. 144 УПК РФ следует отметить, что сведениями, имеющими значение для уголовного дела, могут обладать непосредственно заявитель, очевидцы совершенного деяния, лицо, заподозренное в совершении преступления, лица, которые обладают оперативно значимой информацией, понятые, а также специалист и эксперт, однако их наделение процессуальным статусом на этапе проверки сообщения о преступлении закон сегодня не предусматривает.

Хотя логично предположить, что каждый из перечисленных выше участников, обладая юридически значимыми сведениями, в зависимости от своего положения должен иметь строго определенный круг прав, присущий ему в той части, в которой производимые

процессуальные действия (в частности речь идет о получении объяснения) затрагивают их интересы.

Продолжая указанную мысль, стоит отдельно рассмотреть как возможность приобретения лицом процессуального статуса до момента возбуждения уголовного дела, так и необходимость конкретизации процессуального статуса, присущего конкретным участникам проверки заявления, сообщения о преступлении.

Существуют несколько путей решения данного вопроса, указанных в юридической литературе. Некоторыми учеными предлагается наделение вышеуказанных участников самостоятельным процессуальным статусом [1, с. 79; 12, с. 37]. Другими обосновывается необходимость признания лица потерпевшим, а также придания процессуального статуса остальным участникам этапа проверки сообщения о преступлении в постановлении о возбуждении уголовного дела [3, с. 13; 5, с. 15].

Рассматривая изложенные выше точки зрения, все же полагаем нецелесообразным введение дополнительного процессуального статуса для участников предварительной проверки сообщения о преступлении, поскольку это способно придать излишнюю громоздкость юридической терминологии, используемой в уголовном судопроизводстве. Фактически это приведет к тому, что один и тот же участник уголовного судопроизводства, выполняя одну и ту же функцию, будет иметь два равноименных статуса, что поставит вопросы как соотношения объема его прав в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, так и необходимости установления момента утраты одного процессуального статуса и приобретения другого.

Вместе с тем следует сказать и о том, что появление у лица процессуального статуса одновременно с возбуждением уголовного дела также не решит обозначенных проблем, так как на вопрос о правоспособности и процессуальной самостоятельности лиц до начала предварительного расследования в данном случае это не повлияет.

При этом можно согласиться с мнением некоторых ученых [2, с. 148] о необходимости придания лицу статуса потерпевшего в момент подачи им заявления о преступлении. Так, рассуждая, например, о возможности признания лица потерпевшим до начала предварительного расследования, стоит в первую очередь отметить, что, обозначая его как участника уголовного судопроизводства, законодатель говорит о потерпевшем как о физическом лице, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, или юридическом лице в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

Крайне важным, на наш взгляд, здесь является то, что факт причинения вреда преступлением, как один из признаков, определяющий деяние как уголовно наказуемое, устанавливается уже на этапе доследственной проверки.

Ввиду того, что немалая часть преступлений, предусмотренных УК РФ, имеет материальный состав, решение о возбуждении уголовного дела в большинстве случаев принимается, исходя именно из наличия причиненного вреда и его характеристик. В соответствии с вышесказанным факт причинения вреда лицу, пострадавшему от совершенного преступления, устанавливается и подтверждается еще до момента возбуждения уголовного дела, а следовательно, исходя из законодательного установления понятия потерпевшего, предусмотренного ст. 42 УПК РФ, определение статуса данного участника может иметь место уже на этапе предварительной проверки, однако, как отмечено выше, хотя решение об этом принимается должностным лицом только в рамках возбужденного уголовного дела.

Однако если статус потерпевшего может быть определен на этапе предварительной проверки сообщения о преступлении, соответственно, на данном этапе можно определить и объем его процессуальных прав, который уже установлен законом. Из вышесказанного следует, что стоит рассмотреть возможность закрепления и использования данных прав при получении объяснения от

лица, пострадавшего от преступления. Это, в свою очередь, послужит приведению объяснения в соответствие с требованиями допустимости и возможности его дальнейшего использования в качестве доказательства при расследовании уголовного дела.

Более того, наделив пострадавшее от преступления лицо процессуальным статусом, должностное лицо получает возможность предупреждения его об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, что с точки зрения объективности и достоверности доказательств является значительным преимуществом по сравнению с сегодняшним статусом объяснения такого лица.

Отдельно стоит обратить внимание на то, что положениями ст. 226.5 УПК РФ при осуществлении дознания в сокращенной форме предусмотрена возможность не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за некоторыми исключениями.

Таким образом, законодателем сегодня прямо предусмотрена возможность использования в качестве доказательств по уголовному делу объяснений, полученных при проведении проверки сообщения о преступлении. Однако в данном случае круг полномочий правоприменителя ограничен рамками лишь формы предварительного расследования и не распространяется на предварительное следствие и дознание в общем порядке.

Ввиду того, что основной задачей указанного этапа является установление признаков преступления, очевидным представляется необходимость уделения должного внимания вопросу достоверности сведений о преступлении и юридических фактов, их определяющих.

Соответственно, если на этапе проверки сообщения о преступлении требуется зафиксировать какие-либо обстоятельства, необходимо сделать это с максимальной степенью достоверности, хотя бы для того, чтобы не дублировать установление тех же самых обстоятельств на последующих стадиях уголовного процесса [6, с. 343].

Добиться реализации указанных выше положений невозможно до тех пор, пока правовой статус лиц, обладающих сведениями, имеющими значение для уголовного дела, не будет на данном этапе расследования законодательно регламентирован.

Это еще раз подтверждает вывод о том, что фактические данные, полученные на этапе осуществления проверки сообщения о преступлении и содержащиеся в объяснении, все же могут являться доказательствами, но при условии, если процессуальная форма их выражения при расследовании уголовного дела будет законодательно предусмотрена.

Библиографический список

1. Башкатов, Л.Н. Глава 7: Участники уголовного судопроизводства на стороне защиты / Л.Н. Башкатов, Г.Н. Ветрова // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И.Л. Петрухина. – М.: Велби, 2002.
2. Гаврилов, Б.Я. Стадия возбуждения уголовного дела: нужна ли она современному российскому уголовному судопроизводству? / Б.Я. Гаврилов // Публичное и частное право. – 2015. – № 4 (28).
3. Гуськова, А.П. Актуальные вопросы защиты прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве / А.П. Гуськова // Защита прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном процессе, как приоритетное направление в судопроизводстве. – М.: Издательский центр Оренбургского государственного аграрного университета, 1999.
4. Зинатуллин, З.З. Некоторые размышления о путях совершенствования досудебного производства по уголовным делам / З.З. Зинатуллин, С.Ю. Туров // Сборник материалов международной научно-практической конференции Уфимского юридического института МВД России. – Уфа, 2012.

5. Лаврешин, Ю.И. Процессуальные гарантии реализации права потерпевшего на участие в уголовном преследовании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.И. Лаврешин. – Ставрополь, 2009.
6. Лазарева, В.А. Доказывание в уголовном процессе : учебник для бакалавриата и магистратуры / В.А. Лазарева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014.
7. Мамедов, О.Я. Объяснение в системе доказательств по уголовному делу / О.Я. Мамедов // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – N 3.
8. Петрухин, И.Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ / И.Л. Петрухин // Государство и право. – 2005. – N 1.
9. Стельмах, В.Ю. Объяснения в уголовном судопроизводстве: правовая природа, процессуальный порядок получения, доказательственное значение / В.Ю. Стельмах // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2016. – N 5.
10. Хатуаева, В.В. Процессуальные особенности возбуждения уголовных дел частного обвинения / В.В. Хатуаева // Российский следователь. – 2005. – N 1.
11. Хитрова, О.В. О целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела: за и против / О.В. Хитрова // Правовое и криминалистическое обеспечения управления органами расследования преступлений : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции: в 3 ч. – М., 2011. – Ч. 1.
12. Шамонова, Т.Н. Поводы и основание для возбуждения уголовного дела и начало уголовного судопроизводства / Т.Н. Шамонова // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства : сборник материалов международной научно-практической конференции: в 2 ч. – М., 2014. – Ч. 2.

ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ!

Приглашаем ученых, сотрудников правоохранительных органов, соискателей и аспирантов юридических вузов и факультетов опубликовать свои научные статьи в нашем журнале.

Научное направление журнала – «Юридические науки»: вопросы теории права и его отдельных отраслей, правоохранительных органов и правоохранительной деятельности, проблемы раскрытия и расследования преступлений, профилактики преступности, в том числе противодействия наркоугрозе.

К публикации принимаются статьи, посвященные актуальным проблемам по заявленной тематике, направленные на развитие научных знаний в области юриспруденции; распространение российского и зарубежного опыта борьбы с преступностью (теоретический и практический аспекты); апробацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований.

По решению редакционной коллегии в журнале могут быть опубликованы научные и информационные материалы, не предусмотренные тематикой журнала.

Редакция организует рецензирование каждой представленной рукописи.

Материалы публикуются на безгонорарной основе.

Рукописи и диски как опубликованных, так и неопубликованных материалов не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс Роспечати 70589.

Электронная версия журнала размещается в открытом доступе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на сайте института (<http://сибюи.мвд.рф>), в научной электронной библиотеке (<http://elibrary.ru>), а также на социальной международной платформе Readera (<https://readera.ru>).

Каждой статье выпусков присваивается цифровой идентификатор объекта (DOI).

Требования к статьям

1. Статья предоставляется в редакцию журнала в печатном виде с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронный вариант статьи может быть предоставлен на носителе либо вложением в электронное письмо.
2. Вместе со статьей автор предоставляет заполненный и подписанный лицензионный договор (бланк договора доступен на сайте института).
3. К статье прилагается заключение комиссии об отсутствии сведений ограниченного распространения.
4. Для адъюнкта (аспиранта) прилагается отзыв научного руководителя.
5. Статья обязательно сопровождается письмом, в котором указываются контактные данные авторов (адрес, телефоны, адрес электронной почты).
6. К письму отдельным файлом прикладывается фотография автора в цифровом варианте в формате *.jpg, *.jpeg, *.tif, *.tiff с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).
7. Элементы издательского оформления материалов включают:
  - сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках, ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), наименование страны (для иностранных авторов);
  - заглавие публикуемого материала на русском и английском языках;
  - индекс УДК (Универсальной десятичной классификации);
  - аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках. Аннотация должна соответствовать ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76) (в среднем 500 знаков);
  - приставный библиографический список, оформленный в соответствии ГОСТ 7.0.100 – 2018, в алфавитном порядке (**не допускается включение нормативных правовых актов в библиографический список, их надлежит указывать непосредственно в тексте статьи!**), количество наименований не должно превышать 25.
8. Технические требования:
  - текстовый редактор Microsoft Word (*.doc, *.docx);
  - параметры страницы: размер бумаги – А4 (21,0x29,7 см), поля – 2,00 см, расстояние до колонтитула – 1,25 см;
  - шрифт Times New Roman, обычный, кегль 14 пунктов;
  - абзацный отступ – 1,25 см, выравнивание по ширине (**не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»!**), межстрочный интервал полуторный;
  - объем статьи 8-16 страниц;
  - сноски на литературу оформляются ссылками к приставному библиографическому списку (в квадратных скобках). **Список составляется в алфавитном порядке;**
  - графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические иллюстрации должны быть выполнены с использованием штриховой заливки, пронумерованы и представлены отдельными файлами в формате *.tif, *.tiff, *.jpg, *.jpeg в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм); подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект;
  - файл именуется по фамилии автора (авторов): «Иванов»; графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т.п.: «Рисунок 1.jpg», «Таблица 3.doc».
9. Статьи, не соответствующие перечисленным требованиям, не рассматриваются.

Ждем Ваши материалы по адресу:

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

E-mail: onrio@yandex.ru

Телефоны: (391) 222-41-30, 222-41-31

**Вестник
Сибирского юридического института
МВД России**
Научно-практический журнал

Редакционная коллегия:

главный редактор, он же председатель редакционной коллегии – Д.В. Ким, д.ю.н., профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);
заместитель главного редактора, он же ответственный за выпуск – Н.Н. Цуканов, д.ю.н., доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе) (г. Красноярск);

члены редакционной коллегии:

Т.В. Куприянич – к.пед.н., доцент, заведующая кафедрой иностранного и русского языков Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

С.М. Мальков – к.ю.н., доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Е.Б. Мельников – к.х.н., доцент, начальник кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Е.В. Панов – к.пед.н., доцент, начальник кафедры физической подготовки Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

В.В. Пономарева – д.ю.н., профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

Н.А. Рябинин – к.ю.н., доцент, начальник кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

А.Б. Судницын – к.ю.н., доцент, начальник кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

В.Е. Шинкевич – д.с.н., доцент, действительный член Академии педагогических и социальных наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).

**Vestnik
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia**
Scientific and practical journal

Editorial Board:

Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board – Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor, Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Editor-in-Chief, also being in charge for the issue – Nicolai N. Tsukanov, Doctor of Law, Ass. Professor, Deputy Head of Siberian Law Institute of the MIA of Russia (on Research Work) (Krasnoyarsk);

Editorial Board Members:

Tatyana V. Koupriyanchik, Candidate of Pedagogic Sciences, Ass. Professor, Head of the Department of Foreign and Russian Languages, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Sergey M. Mal'kov, Candidate of Law Sciences, Ass. Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Yevgeny B. Melnikov, Candidate of Chemical Sciences, Head of the Department of Criminalistics, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Evgeny V. Panov, Candidate of Pedagogic Sciences, Ass. Professor, Head of the Department of Physical Training, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Valeriya V. Ponomaryova, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State Legal Disciplines, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Nikolay A. Ryabinin, Candidate of Law Sciences, Head of the Department of Civil law and Procedure, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Alexey B. Sudnitsin, Candidate of Law Sciences, Head of the Department of Criminal Procedure, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk);

Vladimir Ye. Shinkevich, Doctor of Sociology, Ass. Professor, Full Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Professor of the Department of Humanities and Social Disciplines, SibLI of the MIA of Russia (Krasnoyarsk).

Подготовлено к изданию Ю.В. Леонтьевой, Е.В. Василевской, В.Е. Рыбиным

Подписан в печать 08.09.2021
Вышел в свет 24.09.2021
Формат Р 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Souvenir.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 23,1.
Тираж 150 экз.
Заказ 264.

Адрес редакции и издательства:

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.
Отпечатано в типографии НИРИО.
Сибирский юридический институт МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.